

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил ЛЕККОР

КЛИНОК
КОМАНДОРА

Россия. Как всегда проблемы в политике и в экономике.

А студенту Володе Кудрявцеву плевалось на все это с высокого моста. Ему, как и другим студентам, его друзьям — Саше Семенову и Диме Соловьеву — надо было кушать, надо было сдавать экзамены, надо было любить. А любимая девушка Володи ушла. Эх, взял бы и утопился.

И Вдруг... в их городе — небольшом городе Предуралья, от которого тысячи километров до любой границы, начали зверски убивать людей. Рвать на части.

Власть не знала, что делать. Какие то существа, сильные и страшные, которых не могло уничтожить любое оружие, убивали людей.

Так закончилась эра от Рождества Христова, и началась Эпоха от пришествия. Пришельцы, появившиеся не то из космоса, не то из параллельного мира, создавали вокруг себя поле, от которого не работали огнестрельное оружие, электричество, просто сложные механизмы. Их называли орками

Михаил Леккор
Клинок командора
Часть I

Глава 1

Из дома мать опять прислала письмо, жалуясь на плохую погоду и неубранную морковь. Говорил ведь — не сей столько. Опять осенью свинье скормишь. Нет, насадит, а потом зудит, что сердце болит ползать по грядкам. Эх, мама, мама, мне бы твои проблемы.

Он с досады сплюнул в воду, глядя, как плевков пролетает несколько метров отделяющих мост от реки, и задумчиво подумал, а если и сам туда же... раз и никаких проблем.. никогда. Вынут бездыханное тело через несколько дней. И будут первые красавицы института лить слезы на бездыханном теле... Синем, опухшем, воняющим илом и мертвечиной. Тьфу!

Володя опасливо посмотрел по сторонам: не видел ли кто безумного взгляда вниз. Еще один несчастный влюбленный, пожелавший расстаться с жизнью. Для студента третьего курса исторического факультета смерть крайне неразумная и бестолковая. Светка, Светка, как ты выбрала другого! Чем Сашка Семенов лучше ее Вовки Кудрявцева. А вот выбрала же!

Он почувствовал прилив безумной тоски, стискивающей душу стальным обручем, и еще раз посмотрел вниз. Вода притягивала сумрачным отблеском низких туч. Называется, стоит середина мая. Радующая жизнью поздняя весна, а за ней и лето где-то в этом году застряли, едва ли не с начала месяца с небольшими перерывами стояла холодная погода. Синоптики были то оптимистами, то пессимистами, радуя или разочаровывая прогнозами, но на природу подействовать своими заклинаниями никак не могли. Вот и сегодня вроде бы обещано солнце. Господь бог рассудил иначе, и с утра непрерывно накрапывало...

В общагу идти смертельно не хотелось. В комнате пара приятелей-сожителей (в пристойном смысле слова), места на каждого по четыре квадрата вместе с постелями и столом, хорошо, если Мишкина подруга не приперлась, тогда совсем кранты. Голготня, веселые возгласы, Мишка тихонечко тискает свою Ленку, остальные делают вид, что не замечают, или, наоборот, строят большие глаза, чтобы позабавиться. Счастливые люди!

Ему хотелось тишины и покоя. За две недели, пока дома болел ангиной, окруженный заботами мамы, он почти отошел от боли по Свете, но здесь, когда они встречались каждый день, ему стало плохо, совсем плохо. Хоть топись. Может в армию пойти? — мелькнула сумасшедшая мысль. Он покачал головой. Мать через месяц отдаст концы. С сердцем-то у нее и в правду не в порядке. Не зря все стонет, так бы и померла, лишь бы внука в руках подержать. Хорошие у нее запросы.

Нет, в армию он не пойдет. Да и что сейчас армия. Если деды не забьют, так в Чечню попадешь.

Завтра семинар по истории Азии. Пойди бы подготовиться, препод молодой, гонористый. Будет носом тыкать в учебник и вякать про глупых студентов. Да пошел он! Пусть слон думает, у него голова большая. Вспомнив бородатый анекдот, он немного оживился, но, представив возвращение в общежитие, опять приуныл. Светка, как назло, встречается ему каждый день и все вместе с Сашкой. Ему хотелось надеяться, она специально поджидает его, но Мишка, который через подругу знал все тайны женской половины общаги, сказал, между прочим, что Сашка открыто ночует у Светки. Ее подруги по комнате проходили педпрактику в своих школах по месту жительства, и Сашка отрывался по полной программе, появляясь в своей комнате только за тетрадями и учебниками.

Оставалось одно — шарахаться по улицам до позднего вечера, чтобы потом, не отвечая

на вопросительные взгляды Мишки и подначки другого «сокамерника» Димки, завалиться спать.

Он равнодушно повернулся вслед двум скорым, рванувшимся по мосту в сторону близлежащей пригородной деревне. Либо большая драка, либо пожар. Иначе, двум скорым там делать нечего. А где полицейские? Он стоял здесь уже часа полтора, благо народа из-за дождя не было, и никто его не беспокоил, протискиваясь мимо перил по узкой пешеходной дорожке моста. Полиция за это время не проезжала. Судя по скорости, о несчастье узнали недавно. Иначе скорые бы особо не гнали. Не конец света.

Ну, вот и они. «Москвич» и «Волга», украшенные мигалками и милицейскими полосами, поспешно проследовали вслед за скорыми. Обе машины забиты пассажирами в погонах.

Тоже собачья работа. Может, в силовики пойти? При желании можно устроиться. Но что там делать без вышка, высшего образования, то есть. Рядовым много не заработаешь, да и не охота ему вытягиваться по струнке. С преподами-то кайфа нет бесконечно здороваться.

Стоять надоело. В животе посасывало от голодухи. Пообедать в какой-нибудь забегаловке не на что — они всей комнатой жили на продукты, привезенные из дома. Спасибо родному государству, не задавило еще деревню налогами, родоки посылают поесть. Иначе кранты. Стипендии хватало на первые две недели и три бутылки водки, как шутил Мишка, а затем приходилось переходить на подножный корм.

Володя надеялся протянуть до вечера и там уже перед сном наесться. Но, похоже, этот номер не пройдет. Переживания по Свете, странное дело, не лишали аппетита. Его орлы сейчас варят суп, а может, уже сварили и едят. Он представил наваристые с домашней тушенкой щи и облизнулся. В животе глухо ухнуло и заурчало.

Идти в общагу или не идти? Он постоял еще немного, разрываясь между желаниями, пока вода, наконец, не преодолела сопротивление старых ботинок и стала осваивать новые владения, неприятно холодя ноги. Это был весомый аргумент в пользу возвращения.

«Домой!» — Решительно скомандовал Володя себе. В комнате тепло, сытно, он поест и рухнет на свою койку. Болтовня с приятелями немного утишит боль.

— Ты в дверь, что ли подглядывал? — иронично спросил Миша, снимая крышку с кастрюли с только что сваренным супом, когда дверь с поцарапанным номером 205 распахнулась и явила ему загулявшего по городским улицам приятеля.

— Конечно! — охотно подтвердил Володя, с шумом вдыхая запах еды.

— Завтра ты готовишь, — предупредил его Дима, сидя за столом с ложкой в руке.

— Ладно, — согласился загулявшийся друг.

Они едва успели проглотить по несколько ложек супа, когда к ним ворвался сосед Колька.

— Мужики, вы что сидите! — заорал он с ходу, — тут такое по телеку кажут.

У соседа был телевизор, — один из немногих в общежитии — и они нередко набивались к нему посмотреть интересный фильм, футбол или хоккей. Портить с ним отношения не следовало, хотя так и подмывало схохмить. Уж слишком забавным и растрепанным был его вид.

— Наши в футбол выиграли у немцев? — с насмешкой спросил Миша, сразу же заработав по ноге от Димы. Колька был обидчивым. К счастью, он настолько возбудился теленовостями, что не заметил подколки.

— Какой футбол, хватит жрать, кругом нас режут, а вы суп хаваете. Сами хавкой

станете.

Володя, хлебавший суп с заметной неохотой, — ему внезапно хватило пары ложек, чтобы насытиться, — решительно поднялся.

— Пошли, позырим.

Остальных крик колькиной души на подвиги не сподвиг.

— Иди, посмотри, — подвинул к себе тарелку Миша, — мы сейчас подойдем, похаваем и подойдем. За пару минут Земля не рухнет.

— Там людей на куски разорвали в Лимоново, — попробовал возбудить интерес к вестям телеящика Колька.

— Греби отсюда! — взбесился брезгливый Дима, повернувшись к двери.

Дима был парнем рослым и при необходимости умеющим лихо драться. Схлопотать от него фингал не представляло особой трудности. Особенно когда он разозлится. Колька предпочел не рисковать. Сопровождаемый Володей, он вернулся в свою комнату.

Сосед жил в одиночестве, один сожитель болел и лежал в больнице, другой уехал домой за жратвой, да там видимо или запил, или заболел, уже третий день прошел после обещанного им срока возвращения. Поделиться с увиденным было не с кем, вот он и отправился в ближайшую комнату.

— И чего там кажут? — спросил Володя, надеясь отвлечься от сосущих душу мыслей.

— Ты посмотри, посмотри, повторяют, — вновь завелся Колька, — в Лимоново всех перерезали. Да что там перерезали, как под машиной раскатали.

— Чего ты врешь, рыжий, — недовольно сказал Володя, примостившись на краю кровати.

Колька действительно был слегка рыжеват и не любил, когда ему об этом напоминали. Володя обратился к нему так, чтобы в случае чего сорвать злость. И подраться, если повезет. Его товарищи по кроватям встретят любознательного приятеля насмешками из-за того, что он так легко попался на наковлю. Во сказка — в клочья порвали всю деревню, находящуюся в трех километрах от города. Придумает тоже Колька. Он бы еще наврал о появлении Кинг-Конга или снежного человека. Или нет, лучше инопланетян. Сейчас это так модно.

Тут Володя вспомнил о двух скорых и милиции, пролетевших мимо него на большой скорости и притормозил с оценкой завирательных способностей соседа. Что-то все же в Лимоново случилось. Разумеется, не всю деревню перебили. Там после уборки огородов человек двадцать живет. Пару человек зарезали в пьяной драке. Тоже событие. Он вздохнул и примостился поудобнее.

— Смотри сам! — не обращая внимания на оскорбление, сказал Колька, — сейчас снова покажут.

По телевизору на самом деле пошла передача местных телевизионщиков, поспешивших на жаренное. Первые кадры выхватили деревенские дома, которые выглядели как обычно. Голос телекомментаторши за кадром, почти такой же дрожащий от нетерпения, как и у Кольки, принялся рассказывать, какой же хорошей была деревня Лимоново. Находящаяся неподалеку от города, она служила прибежищем не только для ее жителей, но и нескольких горожан. Быть бы Лимоново большим дачным поселком, но вокруг лежали болотистые земли, никак не пригодные для сельхозработ. Из-за этого так и оставалась деревушка в десяток домов.

Пока дикторша объясняла известные вещи, камера киношников приблизилась к нескольким кучам, лежащим посреди деревни. Медики и менты стаскивали в них какие-то

мешки, аккуратно держась за их концы. Оператор увеличил кучи в размерах и Колька в экстазе закричал:

— Гляди, вот они!

— Кто они? — Не понял Володя.

— Трупаки, кто же еще!

Володя с опозданием понял, что кучи посреди улицы представляют собой самую большую свалку изуродованных человеческих тел, которые он видел по телевизору. Если, конечно, не считать древних кадров времен Великой Отечественной войны. Но там время сглаживало чувства. Его замутило, когда он разглядел крупным планом цветные кадры с залитыми кровью лицами, искаженными в смертных муках, неестественно выкрученные головы с явно сломанными шеями, оторванные руки, разорванные грудины и животы.

Дикторшу за кадром, судя по звукам, стошнило, телекамера поехала в сторону, видимо, оператору тоже стало плохо. Впрочем, дальше посмотреть сюжет телезрителям не дали. С некоторым разрывом — на студии плохо смонтировали отснятые кадры, — стали показывать останки погибших и деревню на изрядном расстоянии, на котором не было видно подробностей. Дикторшу заменил строгий милицейский голос, записанный на студии.

— Уважаемые горожане! произнес голос, — сегодня, примерно в 14–14.30 по местному времени, на деревню Лимоново было совершено нападение. Неизвестные преступники зверски уничтожили все население деревни, включая престарелых жителей и детей. ГОВД обращается к вам с настоятельной просьбой во избежание несчастных случаев не покидать город, отказаться от всех поездок на свои дачные участки. В самом городе как можно реже выходить на улицу, особенно в ночное время. Всем видевшим в городе и его окрестностях подозрительных лиц просьба сообщить о них в органы внутренних дел.

После некоторой паузы, голос повторил:

— Еще раз настоятельно прошу: совершайте как можно меньше передвижений за пределами вашей квартиры. В округе появилась банда, информации о которой у органов внутренних дел пока нет. Эти люди, судя по убийствам в Лимоново, готовы идти на все. Берегите свои жизни.

— То-то они помчались сегодня. — Володя возбужденно поднялся с кровати. Несколько десятков человек убиты совсем недалеко от него. А он в это время страдал от любовных переживаний.

— И что же у нас случилось, Коль? — в комнату зашел довольный Дима, обрывая его переживания. За его спиной пристроился Миша.

— Готовь тазик, — сумрачно ответил Володя и отправился дохлебывать остывший суп. Убийство потрясло его, он даже забыл о своей Свете, а затем его пронзила волна нежности и заботы о ней. Вдруг на нее нападут, а тут окажется он...

«Придунок, — обругал он себя, поймав на мечтаниях, — с ней сейчас спит другой, пусть он и защищает». Володя попытался создать в сознании постельную сцену. Получалось плохо. Гораздо проще представлялась куча мала из кусков человеческих тел. «Может, я извращенец», — вздохнул он, беря ложку в руки.

Он не успел доесть суп в тарелке, как в комнату вошел бледный Дима и лег, нет, рухнул на свою кровать. По ходу движения увидев мирно кушающего Володю, он вскрикнул:

— Как ты можешь!

Володя едва не подавился от резкого окрика.

— Ты чего орешь?

— Как ты можешь жрать после такой резни!

— Но ты же поел, а я не успел, — вполне логично ответил Володя.

— У-у, — взвыл Дима и ринулся к нему.

Володя решил, что наступает его смертный час, и приготовился к отпору, но несчастный сосед зажал рукой рот и проскочил мимо к двери. Туалету придется изрядно поработать — Диму если и выворачивало, то до последней капли супа. Надо же природе устроить такую шутку — создать крепкого, пригожего парня, который настолько брезглив, что готов опорожнить желудок при любом пустяке. Хотя в Лимонове произошел не пустяк. Володя вздохнул и налил еще поварешку супа.

Миша был духом покрепче. Но и он растерянно присел на стул, не зная, что подумать:

— Представляешь, два десятка человек в лепешку превратили. Это кто же такое смог. В Кинг-Конгов я не верю. Питекантропы какие-нибудь в дыру времени провалились из прошлого.

— Подумаешь, питекантропы. Бандюги из зоны сбежали, вот и натворили дел. Как будто в первый раз.

— Володь, ты заколебал жрать. Башкой своей подумай.

— Чего вы оба ко мне пристали, сами нахавались, а теперь лезете. Я есть хочу!

— Да ешь ты, ради бога. Я просто хочу спросить, как ты после виденного можешь смотреть на еду. Я как вспомню ту смятую в лепешку голову.

Миша вздохнул и посмотрел в окно, на покрытые яркой листвой, исхлестанные дождем деревья.

— Вот ты говоришь бандиты...

— Ну да, — отодвинул Володя пустую тарелку, — ты фильмов, что ли не посмотрелся. Сколько народу перебили после развала страны. Пока делили наворованное, тысячи сгинули.

— Хм, — неопределенно вздохнул Миша, — сейчас вот Дима проблюется и мы у него спросим, какую надо силу иметь, чтобы отделать людей так, словно их машинами раскатали. Камазами.

— Вон ты о чем, — стало доходить до Володи, — я об этом и не подумал.

Умный Мишка парень. Как он быстро ухватил. Не зря его преподы хвалят за умение все логично разложить по полочкам. Ведь бедных лимоновцев не зарезали или перестреляли. Даже по телевизору было видно, что били палками. Причем били сильно. Может, их действительно под машины засовывали? Ужас какой.

Он поделился этой мыслью с Мишей. Тот лишь покачал головой.

— Знаешь, непохоже. Я хоть и не знаток, но лимоновцев просто забили. Не машины там были. И не тракторы. Все-таки это обезьяны. Помнишь, у Эдгара По горилла народ глушила.

Володя и сам понимал шаткость своего предположения и не стал спорить. Но гориллы его не устроили.

— Откуда у нас обезьяны возьмутся. А если сбежали из зоопарка, они через день подошли бы от холода. А вот и Дима, — обрадовался он возможности поговорить о другом, — полегчало?

— Уйди, — промычал бедняга, бросаясь на кровать. Димка был настолько иссиня-бледным, что приставать к нему расхотелось. Страдалец.

— Кто бы мог такое сотворить, — в раздумье поглядел на потолок Володя в поисках ответа. На бетонных плитах кроме нескольких пятен от раздавленных прошлым летом в праведном гневе комаров ничего не было, и он перевел взгляд на Мишу.

— Кто его знает, — меланхолично произнес тот, — я, мужики, вот что думаю — на занятия завтра можно и не ходить.

— Забыл, о чем тебе говорил декан на прошлой неделе? — еле слышно произнес с кровати Дима.

Мишку на прошлой неделе вызывали в деканат из-за многочисленных пропусков. Вышел он оттуда с сияющей улыбкой и последним предупреждением. Вылететь можно и с третьего курса. И честно отслужить в Российской армии положенный срок, чтобы потом, как ни в чем не бывало, восстановиться на том же курсе, с которого отбыл на защиту родины.

— Кто меня выгонит, — усмехнулся «главный бездельник третьего курса», — такую тревогу менты объявили. Пусть только попробует декан заикнуться, жаловаться буду. В наше время кровавых разборок...

— Мужики, ну хватит об этом, — Дима страдальчески вдохнул воздух, пытаясь отогнать наваливающуюся на него тошноту.

— Ладно, — пожалел несчастного Миша, — пойду к Кольке, посмотрю, что там по телику врут.

— Я тоже схожу, — решил Володя.

В коридоре и в курилке царило оживление. Слухи о побоище в Лимонове разнеслись со скоростью звука. Или скоростью света. Народ выдвигал самые дикие предположения, вплоть до инопланетян, или, вслед за Мишкой, о питекантропах и гориллах. Володина версия о бандитах была быстро отметена в сторону. В способности бондиков устраивать праздники жизни, превращая людей в изуродованные трупы, никто не сомневался. Вопрос был в другом. Не один Мишка оказался столь наблюдателем. Наносить удары такой силы явно дубиной или ломом вряд ли смог бы и А. Шварцнегер.

— В общем, ничего хорошего, — подвел итоги спорам Серега Савельев, признанный лидер аналитической части курилки, — не к добру это мамаево побоище. Когда в окрестностях города мочат целую деревню, из такого города надо драпать, пока самого не завалили.

— Слышите! — ворвался в курилку Колька, — по второй программе новости пошли. Накрошили не только у нас!

Все сразу забыли про Серегины рассуждения и недокуренные сигареты. Толпа вывалила из курилки и бросилась по ближайшим телевизорам.

Рассказ диктора о событиях в России, сопровождаемый прямыми экстренными вставками с корреспондентами на местах, заставил Володю ощутить себя подобием зверя, оказавшегося в ловушке. Убийства произошли не только в окрестностях их города. Зверские нападения захватили немалую часть страны. Особенно частыми они оказались в их области. Десятки деревень были полностью уничтоженными. То есть с домами ничего не произошло, поголовно оказывалось перебитым таким же способами, как и в Лимоново, местное население. При чем сделали это так умело, что никто нигде ничего не видел. И самое скверное — их город оказался в одной из крупных аномальных зон.

Дикторша сумела довести бывалых студентов старших курсов почти до истерики, когда сообщила, что такие же нападения были и в большинстве европейских стран, в Азии, Африке и обеих Америках. Все удрученно молчали. Землю посетила какая-то неведомая сила, пожавшая свои первые плоды. Кто будет следующим?

Так начался Новый Мир.

Назавтра, однако, их жизнь пошла как обычно. С утра жители общаги потянулись на занятия. Коридоры наполнились гулким топотом шагов. Точнее — гулким перестуком каблучков — основную часть жителей общежития любого пединститута составляли студентки.

— Мужики, идем? — привычно спросил из-под одеяла Дима, имея в виду возможность сачкануть, прихватив для сна еще пару часов.

— Давайте спать, — предложил Миша, сладко зевая. Накануне они, как обычно, засиделись — общежитие ложилось поздно, а вчера и подавно, занимаясь обсуждением невиданных зверств, — и теперь выискивали повод для дальнейшего сна.

Володя пытался вспомнить, какое у них первое занятие. Не проснувшиеся мозги работали плохо.

— У нас сейчас что? — спросил он.

— Новая история Европы, — ответил, подумав, Миша.

Димка закричал. Преподаватель по курсу новой истории Европы имел привычку запоминать прогульчиков, а потом гонять на семинарах, чтобы другим неповадно было. Постоянно же проваливаться на семинарах чревато — имелась возможность остаться без стипендии. Понукаемый такими размышлениями, он заставил себя проснуться, сбросил одеяло, натянул спортивные штаны и рубашку, после чего предупредительно потянул на себя створку окна, открыв путь свежему воздуху, и убрался в умывалку, не слушая протестующих возгласов из под одеял.

Стоял май месяц. Теоретически, по календарю. Жизнь, однако, вносила свои коррективы. Промозглый холод наполнил комнату. Дождь не прекращался, полумрак, заползший к ним вместе с дождевой взвесью, создавал представление, словно на улице сумрачный вечер. Даже под одеялом становилось весьма прохладно.

— Вставай! — то ли себе, то ли Володе скомандовал Мишка и, отбросив одеяло, метнулся натягивать одежду.

— Окно закрой, — попросил Володя, решивший не идти на первую лекцию.

Мишка сделал вид, что не услышал. Подхватив принадлежности для чистки зубов, он умелся следом за Димой, как бы случайно не захлопнув дверь. Потянуло таким сквозняком, что Володя не выдержал и тоже поднялся с постели. Дверь он захлопнул, зато мстительно открыл вторую створку. Пусть комната хорошенько проветрится.

Он подумывал чем бы ему дополнить маленькую месть, но организм требовательно звал в туалет и пришлось подчиниться, дабы не оставить лужу посреди комнаты. Это было бы уж чересчур сильной расплатой за открытое окно.

Из туалета Володя возвращался с хорошим настроением, представляя, как подрагивают от холода его приятели. Около двери Кольки он задержался, решив оттянуть встречу с наверняка обозлившимися Димкой и Мишкой. Он подергал ручку его двери. Сосед уже поднялся, как всегда сразу включив телевизор.

— Как с трупами?

Телезависимый Колька даже не обратил внимания на хамство и отсутствие утреннего приветствия, затараторив:

— У нас в России покрошено тысячи три, в Европе около двух. А по миру за десять

тысяч перевалило.

«Значит, куча народа разорвана в клочья», — прикинул Володя.

— Про Лимоново говорили?

— Не, ты что, таких деревень знаешь, сколько раздолбали, на целый день хватит, если по пять минут давать. Ты смотри на другое, о, как раз показывают.

На экране телевизора появилась карта России с несколькими выделенными темными пятнами регионами, где нападений было особенно много. Их область оказалась усеянной точками нападений особенно густо. Вчерашнее предчувствие загнанного в ловушку зверя оказалось правильным.

— Смотри, мы же в центре! — Воскликнул пораженный Володя. Серега Савельев накануне говорил об этом, но верить не хотелось. Лучше бы он ошибся.

— Точно, — мрачно подтвердил только сейчас разобравшийся в карте Колька, — опять мы кандидаты в герои. У тебя же военного билета тоже нет.

— Нету, — без восторга подтвердил Володя. Колькино предсказание вполне могло оказаться явью. У российских генералов очень часто не хватало мозгов для нормальных раздумий над картой. Проще использовать привычный расейский способ навала, объявив отмененными все отсрочки. Авось кто-нибудь выживет в ходе генерального наступления, а остальные помрут во имя грядущих поколений. Побед без жертв не бывает. Только вот погибать ради неведомых потомков как-то не хотелось. К тому же, у них их пока не было.

— Нашли, кто это сделал? — с надеждой спросил он.

Колька с усмешкой посмотрел на него. В какую эпоху в России следствие заканчивалось за одну ночь. Супермены существуют только в сериалах.

— Никаких следов, — сказал он, — генералы с раннего утра трепались, по-привычке валили все на чеченцев и ваххабитов, потом ученые мудаки несли про аномальные зоны. В общем, никто ничего не знает.

— Ладно, — махнул Володя рукой, — переживем как-нибудь.

— Переживем, — помрачнел Колька, — они уже говорят о дополнительном призыве этой весной!

Новость была весьма неприятной. Володя представил себя в форме. Счастья будет полные штаны. Они обменялись понятливыми взглядами.

— Сегодня с семи утра, едва включились, только об укреплении армии и несут, — сказал Колька, — заберут ведь.

Услышав про часы, Володя восторженно встрепенулся. Призыв в армию был в неопределенном будущем, которого могло и не быть, а вот опаздывать на лекцию не следовало. Николай Васильевич очень не любил, когда его прерывали на полуслове.

Приятель успели вскипятить чаю и сидели, торопливо отхлебывая из кружек. До начала лекции оставались считанные минуты.

— Давай пей, — скомандовал Мишка, уже при галстукке, демонстративно поглядывая на монитор мобильного. Друзья его не забыли, побеспокоившись заварить чаю и на него.

Володя бросился переодеваться, между делом сделав большой глоток из предназначенной ему кружки, и сразу же выплюнул жидкость обратно. Увы, напиток был жутко соленым. Любезные товарищи, побеспокоившиеся об опаздывающем, не упустили возможности порезвиться.

Комментарий пострадавшего был непечатным, за исключением предлогов «а» и союзов «и». Дима и Миша ответили хохотом.

Злиться на них было смешно. Володя быстренько оделся, прополоскал рот холодной водой и лишь после этого кротко предупредил о своем вечернем дежурстве по кухне. Сокамерники переглянулись, уловив предупреждение.

— Я тебе помогу, — решительно заявил Миша, — мне все равно сегодня вечером делать нечего.

— Ого, — прервал веселье Дима, взглянув на часы, — пора отчаливать. И так придется бежать.

По пути в институт Володя успел сообщить услышанное по телевизору. Как и следовало ожидать, его сожителей и встретившихся по пути однокурсников известие о возможном призыве не обрадовало.

— Служить бы рад, прислуживаться... — Прокомментировал кто-то. Враги, накрошившие кучу трупов, были пока абстрактны, находясь непонятно где. А родимая армия в лице горвоенкомата — неподалеку. И оный орган пугал куда больше.

В аудиторию они влетели спустя минуту после звонка. Шеф еще не объявился. Свободными остались только передние места — цена долгого здорового сна. Более стойкий народ занял полезные для общения и чтения художественной литературы задние парты. Хотя по новой истории Европы месторасположение парты не имело значения. Без лекций экзамен сдать было невозможно, поэтому ручками усердно скрипел весь курс. Но в тылу как-то надежнее.

Вопреки ожиданию, требовательный Николай Васильевич явился на лекцию с пятнадцатиминутным опозданием. Если бы не появление по стране значительного количества пропущенных через камнедробилку человеческих тел такое нарушение дисциплины стало бы сенсацией. А так вызвало лишь небольшое оживление. Кто-то уже с надеждой высказал предположение о благоразумном преподавателе, совершенно правильно оставшемся дома. Ходить по улицам в наши дни весьма опасно.

Преподаватель их разочаровал. Он торопливо вошел в аудиторию. Студенты принялись доставать убранные в пакеты и сумки тетради. Николай Васильевич, однако, не спешил перейти к проблемам политического развития Англии второй половины 19 века. Бледный и взъерошенный, он уперся руками на кафедру и невидящим взглядом посмотрел на студентов.

— Только что я увидел на улице Ленина точно так же растерзанных людей, как показывали в Лимоново.

Новость потрясающая и очень страшная. Девчонки немедленно взвизгнули от ужаса, многие парни откровенно побледнели. Неведомый Джек-потрошитель, от которого нет никакого спасения, пугал всех. Больше всего шокировала именно неизвестность. Какая-то могучая сила прекращала людей в отбивные котлеты. И ни могучие мускулы, ни ум, ни даже оружие, поскольку уже стало известно, что среди изуродованных трупов найдено несколько пистолетов, не помогали.

Николай Васильевич, видимо, страшился того же. Он постоял, глядя лишь в только ему видимую даль, и глухо сказал:

— Если бы я вышел на десять минут раньше, я оказался бы среди них. Какое счастье, что я вспомнил об обещанной одному из вас книге.

— Николай Васильевич! — раздался робкий голос с галерки, — они давно... погибли?

Преподаватель потер дрожащие руки.

— Когда я появился на этом месте, от них еще шел пар. Полиция приехала позже меня. — Он нервно прошелся по аудитории, — смешные люди. Пытались допрашивать. Если

бы я что-нибудь увидел, я представлял бы шестьдесят пять килограмм костей и мяса.

Он остановился около трибуны.

— Надо что-то делать. Прохожих же было не меньше двух десятков. А если прямо сюда...

Он не успел завершить. Светка Трифонова, одна из красавиц курса, завизжала, не в силах скрыть страха. Ее вопль, высокий и тонкий, заполнивший всю аудиторию, заставил всех оцепенеть в жутком, каком-то первобытном ужасе. Улица такая обычная и спокойная равнодушно смотрела на них провалами окон, за которыми таилась невидимая смерть. Володя почувствовал, что еще немного, и он сам завоет от ужаса. Он уже не видел товарищей, всю его душу заполнил всеохватный, пожирающий страх, требующий вскочить и, вопя и размахивая руками, бежать, бежать неведомо куда, лишь бы скрыться в безопасности. С другими было не лучше.

Громкий звук пощечины и вслед за этим наступившая тишина заставили студентов вздрогнуть и прийти в себя.

Лешка Губанов спокойно возвращался на свое место. Он один не утратил силы духа, найдя способ успокоить паникершу. У Светки на щеке на глазах начал наливаться красной краской след лешкиных пальцев. Придется девушке походить с синяком на лице.

— Ты что сделал, дурак! — снова завизжала Светка, но не так, как только что, а обычным оскорбленным визгом красотки, — ты же меня ударил!

Ее негодования никто не разделил, хотя в любом другом случае Леше бы не поздоровилось. Светка умела находить защитников среди сильных парней.

— Ты замолчишь или нет, крикунья, — грубо сказал ей Николай Васильевич.

Оскорбленная до глубины души Светка встала:

— Я выйду, — глядя себе под ноги, тихо сказала она. Весь ее вид говорил о намерении добиваться правды и защиты хоть в ректорате, хоть в суде.

На преподавателя ее тон не произвел впечатления.

— Идите, — спокойно сказал он. Молчаливый шантаж истерички занимал его сейчас куда меньше, чем неведомые потрошители. Прямо-таки «улица вязов» какая-то. Не хватало только выросшей из стены руки. Он почувствовал, что теряет спокойствие, сам может закатить истерику, и вцепился в трибуну.

Светке передалось его настроение. Она представила, как выходит в безлюдный коридор, куда-то идет совершенно одна, и села на место, тихо всхлипывая.

— Лекции не будет, — сухо сказал Николай Васильевич, — я пошел в деканат, может быть, до них довели официальную информацию. Должны же местные власти обеспокоиться. Не все им воровать. Вас я пока прошу оставаться на месте ради вашей же безопасности. Телевизор все смотрели? — дождавшись утвердительных возгласов, он торопливо вышел, оставив дверь приоткрытой. Не для контроля над студентами — для самоуспокоения. Давние, еще детские страхи вылезли из каких-то самых потайных уголков души. Ему было страшно оставаться одному по пути в деканат. Приоткрытая дверь оставляла иллюзию контакта с людьми. Страх держал душу. Он ничего не мог с этим сделать, хотя и пытался убедить, что мужчине более, чем сорокалетнего возраста не стоит быть таким трусливым. Но ужас продолжал сжимать его в своих тисках.

Курс, вопреки обычаю, не разразился суетой обычных разговоров. Люди сидели молча, словно уже изготовившись к неизбежному. Где-то рядом был враг — вездесущий и безжалостный. Паника бесшумно вилась между рядами, затрагивая своим шлейфом

студентов. И самые отважные были готовы рвануть неведомо куда, лишь бы найти спокойное тихое место, где спрятать свою голову в безопасную лунку с песком.

Не выдержав такой обреченности, Дима встал, толкнул локтем мешающего выйти Володю, и направился к одиноко стоящему около доски сломанному стулу. Перекладина, соединяющая металлические ножки, разошлась на месте спайки, и сидеть на стуле было трудно. Теперь инвалид должен послужить праведному делу. Дима взял его в руки, словно прикидывая на вес, а потом, перехватив за ножки, резко ударил фанерной спинкой по железобетонному подоконнику. Спинка разлетелась вдребезги. Не останавливаясь на достигнутом, Дима поставил стул на пол и ударил ногой по сиденью. Оно сломалось, и в руках у студента оказались две железные стойки стула. Хоть какое-нибудь, а оружие.

— Ты даешь, Димка! — не выдержал Володя, — ты хочешь, чтобы тебя забрали в полицию?

— Полиция сейчас попряталась в КПЗ за решетку и тихонечко подрагивает, чтобы и до нее не добрались. Что бы ни было, но полицейские должны понимать, кто является их главным врагом, — Дима спокойно прошел к своему месту, — берешь? — протянул он стойку с оставшейся перекладной. Оружие от этого становилось неудобным, но ничего больше не было.

Получив в руки железку, Володя почувствовал себя увереннее. Цена такому оружию грош в базарный день, однако, плечи сами собой развернулись. Он попытался отбить стойку, ударив об подоконник. Получилось громко и бестолково.

— Вояка, — оценил Димка его действия.

Потихоньку оживавшие однокурсники с интересом смотрели на новоявленных воинов. Никто их не осуждал. Не за мебель, конечно. Она государственная. А это государство так о них заботилось, что можно ответить взаимностью. Нет, над ними могли посмеяться, как над двумя дурачками. В любом другом случае. Сейчас же, наоборот, чувствовалось, к ним потянулись. На курсе появились люди, которые не растерялись и готовы сопротивляться любой напасти.

— Как там остальные? — озабочено спросил Дима. Кроме них учились еще три курса студентов. Только пятый находился на дипломной практике. Да еще три других факультета с кучей народа, — идут у них занятия, или они так же сидят потихонечку?

— Пойди, посмотри, — посоветовал Мишка с иронией. Мол, вот герой выискался.

— Димка, останься! — в несколько голосов взвыли девчонки. Уходил единственный человек, готовый их защищать.

Тот уже собирался ответить, что он думает по поводу их болтливости, как дверь открылась, и в аудиторию заглянул декан Аркадий Сергеевич.

— Мебель ломаете, — недовольно сказал он, увидев стоящих со стойками стула студентов. Впрочем, видно было, что его ворчливость напускная, — идите в актовЫй зал, там будет собрание студентов всех факультетов.

— Ну, теперь нам все скажут! — раздался чей-то излишне оптимистичный голос.

— Скажут, подвешат и просушат, — прозвучало мрачное продолжение.

Володя не стал слушать перебранку, выйдя в коридор.

— Оставим? — спросил он Димку, держа на весу стойку. Идти на общее собрание, на котором будут все преподаватели и, наверняка, ректор, с их палками не совсем разумно.

— Пойдем, — решительно махнул железкой Дима, — никто нам ничего не скажет.

В актовом зале оказалось столько студентов, не говоря уже о преподавателях, что были заняты не только все стулья — народ стоял в проходах. К счастью, собралась только одна учебная смена, иначе многим пришлось бы толпиться в коридоре, ведущему к актовому залу, и слушать выступление ректора в пересказе доброхотов.

Несмотря на чрезвычайную спешку, инженер успел установить на сцене микрофон, и выступающие избавились от необходимости кричать, чтобы их слышали все студенты.

Железки в руках историков никого не удивили. Володя увидел еще нескольких ребят, вооруженных металлическими палками. «Явно физики», — решил он. У них много приборов. На других факультетах кроме ножек стульев поживиться нечем.

— Все собрались? — раздался призыв ректора Максима Николаевича. Динамики усилили его голос, заставив смолкнуть говорливую студенческую массу.

— Наверное, все, — не стал дожидаться опоздавших ректор, — мы сегодня собрали студентов, преподавателей и сотрудников по наверняка уже понятному вам событию. В нашей стране стали самым ужасным образом убивать людей.

— Не только в нашей, — поправили его сидящие в первых рядах преподаватели.

— Не только у нас, — согласился ректор, — только Европа далеко, а Лимоново рядом. Вот об этом пойдет речь. Сейчас нам объяснит происходящее и, главное скажет, что надо делать, заместитель начальника ГОВД города подполковник Владимир Кондратьевич Безматерных.

— Владимир Кириллович, — поправил ректора вышедший на сцену офицер милиции.

Ректор, отошедший от микрофона, только извиняюще махнул рукой.

— Все вы видели по местному, а затем и центральному телевидению кадры с мест происшествия, — казным голосом заговорил милиционер. Чувствовалось, что ему непривычно выступать перед таким количеством людей, хотя он и пытался держаться уверенно, — неизвестные лица... — он запнулся, понимая фальшь своих слов. Никакие лица, известные и неизвестные не могли совершить столько нападений за один день, — э-э, по непонятным причинам... В общем, — махнул он рукой на приличия, — непонятно почему вчера, примерно с тринадцати часов по московскому времени сразу в ряде мест нашей страны, Европы, а также остальных континентов произошли зверские нападения на отдельно находящиеся небольшие сельские населенные пункты. Все население в них уничтожено. К настоящему времени нет ни одного человека, увидевшего нападавших. Начато расследование. Органы внутренних дел находятся в состоянии повышенной готовности. Им на помощь, при необходимости придут внутренние войска, а также войска министерства обороны. До всех сотрудников доведен указ президента найти и обезвредить преступников любым способом, — он снова споткнулся и продолжил севшим, не столь уверенным голосом. — К сожалению, вынужден констатировать — преступники продолжают свои акции. Сегодня, примерно около 8.20 — 8.30, уничтожена группа лиц, скорее всего, просто прохожих по улице Ленина, в проходном дворе дома номер 16. Криминалисты насчитали, по предварительным данным, 19 погибших.

Почти никто из присутствующих еще не знал о событиях на улице Ленина. Убийства в Лимоново, хотя и были недалеко, но все же не в черте города, и многие чувствовали себя на городских улицах в безопасности. Осознание смертельной угрозы, нависшей над каждым из

них, заставило находящихся в зале, как недавно студентов третьего курса истфака, содрогнуться от страха. До чего же дошло, убивают прямо на глазах. Девятый час, время пик, многие из студентов шли на занятия, и могли попасть в число растерзанных, пойдя они роковой улицей.

Ропот недовольства, переплетенный паническими выкриками, хлынул на сцену и подполковник растерялся, не зная, что делать. Не из пистолета же стрелять. Володя почувствовал по испуганным выкрикам окружающих близость того мгновения, когда собрание станет неуправляемой толпой, которая рванется куда глаза глядят. Паника может принести не меньше погибших и покалеченных, чем от неведомых убийц сегодня утром. Он оглянулся. Если бы парней побольше. Основную часть студентов пединститута составлял женский пол, куда как готовый отдаться чувствам.

Сжатый со всех сторон людьми, уже готовых отшатнуться к узкому проему выхода, Володя попытался вырваться, без жалости толкая истеричных девчонок своим оружием. Предчувствие беды ожесточило его. Болезненные тычки заставили окружающих отодвинуться, и он сумел пробиться к крайнему стулу привинченного к полу ряда сидячих мест актового зала. Прорыв обошелся ему в несколько оскорблений и обещаний подать жалобу в ректорат и прокуратуру.

Он терпеливо выслушивал галдящих соседок по толпе, надеясь остаться в живых, когда разразится паника и студенты хлынут по телам своих товарищей на выход.

Максим Николаевич, имея огромный опыт работы с массами людей, тоже почувствовал приближение критического момента. Он поспешил к микрофону, не совсем вежливо оттолкнув от стойки милиционера.

— Уважаемые студенты и преподаватели! — провозгласил он, — пользуясь случаем, хочу поздравить студентку второго курса физмата Марину Сазонову со вторым местом на региональной олимпиаде по иностранному языку.

Поздравление было настолько не к месту и прозвучало так откровенно нелепо, что зал не выдержал и разразился громким хохотом. Ректор пытался перебить смех своим оправданием, что он не понимает, зачем все смеются, ведь он от всего сердца хотел лишь поздравить студентку, что неприлично так приветствовать успехи своего товарища...

Впрочем, Максим Николаевич быстро закруглился, поскольку своего добился — паника утихла, так и не разгоревшись. Дождавшись, когда станет относительно тихо, он уступил место прежнему оратору.

Подполковник выглядел совсем неуверенно и ректор не решился отходить далеко. Полиция ныне пошла совсем бестолковой.

— Не беспокойтесь, убийцы будут найдены, — сказал офицер первое пришедшее в голову.

Слова были не те, которых ожидали студенты, и зал снова заворчал, на этот раз сердито. В последние годы полиция так часто обещала найти преступников, и так редко их находила.

Безматерных понял свою ошибку. Он поправился, завершив свою мысль гораздо мягче, чем предполагал:

— Органы внутренних дел выполняют свой долг, отдав для поиска преступников все свои силы, — и сразу же, не ожидая откликов из зала, продолжил: — к настоящему времени установлено, что мы имеем дело с очень изощренной многочисленной группировкой, обладающей большими техническими, и вероятно, другими возможностями. Борьба с ними будет трудной и потребует больших сил. И я думаю, — решил он, — хотя это мое личное

мнение, — ни о каком чеченском следе говорить не приходится. Перед нами враг пострашнее. Кто — будем искать.

Он оглядел зал. Студенты притихли, впитывая получаемую информацию. Внимание его приободрило, подполковник отошел от недавнего шока надвигающейся паники, которую сам и спровоцировал. Свое выступление он завершил на командной ноте:

— Городской отдел внутренних дел требует от вас сохранять спокойствие, дисциплинированность, соблюдать порядок и не поддаваться провокационным и паническим призывам отдельных граждан, — его голос зазвенел металлом: — с сегодняшнего дня, в целях сохранения правопорядка и избегания напрасных жертв, в городе по приказу министра внутренних дел с разрешения президента Российской Федерации вводится комендантский час. С 22.00 до 6.00 лицам, не имеющим специальных пропусков, запрещается появляться на улице. Виновные будут привлекаться к административной ответственности. Такой же порядок вводится и в других населенных пунктах, подвергшихся нападению.

Безматерных остановился, переходя к другой важной проблеме.

— Обращаю особое внимание на возможные беспорядки в городе. Лица криминального плана могут попытаться совершать нападения, грабежи. Работники полиции предпримут все меры для пресечения таких безобразий. Но нас не так много, как бы хотелось. В таких чрезвычайных условиях, которые сложились в городе, даже обещанная помощь не позволит надежно перекрыть всю территорию. Поэтому могут произойти отдельные проявления хулиганства, грабежей, насилия, которые не удастся пресечь сразу. Я вижу, несколько человек уже вооружились?

Дима, вызываясь сжал стойку стула в руках и крикнул:

— Да, ну и что, вы же сами сказали, что не можете за всех заступиться!

Подполковник сделал вид, что не услышал вызова в словах.

— Хорошо, что среди студентов нашлись люди, готовые защищать и свою жизнь, и жизни окружающих. Мне кажется, мы можем с вами найти общий язык. Не зря говорят — новое — хорошо забытое старое. Максим Николаевич, — обратился он к ректору, — вы ведь помните добровольную дружину по охране общественного порядка.

— Да, — согласился ректор, — в советское время дружина существовала многие годы.

Безматерных удовлетворенно кивнул.

— Я прошу администрацию института организовать отряд из студентов и преподавателей по сохранению правопорядка в общежитиях, учебных корпусах и, по возможности, в прилегающей местности, — он обратился к Диме: — вы вступите в дружину?

Дима громко ответил:

— Если приходится защищать самих себя, что же делать, вступлю, — он поднял над головой стойку и махнул ею, — от алкашей и шизиков как-нибудь отобьемся.

Безматерных сделал над собой усилие, чувствуя, что одобряет откровенное хулиганство. Этот молодец сам может привести к такому конфликту, что половина начальства города останется без погон.

— Я лишь надеюсь, — не удержался он, — вы не преступите за рамки закона. Мне не хотелось бы слышать о безобразных противоправных поступках, совершенных студентами.

Подполковник отступил в сторону, давая знать, что завершил свое выступление. Ему на смену поспешил ректор. Перекрывая начавшийся шум среди студентов, он заговорил

несколько громче, чем обычно:

— Владимир Кондратьевич, — милиционер рядом с ним только скривился, услышав отчество, но промолчал, — рассказал нам о произошедшем вчера и сегодня утром. Ко всем напастьям, которые преследовали нашу страну в последние годы, добавилась еще одна. Сейчас не время говорить, кто виноват в том, что преступники с такой легкостью находят свои жертвы, почему полиция не может их поймать. Все это слова, а долго говорить мне бы не хотелось. Мне сегодня позвонили из Москвы, из министерства образования. Звонил лично один из замминистров и сообщил решение министра приостановить занятия во всех высших и средних учебных заведениях, оказавшихся в зоне нападения. Наш город подошел под эту категорию. С сегодняшнего дня занятия приостанавливаются.

— А мы домой уехать можем? — раздался голос из зала.

Вместо ректора ответил подполковник.

— Выезд и въезд в город пока прекращены. Ни государственным и муниципальным автосредствам, ни частным автовладельцам не разрешается покидать город. Делается все это для благополучия самих же водителей и их пассажиров. Неизвестные преступники наверняка начнут совершать нападения на автотранспорт. Остается открытым лишь железнодорожное сообщение.

Ректор, пока студенты не ринулись к дверям, чтобы успеть купить билеты, прервал Безматерных.

— Я призываю не торопиться с отъездом. Не известно, как долго будут продолжаться нападения, вдруг мы уже через несколько дней начнем занятия. Для тех, кто проживает в ближайших районах, а это большинство, отъезд вообще не имеет смысла. В городе вы будете в большей безопасности, чем дома. Родители одобряют ваш выбор остаться.

Увещевания ректора, знавшего, как достучаться до студенческой души, заставили зал успокоиться. Несколько человек, правда, все же продрались к дверям, но об остальных можно было не беспокоиться. Он перешел к деловым вопросам:

— Городских студентов обеспечат родители и город. Соответствующие решения уже приняты как мэром города, так и областным руководством. Обладающих постоянной пропиской не оставят без помощи. Для проживающих в общежитии институт организует трехразовое питание. Профсоюз сможет частично возместить плату, прочее будет покрыто за счет МЧС, нам обещают помочь и деньгами и продуктами. Голодать не будем. Если же положение ухудшится, эвакуация будет осуществлена централизованно. Это мне обещали твердо. Запомните, пожалуйста, никого не бросят на произвол судьбы.

Ректор оглядел притихших студентов и решил завершать импровизированную пресс-конференцию.

— Остальные вопросы мы решим, я думаю, в общем порядке. Сейчас вы все организовано разойдетесь по общежитиям, а городские студенты по местам проживания. И еще раз прошу соблюдать порядок и спокойствие. Для этого же общежитиях будут организованы круглосуточные дежурства преподавателей. А теперь, — ректор сделал жест рукой, — ребят, желающих вступить в дружину по охране порядка, прошу остаться, а остальные — домой, по комнатам и квартирам!

Шумящая, пережевывающая последние известия студенческая толпа схлынула, оставив в актовом зале с десятков парней, да несколько преподавателей — деканов и заведующих кафедрами, ждущих распоряжений своего руководства.

Безматерных, глядя на опустевшее помещение, скривился. Какого бы плохого мнения он

не был о студенчестве, его все же поразила малочисленность кандидатов в защитники порядка. Молодое поколение не торопилось вставать на защиту даже самих себя.

— Сегодня собрались далеко не все студенты, — успокоил его ректор, — я думаю, дружину мы сможем довести до 60–70 человек. А потребуется, еще больше.

Подполковник кивнул. О численности они еще успеют поговорить. Слишком много не требуется. Ему не хотелось сгонять в нее всех подряд. Пусть будет поменьше, но надежных, которые не наделают в штаны при виде первого хулигана.

— Так, — привычно строго сказал он, спустившись со сцены вниз, — попрошу всех студентов подойти ко мне.

Он оглядел крупного Диму, уверенно, как автомат, держащего стойку стула. Парень ему понравился. Бойкость и вызывающее поведение, с которым он отвечал на его вопросы, могли, в конечном итоге, означать способность командовать и самостоятельно принимать решения в трудных ситуациях. Следовало к нему присмотреться. И он рывкнул:

— Фамилия?

— Соловьев Дмитрий, студент третьего курса исторического факультета! — Ничуть не удивившись, гаркнул тот в ответ.

— Молодец, — удовлетворенно кивнул подполковник, — назначаю тебя старшим добровольной студенческой дружины. Вы не против? — обернулся он к ректору.

— Нет, — успокаивающе сказал тот, давая понять, что такие вопросы его не интересуют. Замначальника ГОВД поторопился с выбором руководителя, но никогда не поздно провести реорганизацию, усовершенствовать структуру и сменить верхушку дружины.

— Хорошо, — совсем по-граждански сказал Дима, но Безматерных такая демилитаризация не огорчила. Парень крепкий, смелый, не боящийся взглянуть в глаза начальства, и, хотелось бы верить, опасности.

— Я, ребята, на вас надеюсь, — по-простому сказал подполковник, больше не изображая из себя ревностного вояку, жаждущего от окружающих равенства на право и преданно выпученных глаз, — сотрудников силовых структур достаточно только для поддержания порядка в обычное время. С появлением неизвестных преступников город может быть просто парализованным. Вы, конечно, не будете гоняться за неизвестными преступниками или рецидивистами, надеющимися на халяву. На то есть омовцы и сотрудники других подразделений. Ваша главная задача не дать всплыть в общежитиях и около них разной швали. Если что, давите безжалостно, хотя и желательно не до смерти.

Безматерных внимательно оглядел студентов.

— Помните, когда все закончится, отвечать придется по всей строгости закона. Я почему это говорю — нескольким из вас вручат оружие — газовые пистолеты. Остальные получают резиновые дубинки — грозное средство защиты в умелых руках. Поэтому, прошу не резвиться. Ясно?

— Ясно! — в разнобой раздалось несколько голосов. Некоторые глядели на Безматерных с иронией, — мол, поучи жизни. Другие, наоборот, с нарастающим восторгом. Скучная, серая студенческая жизнь вдруг обернулась приключением. Мало кто из них задумывался о цене такого развлечения. Недавний испуг под влиянием уверенного в себе полицейского, отнесшегося к неведомым преступникам, как к очередной пусть тяжелой, но рутинной работе, прошел. Парни видели лишь возможность забыть на некоторое время монотонную учебу, не предвидя крови и страданий жертв нападений, в число которых они

могли спокойно попасть.

— Я возьму добровольцев до вечера к себе, — обратился Безматерных к ректору, — мои ребята их немного подучат, а с вечера они начнут дежурить.

— Хорошо, — согласился ректор, — мы еще увидимся, — кивнул он студентам.

— Ну, орлы, хватайте куртки, и пошли ко мне, — скомандовал подполковник новоявленным дружинникам, останавливаясь в вестибюле. Он торопился вернуться в свой служебный кабинет. По распоряжению шефа — начальника ГОВДа — заместители и начальники отделов были разогнаны по предприятиям и учебным заведениям для пресечения паники. Начальник всего лишь выполнял инструкцию свыше, не подумав о собственной безопасности. А как бандиты проявят свой норв опять? Узнай они об отсутствии в управлении большей части офицеров, точно ворвутся. И тогда полицейское управление могло быть разгромленным.

Он не считал распоряжение свыше совсем ошибочным. Начнись в городе паника, не осталось бы никакого порядка. Полиция и другие силовики — несколько сотен человек — не сдержат разбушевавшуюся от страха толпу. Но только на агитации останавливаться не стоило. В условиях нехватки людей следовало заняться набором добровольцем. Если бы удалось собрать крепкий отряд, жизнь стала бы гораздо легче.

Время, проведенное в институте, он посчитал почти напрасно потраченным. Ну, не привык он говорить перед такой толпой. Подрастерялся. У ректора получилось куда лучше. Дали бы ему всю информацию, он бы и рассказал. Одно успокаивало — ему удалось приглядеться к нескольким студентам. Безматерных посмотрел на подошедшего Володю. Совсем мальчишка. Хотя, наверное, лет двадцать уже. Парни, не служившие в армии, поздно становятся настоящими мужчинами, способными без страха выйти навстречу опасности. Готов ли этот пацан остановить хотя бы хулиганов? Зато Соловьева, как образцового добровольного помощника полиции, можно хоть в Москву отправлять. Немного подучив, конечно.

Десяток дружинников мало. Рано утром, перед отправлением, он поговорил с шефом и остальными офицерами, рассылаемыми по предприятиям, о дружинах в учреждениях города. Случись что — областной центр помощь не окажет — там своих забот хватает. А наверняка случится. Жизнь пошла наперекосяк. Да так, что к прошлому возврата не было. Просто об этом никто из присутствующих в зале не знал. К вечеру, правда, число знатоков возрастет и тогда может произойти все, что угодно. Вплоть до массовых погромов и бегства населения из города.

Если бы ректор института знал о действительном положении, он не был бы столь спокоен и деловит. Начальник горотдела на утреннем совещании зачитал e-mail со служебной информацией. Неведомые преступники, наконец, обнаружены. Далекое не всегда нападения заканчивались так трагически, как в Лимоново. Несколько бандитов были убиты и отправлены на экспертизу криминалистам.

Начальник, когда читал телефонограмму в этом месте, закашлялся от чувства безысходности, хотя уже читал ее один раз сразу по получении.

Преступники не были похожи на людей. Вернее это были НЕЛЮДИ. Неведомые пришельцы, которым нет места на планете. Ученые сразу заявили — на Земле такие существа появятся не могли. Биохимия другая. Из немногих результатов анализа, сообщенных в послании, поражал состав крови — ее основой было не железо, как у подавляющего большинства живого на Земле, а медь. Поэтому кровь у них синяя!

Народ в управлении, приготовившийся к очередной бурной, но вполне привычной и не столь долгой встряске, вызванной наглým нападением на Лимоново, сидел в полной прострации. Кто-то спросил:

— Война с инопланетянами начинается?

Начальник сорвал с лица очки, носимые им при чтении из-за старческой дальнозоркости.

— Вот! — потряс он бумажным листом e-mailом, — сам знаю столько же, сколько вы. Может, мэр обладает большей информацией. Но и здесь, — он швырнул бумажку на стол, — написано столько, что взвыть хочется.

Он снова надел очки и продолжил чтение. Собственно, читать осталось почти ничего. В e-mailе требовалось осуществить ограниченное оповещение населения без упоминания инопланетного происхождения бандитов. Такое указание было глупостью, люди все равно узнают, да еще с такими комментариями, что белый свет с копеечку покажется. Но приказы свыше не обсуждают, а принимают к исполнению.

Исходя из этого, начальник распределил между сотрудниками предприятия и учреждения, сделав из подчиненных лекторов общества «Знание». Пока, как и требовалось, он разрешил говорить только о бандитах, подразумевая под ними людей.

Не дав подчиненным поворчать, пусть в коридоре шумят, он спросил, есть ли желающие, что сказать по делу, намереваясь выпроводить их по рабочим местам.

Вот в этот момент и попросил слова Безматерных, заговорив о необходимости создания групп сохранения общественного порядка на предприятиях.

К его речи отнеслись равнодушно. Начальник управления на следующий год собирался на пенсию. Хотя мужик был неплохой, но уездили сивку крутые горки. Отступить от инструкции он не собирался, а там о дружинах ничего не говорилось. И половина присутствующих, глядя на его скривившееся лицо, решила Безматерных не поддерживать. Остальные, огорошенные известиями, были настолько обалдевшими, что их по большому счету стоило отпаивать водкой, а не рассылать по предприятиям.

Самое большее, что удалось пробить Безматерных — получить разрешение сформировать дружину из студентов института. Насчет газовых пистолетов и резиновых дубинок он решил сам. Замначальника он или покурить вышел?

Подождав, пока соберутся все добровольцы, не говоря ни слова, Безматерных повел их за собой. В душе ему было жалко мальчишек. Знали бы они, против кого их собираются выставить. С пришельцами пока не справлялись все силовые структуры вместе взятые. А тут необученные дружинники. Конечно, им бороться с хулиганами, но где тонко — там и рвется. И в случае чего придется беднякам платить своими жизнями за промахи генералов и полковников.

По большому счету, новоявленных дружинников не следовало тащить с собой. Птицы невысокого полета. Замначальника ГОВД мог прикрепить к ним одного из лейтенантов, а то и сержантов для получения навыков деятельности небольших подразделений. Но именно осознание вины перед парнями, которых он толкал навстречу большой опасности, заставило его заняться ими лично.

Дошли минут за десять — здание силовиков в их маленьком городе было недалеко, как, впрочем, и все остальные официальные и увеселительные заведения.

Намерение побеседовать со студентами пришлось сразу же отставить. Безматерных затянуло в водоворот дел, которых из-за пришельцев стало так много, что хватило бы на несколько начальников ГОВД вместе с их заместителями. Пришлось сделать то, что он так не хотел — перепоручить парней одному из офицеров.

Дежурный по приказу нового главкома загнал студентов в какую-то небольшую комнату, главным достоинством которой были два стола и несколько стульев. «На допрос доставили», — пошутил кто-то не очень весело. Полицейская обстановка, ассоциирующаяся для многих с опасностью, навеянной боевиками, не внушала оптимизма.

«Допрашивали» недолго. Мрачный сержант молча провел их в комнату куда побольше и получше обставленную. Шефство над ними Безматерных поручил невысокому старшему лейтенанту, явно недовольного полученным поручением.

Старлей не стал мешкать, вручив три газовых пистолета тем студентам, внешний вид которых внушил ему хоть какое-то доверие. Еще четверо получили резиновые дубинки. Оставшимся пятерым пришлось довольствоваться званием членов добровольной дружины по охране общественного порядка.

На робкое заявление одного из несчастливцев об обещании подполковника старлей рывкнул, что больше у него для них ничего нет, после чего заставил расписаться получивших казенное имущество в трех накладных. Вглядевшись в сумму штрафа за утрату оружия, Дима только присвистнул. Таких денег у него никогда не было и будет ли...

— Деньги просвистишь, — обругал его старлей и велел всем выметаться, — тебя, как старшего, вызовут на инструктаж, — сказал он напоследок Диме.

Они, не задерживаясь, покинули здание. Чудак старлей мог бы и не напоминать. Какой дурак будет засиживаться у полицейских. Лишь Дима скуксился таким быстрым решением проблемы. Он-то помнил, что подполковник обещал удержать их до вечера, поучив уму разуму. Что он под этим имел в виду непонятно, но, возможно, что-то полезное.

— Мужики, — раздался призывный голос одного из парней, кажется, с физмата, когда они проходили мимо ларька, — а не по пиву ли? Заработали.

Заманчивое предложение восторга не вызвало. Денег почти ни у кого не было. А так кто бы отказался. Вступление в ряды доблестных защитников полиции — как ехидно назвал их

сегодняшние похождения язвительный Миша — следовало обмыть.

— Чаем обмоем, — отрезал Дима, которому лычки командира начали давить на плечи. Был сам по себе, и вдруг за сломанный стул отблагодарили повышением.

Около института они остановились, чтобы выслушать старшего. Дима немного растерялся. Кабы они жили в одной общаге, тогда ничего. Но им предстояло разделиться на три группы — по количеству общежитий.

— Значит так! — решил он, — расходимся по общегамам, не теряемся. Вахтеров предупредите, кто мы такие и если что, пусть вас сразу вызывают к телефону. Будем созваниваться. Смотрите за порядком, а то залезет какой забулдыга и начнет права качать, да к бабам ломиться.

— Пусть ломится, они сами хотят, — не поддержал его парень с филфака.

— Мужики, давай не будем трепаться, — устало сказал Миша, который хотел есть — время подходило к двум, — держим порядок. Если какая телка заведет к себе хахалю, ну и черт с ней. Главное, чтобы тихо было. А то сами знаете, какой бардак бывает.

На такую отповедь никто не возразил.

— Присмотрите своих соседей, — попросил Дима на прощание, — а то нас слишком мало.

На это тоже никто не возразил. Втроем — вчетвером охранять все общежитие никому не хотелось.

Вернувшись к себе, они сразу же принялись за приготовление обеда. Лихо пошутил физик насчет пива. У них и на обед в столовой денег нет. Покидав в кастрюлю капусты, картошки и сдобрив все это домашней тушенкой, Володя решил, что с него хватит. Отомстить приятелям, запустив в суп хорошую дозу перца, он не захотел. А возможность была хорошая. Димка с Мишкой пошли покурить, да так и не возвращались уже с полчаса. Где можно пропадать столько. Или Димка всем демонстрирует свой газовый пугач? Кому он нужен. В общаге ребята то и дело заводили себе подобные штучки, от которых толку было почти никакого. Один шухер только, когда полиция начинала разбираться, кто применил газ.

Суп сварился. От запахов еды потекла слюна. Собака Павлова, — определил Володя свое состояние. Чувство коллективизма все же заставило его отправиться за заблудшими приятелями.

Димка с Мишкой оказались совсем рядом — у Колюни-телевизора.

— Господа! — возмутился Володя, — не соизволите ли вы пойти пожрать, у меня кишки слиплись от голодухи.

— О, Володь, — не обращая на его негодование, обрадовано сказал Дима. — А мы тебе даже не постучим, от телевизора оторваться не можем. Смотри, кто людей в котлету превращает.

На экране телевизора то и дело показывали чудовище, мордой напоминающую обезьяну, в голову почему-то лезла горилла, но с рогами. Вздувшиеся мышцы рук говорили о большой силе.

— Здоровая, гадина, — шепотом спросил Володя.

— Два метра с гаком, — так же тихо ответил Миша.

— Вы чего шепчетесь? — удивился их новоявленный командир, поворачиваясь к приятелям.

— Боязно же, — нашелся Володя, удивляясь себе. И в самом деле, с какой стати он, как на лекции...

— Слушайте, неохота смотреть, идите к себе, — потребовал хозяин, недовольный шумом. Колька вошел в большую силу как источник информации и открыто этим пользовался.

— Я пошел, — сказал Дима, не пожелав отвечать настырному Колюне.

Мишка отправился следом. У Володи любопытство пересилило голод. Он остался около телевизора. Передача про неведомых тварей (иначе называть этих горилл язык не поворачивался) шла давно. Несколько военных, ученых и политиков, похоже, во всем уже разобрались и спорили между собой на малопонятные для Володи темы. Узнать бы... Колька так уткнулся в телевизор, что отрывать его опасно. Малый мог озвереть не хуже опасного зверя, показываемого на экране.

Он отправился к приятелям, надеясь за ложкой супа услышать краткий пересказ передачи. «Однodelьцы по комнате» его не разочаровали. Благодарные за отсутствие обещанной мести, о которой парни помнили, невзирая на происходящие события, они наперебой принялись вываливать полученную информацию. Первую тварь зарубили топором в одном из венгерских городов. Кровавый урожай, который снимали незваные гости, сыграл с ними дурную шутку. Они обнаглели. Одна из «обезьян» открыто показала в городке на севере Венгрии, придя к небольшому открытому ресторанчику. Полицейский, оказавшийся на месте нападения, пытался стрелять, но внезапно «обезьяна» издала хлесткий звук, наподобие щелчка кнутом, но еще громче, и всех охватило оцепенение. Люди не могли даже пошевелиться. Посетители ресторанчика пополнили бы список погибших, но всех спас старик — дровосек. В ресторане изготавливали некоторые местные блюда на открытом огне, поэтому хозяин держал рубщика дров. Старик, вышедший с охапкой поленьев к жаровне, не сплеховал. Он вернулся обратно за своей старой секирой, которой рубил дрова, и, незаметно подкравшись, всадил ее в спину твари почти на всю глубину лезвия. «Обезьяна» в этот момент дробила кости очередной жертве и не заметила подкрадывающегося дровосека.

Способность к гипнозу и создание особого поля, не позволяющему использовать огнестрельное оружие (то и другое предположение ученых) наверняка бы сделали пришельца секретным на многие годы. Но постоянно гибнущие люди — а за сутки только в Европе погибло еще две с лишним тысячи, — заставили венгерские власти обнаружить труп. Иначе в мире могла начаться повальная паника — сколько же можно было слышать о погибших от неведомых врагов. Странна человеческая психология — пусть противник будет ужасен, но его надо видеть и тогда с ним можно сражаться. Невидимый враг вызывает панику у самых храбрых.

И как только венгры сообщили о захваченной твари, почти изо всех стран, в том числе и России, стали поступать сведения о захваченных телах тварей. Оказывается, первые трупы были получены еще вчера. Не так уж и беззащитны оказались люди.

— Нет, ну не сволочи же а? — с полным ртом выразил негодование Миша.

— Кто? — не понял Володя.

— Дед Пихто. Правительство, конечно, = обозлился Миша, — могли хотя бы намекнуть, что не все так страшно. А то я уже не знал, на какую люстру залезть.

— Мишка, ты такой наивный. Есть такое понятие — государственная необходимость. Понял? — посмотрел на него Дима.

Взгляд был такой требовательный, что Миша через силу кивнул.

— Вот так-то. Надо будет, цвет твоих трусов засекретят. Ешь, Володя, — скомандовал Дима, завершив разборки с Мишей, — поедим, пойдем искать себе оружие. А то я скоро все

нервы изведу с одними голыми руками.

— Какое? — Спросил недогадливый Миша, явно недовольный, что из него сделали коврик для битья. И главное не понятно — с какой стати? И еще оружие. По нему для Димы газовый пистолет и резиновая дубинка вполне достаточны. С его-то мускулами и с такими принчидалами он с тремя легко справится. Миша озвучил последнюю мысль.

— Мгм, — пробормотал Дима, глотая горячий суп. Дождавшись, когда в животе стихнет боль от слишком поспешно проглоченной пищи, он повернулся к нему, хотел снова обругать, но передумал. Нечего трепать нервы приятелю через каждые пять минут.

— Ты разве не слышал сказанного по телику? Все пукалки — от Макара до Бизона просто не сработают. Может, с большого расстояния получится, — добавил он, подумав. — А наши баллончики хороши только для пьянчуг. Секир у нас, как у венгерского дровосека, нет, но топором можно обзавестись.

— Ты даешь, — только и сказал Мишка и из уважения протянул ему ломоть хлеба, заметив, что тот доедает кусок.

Володя, который сразу сообразил о пользе топора, — не с ножом же отбиваться от чудищ, — молча улыбнулся. Дима ухватил суть вопроса. Им надо, хотя бы для собственной самозащиты, холодное оружие, типа средневекового. Склады же с мечами и саблями в городе не обретались. Из всех подсобных инструментов вилы не годились, ломы и кирки слишком тяжелы. Зато в большом количестве в городе имелись топоры. Чем не оружие? Лишь бы полицейские не арестовали.

Жутковато, конечно, будет выходить в бой с железкой против страшилы пришельца, но очень не хотелось подыхать беззащитным кроликом. Конечно, лучше совсем с ними не встречаться. Только как договориться с инопланетными маньяками?

Дима заметил усмешку на лице приятеля. Володя умен, хотя и не столь силен. Но кто сказал, что управляться холодным оружием надо только мышцами. Сила есть — ума не надо? Глупости.

— Доедайте, — кинул он, — я на вахту схожу. Посмотрю, кто дежурит из преподав. Ректор же обещал поставить.

Парни успели плотно пообедать, помыть посуду и развалиться на кроватях, блаженно переваривая обед. Времени хватило. Обед, наконец, переварился, — часа полтора уже прошло, а Димы все не было.

— Куда он делся? — стал тревожиться Володя.

— Зашел к кому-нибудь, в первый раз что ли. Помнишь, направился покурить, а вернулся от очередной бабы утром.

— Какие бабы, Мишка. Будет он с бабами связываться, когда горячим запахло. С преподам заболтался.

— Это уж да, — ухмыльнулся Мишка. Если в общега пахло дракой, Дима всегда оказывался поблизости и разнимал дерущихся. Не желающие остановиться и успокоиться получали такие плюхи, что в дальнейшем предпочитали выяснять отношения за стенами их временного пристанища. Димка был хранителем общежития, чем немало гордился. А тут не общега грозят, а как минимум, всему городу.

— Схожу, узнаю, — решил Володя и отправился на вахту.

— А его в милицию вызвали, на инструктаж. Подъехала машина, даже за курткой сбегать не дали. — Сказала вахтерша, еще молодая женщина. Володя ее знал плохо — вахтеры из-за мизерной оплаты менялись часто, эта работала недели две. Никакого препода

рядом с ней не оказалось.

«Мог бы и с собой позвать, — подумал он, прослушав причину спешного отправления Димы, — герой-одиночка. Последний панфиловец».

— Для чего здесь дружину создают? — любопытствовала вахтерша, — хулиганье, что ли, гонять будете? — в голосе явно зазвучала насмешка. Она еще не ведала о чудящах и относилась ко всему с чувством человека, который в этой жизни все переживет, поскольку ни властям, ни бандитам к ней с ее нищетой цепляться не за что. Убийства в Лимоново и других деревнях она считала или чудовищными разборками или очередной экологической катастрофой, причины которой скрывают.

— Не знаю, — пожал плечами Володя, — вернется Димка, скажет.

Он не настроен был разглагольствовать о Димке, слегка обидевшись на него. Тоже мне начальник нашелся!

Вернувшись в комнату, Володя рухнул на кровать.

— Где вождь? — Лаконично спросил Миша.

— Ушел в райком, — в тон ответил Володя, — к этому, как его, ну который не матерится.

— Безматерных, что ли?

— Во-во.

— Тогда надолго.

— Наверное.

Они не очень ошиблись. Старший добровольной дружины отсутствовал еще с час. С учетом прошедших до этого полутора часов это более чем достаточно.

Он влетел в комнату довольный, даже, можно сказать, сияющий, но ничего не рассказал, как не выжимали из него информацию весь долгий вечер его товарищи. Зато на следующее утро, благо занятий отменялись, Дима, подождав до конца завтрака, скомандовал:

— Рота подъем! Приготовились к полету, красны соколы. Клювы почистить, перья разгладить. Есть важные дела. Пойдем оружие добывать.

При таких словах Володя сразу забыл о вчерашних обидах и стал собираться. Стоявший посреди комнаты Димка выглядел, как легавая на следу крупного зверя. Честно говоря, легавых, кроме полицейских, он не видел, но упоминание о них (о собаках, а не о полицейских) в книгах, как в прямом значении, так и в переносном встречал часто. Оно очень подходило Димке. Горящие глаза, сам где-то далеко впереди у логова зверя. Не хватает только капающей изо рта слюны. Володе очень захотелось узнать, а лучше увидеть, что же такое заинтересовало побывавшего в милиции товарища, которого там продержали почти три часа.

— Не пойду, — упрямо сказа Миша. Ему было хорошо и уютно. Выходить на пропитанную дождем улицу, прямо в слякотную грязь совсем не хотелось. И любопытствовать не хотелось. Господин генерал все равно расколется и без унижающих честь и достоинство российского гражданина вопросов.

— Пойдешь, пойдешь, — безжалостно ответил Дима, — я все равно не отстану. Даю обратный отсчет — две минуты. Время пошло.

Сомневаться в способности Димы заставить пойти с ним Миша не сомневался. В конце концов, этот бугай, настаивая на своем, мог просто вынести его на вахту. Видя полезшего в шкаф за курткой Володю, Мишка вздохнул и стал медленно подниматься с кровати, всем

своим видом показывая, какую большую жертву он приносит.

Дима притворился настолько увлеченным сбором, что совершенно не замечающим ужимок соседа. Володя страдальцу тоже не посочувствовал. Недолгое блуждание по институту с железной палкой в ожидании нападения невидимых врагов сделало его холодным к плачам и воплям этого бездельника. Мишка еще благодарить будет.

Он почувствовал неожиданный прилив восторга. Неужели действительно удастся вырваться из столь привычного и безопасного, но совершенно предсказуемого мира, в котором ему уготована роль учителя истории с нищенской зарплатой в какой-нибудь глухой деревне. Он иногда почитывал фантастику и всегда завидовал героям, внезапно попадавшим из действительности XX века в необозримое будущее. У них, правда, все по-другому, они остались в своем городе, о путешествии в будущее по-прежнему говорят только чокнутые и фантасты. Зато даже здесь в каждое мгновение легко не просто сложить голову, а быть размазанным по стенке. И все-таки это другая жизнь. И им очень надо оружие, которое способно убивать врага. И, может быть, Света... Тьфу ты, напасть какая.

При упоминании о своей бывшей подруги он не застонал мучительно, как это бывало с ним до сегодняшнего дня, а обозлено выругался.

— Скоро ты соберешься? — рассержено повернулся он к Мише.

— Ты то чего злишься? — удивился тот, — бешенные какие-то все стали.

— Ладно, давай шустрее, а то все топоры перетаскают, — миролюбиво сказал Володя. С какой стати он, в самом деле, набросился на приятеля. Так и шизиком недолго стать.

— Соберешься тут с вами, — продолжал ворчать Миша, довольно быстро, однако, одевшись, — пошли? — спросил он, натянув куртку.

— Пошли! — решительно сказал Дима, засовывая в карман куртки газовый пугач.

— Зачем он тебе? — любопытно спросил Володя, — от него же никакого толку нет.

— На безрыбье и рак рыба, — туманно ответил командир, поведя их к видимой лишь ему цели.

Дима шел быстрым шагом, явно зная, куда ведет приятелей. Но, как будто специально, дорога, избранная им, не была усыпана лепестками роз. Скорее она представляла скопище луж, соединенных между собой широкими протоками. Володя почувствовал, как в левом ботинке, равнодушном к воде по причине изношенности, ноге становится не столь уютно, как хотелось бы. Не хватало только заработать простуду.

Он представил себя партизаном Великой Отечественной войны, идущим в болотах Белоруссии на важное задание. Не впечатлило. Детство какое-то. Пусть сосунки играют в войнушки. А ему холодно и слякотно.

Володе не удалось довести свое недовольство до ушей начальника. Мишка, которому надоело прыгать по лужам, успел возмутиться первым.

— Димка, тиран ты эдакий! — возопил он, надеясь привлечь внимание новоявленного Ивана Сусанина, — у меня ноги сейчас промокнут.

— Обойдешься, — голосом, не терпящим возражения, ответил их старший. Он даже не повернулся к нему, занятый тяжелыми думами.

Миша смолк, не решаясь оспаривать столь решительный тон. Он лишь толкнул локтем Володю, мол, посмотри, каков молодец.

А Дима специально не разговаривал с ними. Он знал: стоит завести болтовню, все сведется к жалобам на погоду и дорогу и «может, ну его к черту, Дим, поищем в другом месте. Я знаю знакомого школьного завхоза». Его друзья не зря доучились до третьего курса истфака. Замокнуть логическую цепь разговора в нужном для них направлении они давно научились и проделывали данную процедуру с большим изяществом. А ему нужно довести их до точки «Х», где находились заветные топоры.

И так вчера потрачено больше двух часов на болтовню с гражданами в погонах. Он и не знал, насколько полицейские начальники бывают говорливы. Сходить на вахту после обеда его толкнуло предчувствие. Едва он успел спуститься и перекинуться с вахтершей парой слов о ненастной погоде, как около общежития резко затормозил газик. Из него выскочил здоровенный полицейский товарищ с сержантскими нашивками на маскировочной куртке. Он резко протиснулся в окошечко вахты.

— Мне нужен старший дружины Дмитрий Соловьев.

Диме полицейский не понравился. Наверняка козел. Пользуется властью, чтобы водки добыть, да бабу зажать. Ишь как выкаблучивается.

— Я Соловьев, — нехотя он поднялся.

— Замечательно, — расплылся полицейский улыбкой крокодила, намерившегося половчее схватить добычу, — поехали. Ты срочно нужен начальнику горотдела.

— Ладно. Переоденусь — выйду, — попытался тормознуть настырного сержанта Дима. Куда там!

— Дан приказ — доставить немедленно, — подчеркнул полицейский, не повышая голоса. Впрочем, с его габаритами кричать не было необходимости. Дима понял, что подняться в комнату ему даже с его-то мышцами явно не дадут. Вон бугай какой. Хорошо, что он, как чувствовал, надел ботинки. И шарф набросил теплый.

Вахтерша по доброте душевной попыталась выступить на стороне студента.

— Ему тут только на второй этаж курточку накинуть.

Сержант посмотрел на нее как удав на кролика. Сходство было настолько явным, что вахтерша сжалась в комок, бормоча в прострации о дождливой погоде и почему-то теплых носках.

Дима не успел прийти в себя, как они подъехали к зданию полиции. Если бы Соловьев знал, что его ожидает, он костыми бы лег у входа, но не вошел и не поднялся в требуемую комнату. Во-первых, нет, во-вторых, было холодно, и где-то через полчаса он откровенно начал мерзнуть. И, во-первых, его вытянули на скучнейшее собрание, называвшееся инструктажем представителей добровольных дружин охраны общественного порядка.

Он не знал, что накануне, когда высший состав городской полиции и прочих силовых служб изображал из себя лекторов, из областного центра глава ОблУВД лично передал начальнику ГОВД распоряжение приступить сегодня же к формированию дружин содействия полиции, подчеркнув, что ветер дует со стороны МВД России, и если он не уложится в жесткие сроки, пусть пеняет на себя.

Полковник пенять не захотел, обругав себя за то, что не поддержал утром своего зама. У того мысли оказались сгруппированными в нужном направлении. Но ругайся — не ругайся, а выполнять указание надо. И вот перед ним сидели представители несуществующих дружин и внимали его речи. А начальнику было что рассказать. За долгий срок службы в полиции он набрал столько поучительных моментов, что мог не два часа — два месяца рассказывать, как надо поступать в тех или иных случаях нелегкой полицейской службы.

Рядом с ним со спокойным и доброжелательным лицом сидел Безматерных, в нужный момент кивком головы или возгласом одобряя высказывания оратора. В отличие от студента подполковник знал, что дело быстро не делается, а показуха и болтология — существенные элементы любого приличного учреждения. Сегодняшнее никому не нужное совещание он считал примерно таким же явлением, как беспрерывно льющий за окном весенний дождь. Ни начальника, ни господ бога убедить сменить репертуар он не мог и поэтому был непробиваем в своей невозмутимой вежливости и деловитости.

Замначальника выступил в конце совещания. Его речь, в отличие от предыдущей, касалась конкретных вещей. Присутствующие под диктовку записали сроки и примерные места формирования, фамилии работников полиции, которые становились кураторами их дружин, и от которых следовало ожидать указаний. Напоследок им выдали удостоверения, правда, без фотографий и потому действительных только при наличии иного документа, об их принадлежности к органам полиции. Самым существенным в нем было предоставление права носить холодное оружие. Какое, правда, не оговаривалось. Дима про себя усмехнулся промаху полиции. Однако в остальном все было в порядке. После выступления в актовом зале института он был невысокого мнения о Безматерных. И, как оказалось, напрасно.

После окончания совещания Дима, ворча про себя, что явиться следовало лишь на эти десять минут, решил подойти к подполковнику. Можно было, обрадовавшись туманному разрешению о ношении холодного оружия, ринуться на поиски топоров. Но не слишком ли они нахальны? Подполковник и его босс не министры, чтобы давать такие разрешения. Пришельцы — пришельцами, однако полицейские их вполне могут затаскать за превышение полномочий.

Безматерных беседовал с директором одного из городских предприятий, но, заметив терпеливо мающего студента, поинтересовался, какого черта ему еще надо и почему он не бежит выполнять указания. Узнав, что дело не минутное, велел подождать, а потом, расставшись с директором, вошел в суть проблемы. Так родился их поход.

Они шли еще минут пятнадцать, пока не добрались до обширного склада, которому больше подходил статус сарая. На двери висел увесистый замок, замыкающий мощные металлические петли створок. Лучшим способом войти в помещение был выстрел по дверям из РПГ, а еще лучше взрыв грамм ста пластита, чтобы вместе с дверями снести полсарая.

Солидное препятствие смутило их вождя. Дима недоуменно посмотрел на замок, зачем-то подергал его, словно надеялся на то, что его просто повесили, не закрыв на ключ. Ему не повезло. Замок был надежен как рыцарский замок. А Безматерных обещал ему немного другое.

Накануне подполковник, уловив затруднения студента, сделал несколько звонков, одобрительно на него поглядывая. Пока никто — ни сотрудники полиции, ни новоявленные дружинники — не задумался, а как, собственно, они собираются выполнять свой долг? С хулиганами и бандюгами проще — патронов и оружия пока хватало. А если на пути окажется пришелец? Как понял Безматерных из служебной, а затем и телевизионной информации огнестрельное оружие при появлении пришельцев выходило из строя. Штык-нож и приклад это, конечно, великая вещь... Вот поэтому Безматерных обзванивал пришедшие ему в голову городские организации, в которых могли находиться нужные не только студентам, но и остальным дружинникам, а то и, чего греха таить, самой полиции инструменты. Если так пойдет дальше, в органах внутренних дел появятся подразделения копьеносцев и мечников. А еще лучше конница. Фантазия заиграла, Безматерных представил для начала причудливую картину омовцев с топорами на улицах города.

Он фыркнул и положил перед Димой клочок бумаги с адресом.

— Это почти забытый склад пожарников, который они держат на всякий случай. Там на хранении ненужное им имущество, в том числе старые пожарные топоры едва ли не столетней давности. На дряхлых дверях висит маленький замок. Я и слышать не хочу ни о каких взломах, но чтобы к вечеру ваша команда максимально вооружилась. Ясно? Сейчас выпишу разрешение на ношение топоров и шагай.

Безматерных написал разрешение на форменном бланке и шлепнул печать. Получившаяся бумажка выглядела весьма странно. Он первым бы задержал ее владельца. Разрешение на ношение топора в целях самозащиты. Дожили!

Подивившись свободе взглядов полицейского на государственное имущество, Дима ответил, что все совершенно ясно. Теперь же, перед прочными дверями, его понимание ситуации изменилось. То ли полицейского кто подставил, то ли тот решил проверить студентов на предприимчивость, но факт оставался фактом — прорваться в сарай через ворота они не могли.

Володя, видя затруднение командира, мысленно покачал головой. Похоже, над Димой подшутили. Испытание, так сказать, на прочность. Уверенность, с которой тот шел к явно заброшенному складу, говорила о его убеждении в легком проникновении в него. А тут замок.

— Надо было хоть ножик взять, — глубокомысленно заметил Миша, мысленно уже возвращавшийся домой.

Дима, ощутивший скрытую критику его командирских действий, насупился и принялся оглядывать немалую дверь, почти ворота, в поисках слабых мест.

Володя пошел другим путем. Он неспешно двинулся в обход развалюхи, стараясь не слишком замочить брюки. Зеленые лопухи репейника, в изобилии выросшего вокруг склада, были в дождевой воде. Если бы он поставил цель хорошенько намочнуть, то лучшего места не

нашел бы. Но у него наличествовали другие намерения. Что-то ему подсказывало — не все чисто с сараем, находящимся в глухом месте без охраны и при этом совершенно целом! В нашей стране такого не может быть.

Ему удалось сравнительно малой ценой — намокшим коленом (опять левой ноги!) дойти до середины боковой стены сарая. Так и есть! Взору открылся аккуратный проход на склад. Кто-то выломал три толстенные, сантиметров в десять доски. «Черный вход» местное начальство не заметило. Зато навесило здоровенный замок на парадный. Охрана по-русски.

— Шеф! — крикнул он негромко, стараясь, чтобы голос не был слишком насмешливым. Проколы бывают у всех, и не стоило злить Димку понапрасну. Сам можешь вляпаться в такое же дерьмо.

Дима не стал интересоваться, по какому поводу его зовут, явившись в мгновение ока. Боковой проход, сделанный любителями поживы, а может бомжами, изумил его.

— Склад находится на консервации несколько лет, все содержимое на месте, — нараспев процитировал он своего инструктора, наверняка, Безматерных, — заходим? — спросил он Володю.

— Конечно! — отозвался тот. Иного не дано, как говорил классик недавней эпохи развалившегося государства. Или новоявленный Сусанин собирается их вести назад по той же дороге с пустыми руками? Как там в анекдоте: «Ну, где там Сусанин, сломать ему ногу. Не надо, ребята, я вспомнил дорогу!»

— Миш! — позвал Дима.

— Иду, иду, — послышался брюзгливый голос, — ай, мать растак вас перетак, — раздавалась сочная ругань. Неуклюжий Мишка, не ожидавший подвоха там, где уже протоптали дорогу два человека, был освежен душем терпеливо ожидающегося своей жертвы репейника.

Володя откровенно захохотал при виде промокшего по пояс товарища, собравшего к тому же все возможные прошлогодние репы на своем пути.

— Чо ты ржешь! — возмутился тот, готовый восстанавливать справедливость кулаками.

Дима это почувствовал.

— Тихо вы оба, — негромко скомандовал он, наливаясь гневной кровью, — мозгами бы своими раскинули. Люди мрут пачками на улице почти в центре города, а мы в таком безлюдье. Если на нас нападут и раскатают в блин, хватятся не скоро. А вы орете, словно зовете всех окрестных тварей.

Мишка сразу притих. Занятый проблемами гигиены и здорового образа жизни, он как-то выпустил из памяти сюжет о бродящей по округе обезьяноподобной смерти. Володя о ней тоже забыл, увлекшись мысленной критикой начальника, и уважительно посмотрел на Диму.

— Веди нас, Вергилий! — сказал он, склонившись в изящном полупоклоне.

— Шалопаи, — уже спокойнее посмотрел он на них и вытащил из кармана фонарик. Неплохо экипировался старший.

Тусклый лучик торопливо обежал помещение. Любители наживы хорошо полазили по недрам склада, и Дима явно волновался, опасаясь не найти нужных ему вещей. Склад оказался разделенным на две части кирпичной перегородкой. Половина, открывшаяся их взору, не внушала оптимизма. Пустые стеллажи, кучи мусора, в которые превратилось хранимое имущество. Хорошо прокололся Безматерных, обещая молочные реки и кисельные

берега!

— Вот они! — облегченно выдохнул Дима, что-то разглядев среди барахла, лежащего у стены напротив.

Он поспешно двинулся к находке и, оступившись, упал. Отборная брань, донесшаяся от него, не многим уступала мишкиной.

— Давай, давай, — поощрил его Мишка, довольный тем, что не он один оказался в дураках.

Чувствуя себя единственным деловым человеком, Володя подобрал отлетевший фонарик и направился к остаткам казенного имущества, внимательно освещая себе путь под ногами. Димкина находка оказалась несколькими топорами на длинной ручке. Правда, от последних остались полусгнившие воспоминания, но это не страшно. Володя оценил идею шефа. Судя по виду, перед ним пожарные топоры. Пожарникам нередко приходилось прорубаться в горящие жилища, или, наоборот, рушить горящие доски. Топоры должны быть хорошим инструментом, а не колунами. От обычных топоров они отличались размером и массой. Лезвие раза в два шире, а обух массивный и грозный. Не пожарный топор, боевое оружие.

Володя поворошил ногой. Топоров было три, столько же, сколько их самих.

— Слушай, тебе не приходит в голову сказка? — спросил он подошедшего Диму, слегка прихрамывающего после неудачного забега к цели.

— Какая сказка? — машинально переспросил Дима, низко наклонившись над топорами для того, чтобы лучше рассмотреть их.

— Возьми в руки, — посоветовал Володя. — Любая сказка. Их до фига. Добрый молодец отправляется в поход, но перед этим он находит заветное оружие.

— Нет, лучше не сказка, а какое-нибудь клевое компьютерное мочиловое, — встрял подошедший Миша, — то же самое, но куда современнее.

— Действительно три, — слегка удивился Дима, — нормальные топоры, надо только древки заменить, сгнили. Ладно, хорош тут торчать, берите каждый по штуке и сматываемся. Не пришельцы, так свои обнаружат. Затаскают потом полицейские.

— Так мы разве ворует? — наивно спросил Миша.

— А что мы делаем? — передразнил его Дима.

— Вооружаемся, а затем пойдем спасать человечество! — гордо провозгласил Миша.

— Бери железяку, спаситель, — засмеялся Дима. На Мишку злиться было невозможно. Это не вечно серьезный Володя, который, наверное, родился с крайне озабоченным лицом, уже тогда измученный спецификой испанского феодализма.

Не пытаясь найти оружие получше, они похватили в тусклом огоньке фонарика по топору и отправились к серому пятну пролома.

После затхлого, несмотря на постоянный приток, воздуха склада, на улице дышалось куда веселее. Володя жадно вдохнул. Хорошо! Он глянул на свою находку. На свету она выглядела совсем не привлекательно. Останки древка следует просто выколупать из топорница и забыть о них. Сам топор оказался ржавым, а лезвие затупленным.

— Барахло, — прокомментировал Миша, глядя на свой кусок металла.

— Лучше все равно не будет, — философски заметил Дима. — Имей, что есть.

— Утешил, кормилец.

— Где бы его поточить, — вмешался в их треп Володя. Он был другого мнения. Несмотря на подержанный вид, топор ему понравился. Сделанный явно еще до войны с

немцами в середине прошлого века, ручнойковки, он не производил впечатления инструмента, главная задача которого рубка древесины. Было в нем нечто грозное и великое, как у любого настоящего оружия, отправленного в отставку, но еще помнящего свое предназначение.

— Есть вопрос — есть ответ, — улыбнулся Дима, — следуйте за мной.

Они вернулись в центр города, завернув топоры в лежавшую около склада полусгнившую мешковину. По пути Дима, не жалея остатки денег, купил несколько полиэтиленовых пакетов. Не в тряпке же им носить свое железо.

Знакомый Димы, работавший в небольшой мастерской по производству лесоматериалов, с легкостью согласился подточить топоры, удовольствовавшись обещанием пол-литры в неопределенном будущем.

— Поточили, — констатировал Миша, проведя пальцем по лезвию, хорошо поточили, — добавил он, увидев, как из сделанного пореза показалась кровь.

— Первые жертвы, — хлопнул его по плечу Дима, — не бойсь, дальше будет только кровь врагов.

— Надо дровки добыть, — напомнил Володя. Одними топориками не повоюешь.

— С дровками будет сложнее, — посетовал их начальник. — Хорошее дерево не достать, а гниль мы сами не возьмем. Вспомнил! — рявкнул он так, что приятели чуть не шарахнулись в стороны.

— Следующий раз предупреждай, ладно, — попросил Володя, — мы в сторону отойдем. А то с тобой зайкой станешь.

— Да будет вам, — смутился Дима. — Я просто вспомнил, где мы можем найти себе дровки.

Он привел их к старому спортзалу. В нем обреталась секция по накачиванию мышц, и поэтому было достаточно железа.

— Сергеич! — Обратился Дима к старому физкультурнику, командовавшего всей этой шарашкиной конторой, — можно, я возьму на пару дней три стальных трубы.

«Лихо придумал, — восхитился Володя, — а я бы все искал дерево. Прогресс же. На дворе двадцать первый век, а ты все ешь да сосна», — пожурил он себя.

— Ишь, какой шустрый, — не обрадовался просьбе старик. Он хотел поворчать, но передумал, — бери. И только на два дня.

— На два, Сергеич, на два.

Старик поглядел вслед спешно удаляющимся студентам. Опять, сорванцы, надумали проказу. Другим студентам полутораметровые стальные трубы, по случаю прихваченные им на стройке, он бы не дал. Но просил Дима, а к этому бугаю он имел слабость. Какой жим он делал! А палки должен вернуть. Не налево же загонять понес. На него такое не похоже.

Удаляясь от спортзала, Володя едва удержался, чтобы не побежать. Судя по всему, у его товарищей было такое же желание. Им все казалось, что сейчас их окликнут и придется возвращать трубы.

В общежитие удалось попасть незаметно. Это было немного странно, поскольку выходить из него не рекомендовалось, да народ и сам не рвался выходить на вдруг ставшую страшной улицу. Однако же никто не встретился! Какие кульмассовики собрали всех студентов?

Володя, отправившийся в отхожее место после того, как аккуратно сложил свой металл в комнате, напоролся на Кольку.

— Вы где бодались? — удивился он, — вас так искали, одно в ГОВД не позвонили. Сам ректор заходил. Где говорит мой главный дружинник? — Колька хихикнул, — а дружинник с парой дружков слинял неведомо куда.

— Где все? — прервал Володя бурный поток словоизлияния.

— Дак увели. Что-то там сделать. Ректор обещал заплатить и бесплатно накормить.

Доброта ректората, нашедшего студентам оплачиваемую работу, вызвала подозрение. Володя уже на первом курсе разуверился в человеческой доброте. Если тебя приваживают, значит, от тебя что-то надо. И больше всего он сторонился сердобольных девчонок, начинающих его подкармливать. Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Как только хорошая знакомая начинала его кормить, он переставал к ней заходить. Девчонки просто помешались на замужестве, но он-то тут при чем? Ректорат и деканат, на его взгляд, ничем не лучше.

Вернувшись в комнату, он застал прелюбопытную картину. Димка, как завзятый ландскнехт, стоял посреди комнаты, гордо оперевшись на древко своего топора. Тот, вычищенный и подточенный, больше не казался дедушкой русского флота — старой развалиной, готовой распасться на куски с одного замаха.

— Дверь закрой, — попросил Дима, — кто там по коридору бродит?

— Колька, кто еще.

— Все от подруги оторваться не может? — хихикнул Мишка, имея в виду телевизор, — остальные-то где?

— Ректор собрал всех мужиков и отправил на какие-то работы, пообещав заплатить и накормить.

— Ага, — неопределенно отозвался Димка, явно зная куда больше, чем два его приятеля.

Мишка попытался его расколоть.

— Слушай, — сказал он ему, — мы ведь как бы теперь совсем в одной команде и будем закрывать друг другу спину?

— Ну да, — осторожно сказал Дима, ожидая подвоха.

— Ну, так, может, ты расскажешь нам, почему постоянно загадочно лыбишься?

— Трубу надо получше закрепить, — словно не расслышав Мишку, озабочился Дима развитием оружейного дела у них в комнате, — слетит в самый нужный момент и все, поминайте ребята, Митькой звали.

Он сказал это так, что Мишка рассмеялся, посчитав его слова забавными, а у Володи пробежала дрожь по коже от нехорошего предчувствия.

— Сдурел? = вырвалось у него, — каркай здесь.

— Опять ругаться, — всплеснул Мишка руками, — пиплы, с этими монстрами вы рано или поздно сами монстрами станете.

— А рассказать я не могу пока, потерпи, Миша, — вернулся шеф к вопросу приятеля, — все узнаете сами. Да и нет у меня особых секретов. Так, полицейские слегка подкачали информашкой. Ты получше закрепи топорище. Я тебе без шуток говорю.

Володя вставил трубу в отверстие топорища. Вошло с легким нажимом. Плохо. С таким же успехом топорище вылетит, стоит раз — другой замахнуться.

— Чем крепить будем? — спросил он в пространство.

Ответил, конечно, Дима.

— Надо подумать, — почесал он затылок. В голову ничего не приходило. Тогда он

почесал лоб.

— Задницу почеси, — порекомендовал Миша, внимательно за ним наблюдавший.

— Твою? — полюбопытствовал Дима.

— Но-но-но, — сел на кровать Миша и старательно вдавил искомую часть как можно глубже в матрас, — представителей сексуальных меньшинств прошу не беспокоиться.

— Пластиком! — воскликнул Дима совсем не в тему разговора.

У них действительно лежало несколько листов тонкого пластика, стащенного им непонятно с какой целью из того же спортзала, откуда они позаимствовали трубы. Володя тогда полюбопытствовал, не собирается ли он открывать кружок умелые руки. Теперь пластик пригодился.

Володя никогда не был особым умельцем, способным топором подточить карандаш. Эту вакансию у них занимал Дима. Он углубился в размышления о технологическом процессе изготовления оружия, а Володя толкнул локтем Мишу:

— Как на счет обеда?

— Неплохо бы, — осторожно ответил Миша.

— Чья очередь готовить?

— Понятно, — вздохнул Миша. — Ты хоть кастрюлю вымой, после тебя осталась.

— Да я и картошку помогу почистить, — пожалел страдальца Володя.

— Это хорошо, — приободрился Миша, — цели определены, задачи поставлены — за работу, товарищи!

Пока они суетились по хозяйству, Дима решил проблему создания оружия.

— Володь, сходи, возьми у Таньки плитку. Скажи, я попросил, она даст.

— Плитку, или еще что? — ненароком полюбопытствовал Миша.

— Изыди, сатана! — отмахнулся от него Дима, — вари лучше суп. Есть охота до колик в желудке.

Исполняя руководящее указание, Володя отправился за электроплиткой. «Использовать электроприборы в комнатах категорически запрещается», — гласила высочайше утвержденная пожарной инспекцией инструкция. Особых иллюзий, правда, у инспекции и администрации института по поводу законопослушности студентов не было, и они время от времени устраивали рейды по поддержанию моральной чистоты подрастающего поколения. Но плитки все равно оставались. Всех не перестреляешь.

Плитку он получил легко. И не только потому, что просил Дима. Приближалось что-то страшное и акции самого занюханного студента резко пошли вверх. Грубая физическая сила стала стоять куда больше, чем стройная фигура и красиво изогнутые губы. Володя едва не утонул в мигом возникшем девчоночьем окружении, перетрусившем и перенервничавшем, а потому необычайно любезным. Первые красавицы общежития разговаривали с ним так, словно перед ними был Богатый Джек из Штатов.

Он кое-как вырвался, пообещав заглянуть вечером, заранее зная, что не придет.

Димка его заждался, нервно отбивая дробь пальцами по столу.

— Штаны подтяни, — посоветовал Мишка.

— Ну тебя, — отмахнулся Володя.

Дима, успевший в ожидании друга заглянуть к Кольке, утихомирил их мрачным сообщением.

— Только что передали, на улице Луначарского убито несколько человек.

— Как? — поразился Миша. Он ничего не знал, занятый по хозяйству.

— Как? Обыкновенно — в лепешку.

Володя удивленно посмотрел на обоих. Один знает, другой нет.

— У тебя мобильник? — прямо спросил он у Димы.

— Мобильник, — хмыкнул тот и пояснил: — к Кольке забегал.

— Веселого мало, — сказал помрачневший Миша.

— Куда уж там, — вздохнул Дима. — Давайте варите суп, а я за час управлюсь с топорами.

Насчет часа он погорячился, но через полтора, к двум пополудни, оружие было готово. Дима разогрел пластик на плитке, а затем проложил им трубы и вставил в топорище.

Володя попробовал на прочность свое оружие. Топорище не шевелилось. Это его не убедило. Он со скепсисом посмотрел на увлеченно хлебающего суп Диму. Тот почувствовал его сомнение.

— Ежели кто думает, что сделает лучше, пусть бросит в меня камень, — предупреждая возможную критику, сказал он.

Володю таким образом пронять было трудно.

— Первый раз вижу, чтобы сталь к стали припаивали пластиком. Тебе не кажется — проще сходить и приварить.

— Дрянь, конечно, — согласился с ним Дима, — у тебя много денег в кармане — сходи. Обещанием бутылки не обойдешься.

Володя покачал головой. Нашел о чем спрашивать. Дима и сам понимает, что пластик вынужденная мера.

Друг не стал ерничать по поводу критиканов. Дело серьезное, он понимал сомнения приятеля.

— Варить надо, — с вздохом согласился Миша, — чем раньше, тем лучше. А пока так походим.

Он ловко перехватил древко и неожиданно сделал выпад в сторону Димы. Острие топора прошло в паре сантиметров от носа. От неожиданности тот выплюнул суп, только что заброшенный ложкой в рот, и облил клеенку. Володя и Миша замерли: первый от

изумления, второй от ужаса. Дима молча посидел пару секунд, приходя в себя, затем поднялся и выразил свое отношение к внешней политике администрации американского президента, российским демократам и коммунистам, дождливой погоде и лично к Мише Урасинову.

Мишка, сам не ожидавший от себя такой прыти, заполз в отдаленный угол кровати, понимая, что одними пожеланиями его матери и всем предкам по мужской и женской линии, венцом творения которых он стал, не обойтись. Ему-то хотелось всего лишь слегка выбросить вперед топор, а он показал себя величайших каскадером всех веков и народов. Дима за такие шутки пустит кулаки в ход. Он бы тоже пустил.

Дима его не разочаровал. Он медленно закатал рукава рубашки, и, подойдя к Мишке, закатил ему хорошую затрещину, после чего вернулся к супу.

Пострадавший такой милости не ожидал. Хотя в голове звенело, было больно и неприятно, но за рискованное обращение с холодным оружием можно было заработать куда больше.

— Еще раз так пошутишь, отлуплю до посинения, — предупредил его Дима, не объясняя причин милосердного отношения.

Володя не стал комментировать эту историю из курса молодого бойца средневековой армии. Он лишь, повернувшись к Мише, покрутил пальцем у виска. А если несколькими сантиметрами далее?

Миша виновато потупился и примолк, глядя в окно на унылые, просеченные дождем деревья.

— Все! — отодвинул Дима тарелку от себя, — набузгался так, что живот как барабан, — он потрогал вышеозначенную часть и поморщился, — совсем толстый стал.

Он оглядел свое примолкнувшее войско.

— Что приуныли? Мишка, тебе попало за дело, так что не дуйся.

— Да я не дуюсь, — примирительно сказал виновник недавнего торжества.

— Вот и ладненько. Собирайтесь, забыли, на пять часов назначена встреча дружины. Я буду за Илью Муромца, — начал он делить посты, — ты, Володя, станешь Добрыней Никитичем. Мгм, Миш, тебе временно присваивается должность Алеши Поповича. Так сказать и.о. Надо заработать.

— Понятно, — уже веселее сказал Миша. Раз Дима начал треп, значит, он решил забыть о прошлом.

Володя, как более разумный человек, продумал их действия на несколько шагов вперед.

— Первое, — начал он, не делая попытки подняться, — все парни на подработке.

— Даю справку, — откликнулся Дима, — все доблестные добровольные помощники милиции будут отпущены к означенному часу. И более того... Так и быть скажу. За дежурства, когда мы, так сказать, на службе, нам заплатят.

— Сколько? — потер руками Миша.

— Не знаю, — разочаровал его Дима.

— Ну вот! — откинулся назад Миша, сделав кислое лицо.

— Второе, — продолжил Володя, — топоры берем?

— Берем!

— А нас того, не попросят?

Дима лукаво посмотрел на Володю.

— Пару дней назад вызвали бы скорую или полицию. Сегодня нас никто не тронет,

наоборот, Володя, за нашу спину прятаться будут.

Володя не возражал. Он, в общем-то, думал так же, лишь перестраховывался. Уж слишком резко менялся привычный образ жизни. На прошлой неделе они бегали с учебниками и монографиями, вчера с резиновыми дубинками и газовыми пистолетами, сегодня — с топорами. Прогресс! С чем они будут ходить завтра — с каменными палицами?

— Есть еще вопрос! — прервал он свои размышления.

Дима, деловито собиравшийся к выходу, повернулся к нему. Хотя надо спешить, но путные идеи никогда на дороге не валяются. Кладезь мудрости, в миру звавшийся Владимиром Александровичем Кудрявцевым, неоднократно удивлял окружение и даже некоторых преподав своими мыслями.

Володя, почувствовав обращенный на него взор, сказал в пространство перед собой, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Оружие мы приобрели, и почти сделали, — Дима дернулся возразить, понимая, в чью сторону сказано «почти», но не стал вопить, решив возмутиться немного позже, — забыли об одном, господа.

— И что же мы такое опустили, господин стратег? — не выдержал Дима, решивший больше не спускать незаслуженной критики в свой адрес.

— Название.

— Кого? — не понял Миша.

— Ты прав, — в раздумье сказал Дима, — я же говорил — ты голова.

— Топоров, что ли? — постепенно созревал Миша.

— Их родных, — подтвердил Володя, с сочувствием глядя на него. Дескать, нельзя же быть таким тупым.

Миша побагровел, но смолчал.

— Что же ты предлагаешь? — подумав, спросил Дима.

— Не знаю пока, — сказал Володя, — но не топор точно. Топором дрова рубят.

Дима, бросив на кровать куртку, попытался вспомнить.

— Бог знает что, — не выдержал он, — целое средневековье было с кучей оружия, а в голову ничего не лезет. Историки мы али нет?

Миша в поиске названия оказался полезнее всех.

— У меня же есть комплект открыток «Русское оружие», — припомнил он.

— Точно есть, — подтвердил Дима, — только вот где?

В последний раз они интересовались открытками год назад, когда проходили Куликовскую битву.

— Так, — стал соображать Миша, — я его, по-моему, в старые тетради засунул за ненужностью.

— Домой не увез? — на всякий случай поинтересовался Володя.

— Не должен, — похолодел Миша, — сейчас пороюсь. Есть! — издал он победный вопль.

Они уселись на его кровати, склонившись над открытками. Кольчуги, шлемы, самострелы, все не то.

— Вот, — сказал Дима, — рубящее оружие.

Заветная открытка была извлечена на белый свет.

— Опять топоры, — раздраженно проворчал Миша, — что там еще есть?

— Подожди, — сказал Дима, — смотрите, топоры делятся на секиры и булавы. А у нас

что?

Володя подошел к своему топору.

— Булава, по-моему, другое. А вот секира. По мне, так пойдет. Лезвие такое же широкое.

— Миш?

— Секирами тоже дрова рубят. Помните, венгерский дровосек, который первым убил орка. Хотя... согласен.

— Вот и ладненько. У нас на вооружении секиры, — постановил Дима, не вдаваясь в нюансы. Название оружия его принципиально не затрагивало. Главное, что есть, — раз все решили, выходим.

Как назло по пути попался Колюня, от удивления забывший ознакомить их с последней теленовостью.

— Амбец! — брякнул он, глядя на топоры, — вы чего?

— Идем на защиту Петрограда, — поделился информацией Миша.

Колюня, впрочем, был студент и поэтому скоро пришел в себя.

— Дрова ныне в цене, — знающе сказал он, — будете обмывать первую полочку, позовите, я в гости пустой не хожу.

Дима, закрывая дверь, обернулся к нему и ласково улыбнулся. Что уж там увидел Коля в его улыбке, осталось тайной, но он резво скользнул в свою комнату. В двери поспешно провернулся ключ.

— Секирой высадим! — пообещал Миша, пристраиваясь за уходящими друзьями, — не умеешь шутить — не лезь.

Улица встретила их кратковременным прекращением дождя. Солнце, правда, выглядывать не спешило. Спасибо хотя бы за это. Из-за низко нависших туч город казался миром вечных сумерек.

Вахтер в институте наотрез отказался пропускать трех странных студентов с топорами.

— Откуда я знаю, — защищался он, на всякий случай отодвинувшись поодаль, — может это вы и есть преступники. Попробуй потом докажи что-нибудь, когда вы в куски порубаете кучу народа.

Володя ожидал жаркого спора, биения в грудь и, в крайнем случае, апелляции к ректору со стороны их старшего. Однако Дима всего лишь достал из кармана какое-то удостоверение и сунул вахтеру под нос.

— Проходи, — утратил тот интерес к троице.

— Покажи, покажи, что там у тебя, — сразу пристал Мишка, снедаемый любопытством.

— Безматерных удостоверение выдал, — предположил Володя.

Дима кивнул.

— Полицейским стал. На время. Но об этом не треплитесь, — предупредил он их.

— Могила! — клятвенно пообещал Мишка. Володя промолчал, да Дима и не нуждался от него ни в каких заверениях. Володя молчун гранитный. Он знал, когда можно рассказывать, а когда прикинуться вешалкой.

Как они и договаривались, около кабинета ректора собралась вся дружина. Парни тоже не теряли время даром, услышав о пользе холодного оружия, но до топоров никто не додумался. Максимум, чего достиг прогресс, — почти половина вооружилась металлическими палками и теперь старалась, чтобы они выглядели не слишком заметно. Как-то непривычно около ректората стоять с таким металлоломом. О том, что вскоре его

придется пускать в ход, тем более, никто не думал. Местное хулиганье опасности не представляло, а не местное было слишком грозным, чтобы обращать внимание на несколько студентов. Они играли в войнушки, как дети.

Вид троицы историков с секирами вызвал взрыв восторга.

— Поступаю на истфак! — Объявил физик Костя Черепанов, невысокий, но широкий в плечах, огненно рыжий второкурсник. Его можно было понять. Секира так и просилась в руки.

— Здорово! Теперь все девки наши! Берегись обезьяны! — загудели вокруг.

За шумом они не заметили, как открылась дверь приемной ректората и оттуда выглянула секретарша. Увидев столько железа весьма угрожающего вида, она побледнела:

— Р-ректор просит пройти вас в свой кабинет. Ой, мамочки, — вырвалось у нее, когда к ней, как старший, двинулся Дима. Решительно держащий топор в своих руках, он показался воином из голливудских «Викингов». Секретарша скользнула за свой стол, отгородившись от вошедших. В приемной ректора бывали всякие люди, но топорonosцы еще не появлялись.

Ректор имел более крепкие нервы. Поздоровавшись с Димой, он приглашающе махнул рукой остальным. В большом кабинете места хватило всем, хотя помимо студентов сидели два проректора, несколько деканов и заведующих кафедрами. Всех разглядеть Володе не удалось. Они расселись, и ректор сразу перешел к делу.

— Я пригласил вас к себе для того, чтобы посмотреть на институтскую дружину богатырей, — неспешно заговорил он, — у нас два учебных корпуса, три общежития, все они нуждаются в охране. От вахтеров помощь небольшая, полиция вряд ли способна серьезно помочь. Вы не обижайтесь, но и от вас вряд ли будет большой толк.

Дима согласно нагнул головой. Он тоже в этом пока не сомневался. И даже был рад, что от них не требуют подвигов.

— И все же, вы какая — никакая помощь. Мы тут посоветовались и решили платить вам небольшие деньги — тысячи две в месяц. Это копейки, но у института больше нет средств. И конечно, вас будут бесплатно кормить по повышенным нормам. Профсоюз на это имеет указание. Это все, что я могу сделать на сегодняшний момент. Если придут дополнительные ассигнования от МЧС, мы пересмотрим оплату.

Он оглядел студентов и улыбнулся.

— Смотрю на ваше оснащение и не знаю, что сказать. Как меняется наша жизнь!

Эти слова у ректора вырвались помимо его воли, настолько невероятным казалось присутствие в кабинете главы педагогического вуза парней с железными трубами, а троих и с топорами. Черная сотня какая-то, а не студенты. Он постарался скрыть замешательство вежливой улыбкой.

— И все же я рад, что у нас есть такие инициативные студенты, готовые обеспечить и свою безопасность, и безопасность окружающих. Мы вас одних, конечно, не оставим.

Вот оно самое главное! Володя напрягся, посмотрел на Диму, увидев, что тот тоже принял крайне настороженную позу. Их, кажется, собираются стреножить. Пообещали дежурства преподав в общагах, теперь вот дружина.

«А ты ожидал чего-нибудь другого?» — Спросил он себя и мысленно покачал головой. Оказаться без преподав в таком мероприятии невозможно. Никто не разрешит кучке пацанов бряцать железками. Хорошо, если топоры не отберут.

Угадал! Представительный декан физмата с серебряными нитями седины в черных волосах откашлялся и спросил:

— Но... может, дружину составить без топоров? — Он неодобрительно покосился на гордо, прямо-таки вызывающе опершегося на свое оружие Диму. На студентов физико-математического факультета, держащихся более скромно, он старался не смотреть, чтобы не дать воли гневу.

Ректор его не поддержал.

— Что делать, Борис Сергеевич, время жуткое наступило, — он вздохнул, — как бы всем за топоры браться не пришлось.

— Да, да, — подхватил один из деканов, Володя не знал, как его зовут, — пусть берут топоры, надеюсь, — он лукаво сощурился, — против своих преподавателей не повернут.

— Мне кажется, — сменил тему ректор, — преподаватели, особенно помоложе, тоже должны или войти в состав студенческой дружины, или составить собственный отряд. Дело нешуточное. В новых условиях нам надо заняться самозащитой. А там, глядишь, все уляжется.

Последняя фраза вызвала всеобщее оживление преподавателей. Как им хотелось, чтобы неведомые пришельцы оказались на земле транзитом и их нападение, как страшный сон, было временным, на несколько дней.

— Но об этот позже, — продолжил ректор, сделав приличную паузу, — теперь о контроле. Куратором добровольческой дружины я предлагаю назначить заведующего кафедрой физкультуры.

Володя презрительно сморщился. Он был о ректоре лучшего мнения. Плюгавенький и мстительный Владимир Петрович не пользовался никаким уважением студентов. Какой из него руководитель дружины. Ему бы перед студентками покрасоваться, да перед студентами повыпендриваться при получении зачета перед сессией.

Не только у студентов, у многих присутствующих преподавателей предложение ректора вызвало недовольство.

— Максим Николаевич! — Обратилась к нему декан филфака, вредная в общем-то женщина, невысокая, седая — типичный пережиток советской эпохи. Володя напрягся. Похоже, у них возникают большие проблемы. Он не угадал.

— Мне кажется, что куратор дружины должен быть мужчиной более здоровой комплекции и помоложе, — извиняюще улыбнулась она физкультурнику.

Тот не обиделся на такую низкую оценку его мужских способностей.

— Да-да, конечно.

Володе даже показалось, что он обрадовался. Еще бы! Зная характер любезного Вовы, вряд ли он желает ползать по вечерам, по ночам по улицам, общагам, вылавливая хулиганов, а то и пришельцев-обезьян.

— Ну, — потянул ректор, давая понять, что такая отповедь для него неожиданна, — э-э, Владимир Петрович, а вы что предлагаете?

Зав. кафедрой физкультуры не подвел студентов:

— Максим Николаевич! Если существует крайняя необходимость, я готов быть куратором. Но при возможности просил бы все же освободить. Не в мои годы бегать по улицам за хулиганами.

— Так. Ваше мнение понятно. Причина уважительна. Я не буду настаивать на своем предложении. Сам, в конце концов, в возрасте, понимаю вас. Какие будут предложения?

— Может, студентов спросить, кого бы они хотели видеть своим куратором? — предложил поиграть в демократию кто-то из дальнего угла.

— Да-а, — потянул ректор, вряд ли особо довольный таким предложением, — что ж, послушаем студентов.

Взоры членов дружины, а затем и всех сидящих в кабинете, обратились к Диме, и тот неловко зашевелился, не ожидая такого поворота.

— Я, э-э... — Потянул он ни чуть не хуже ректора. И решился: — Мне кажется, лучшим куратором будет Леонид Владимирович, преподаватель с иняза. Если он согласится, конечно.

Ректор благосклонно кивнул, взгляд его, настороженный и колючий, оттаял. Леонид Владимирович Калинин в прошлом служил во внутренних войсках, потом его сократили по какому-то поводу. Он вспомнил, что неплохо знает английский язык, почти профессионально. И уже несколько лет работал преподавателем, вдалбливая студентам прелести языка бывшего предполагаемого противника. Дима знал Калинина по тренировкам. Оба качали штангу, напрягая мышцы. Вариант был почти оптимальным для обеих сторон.

— Я рад, что мы сошлись во мнении, — мягко сказал ректор, — кандидатура Леонида Владимировича уже рассматривалась в качестве запасного варианта. Поскольку студенты сами выразили желание, я полагаю, других преподавателей и сотрудников мы выбирать не будем.

— Да, конечно, — раздались одобрительные голоса.

— Тогда я его сейчас вызову, и мы поговорим втроем со старшим дружины. Если члены малого совета не возражают, — он оглядел преподавателей и, не увидев недовольных, решительно сказал: — тогда все свободны.

«Силы быстрого реагирования института» в количестве десяти голов сидели в одной из аудиторий и лениво пережевывали идею о своем особом статусе. Разговора на эту тему им хватило до прихода Димы и их нового куратора. Калинин был рад некоторому возврату к прежней службе. Он выглядел весело, что на фоне всеобщей настороженности (как минимум) выглядело необычно.

— Дела, господа студенты, хотя и находятся, как говорится, у прокурора, но нам от этого нелегче, поскольку они не очень хороши. — Такими словами он начал знакомство с ними. — Людей продолжают убивать. Кстати, — повернулся он к Диме, — они же еще не знают.

Дима молча кивнул.

— Максиму Николаевичу только что звонили из органов внутренних дел и сообщили, что очередная резня обезьянам удалась не до конца. Вы же знаете, они парализуют людей. На этот раз почти половина из двух десятков сбежала. А это о чем говорит? — обратился он к студентам.

— Продолжают убивать, — буркнул один из физиков, не подумав.

— К сожалению и это тоже, — согласился Калинин, — но, кроме того, пришельцы начали работать не столь чисто, как раньше.

Володя проникся к нему уважением. Правильно заметил. Нет, и до них бы дошло. Позже. А сейчас надо держать нос по ветру, чувствуя изменение направления этого ветра. Иначе без головы останешься.

— Я не буду пока путаться у вас под ногами, — предупредил Калинин, — у дружины есть старший, наверняка есть и задумки на будущее. У вас одно слабое место — малочисленность. Десять человек не способны обеспечить спокойствие трех общежитий. Вот я и займусь вербовкой и подготовкой резервов. Надо поговорить и с преподавательским составом. Многие запаниковали и попрятались. Даже дежурство в общежитиях не удалось наладить. А Соловьев, — он кивнул в сторону Димы, — вместе с вами составит план мероприятий.

От последних слов у многих вытянулись лица.

— Не надо так пугаться, — засмеялся Калинин, — на это у вас уйдет минут пять. Как я понимаю, — повернулся он к Диме, — здесь представлены все три общежития?

— Да, — подтвердил тот.

— Вот и хорошо. Главная задача сегодня — поддержание порядка. И постарайтесь самостоятельно привлечь в свои ряды еще хотя бы по несколько человек. Меня на все не хватит. Завтра с утра встретимся. Если что случится — у вас есть старший, звоните ему в общежитие. Коменданты предупреждены, они должны проинструктировать вахтеров о вашем праве покидать общежитие в любое время суток. Надеюсь, особо злоупотреблять такой возможностью не будете. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда идите на ужин. А я еще поговорю с ректором.

Дружинникам, как «людям при исполнении» выделялись талоны в столовую по усиленному варианту. Ужин был не так скуден, чтобы пожалеть о поступлении на службу. Володя, поглощая гречку с котлетой, решил, что дармовая жратва быстро расширит число

дружинников.

Он не так уж и ошибся. К Диме зачастили сначала однокурсники, а затем и остальные студенты. Правда, речь шла не о пище, остальных тоже кормили бесплатно, хотя и похуже. Их просто утомило сидеть, сложа руки, и ждать у моря погоды.

Диме скоро надоело объяснять одно и то же, и он собрал желающих в читальном зале, шуганув оттуда пару старательных отличниц, не бросавших учебники и в это лихое время.

— Ты есть не хочешь? — спросил Володю Миша, когда они остались одни. От собрания они отбрыкались, да Дима и сам не настаивал. Ничего нового услышать они не могли.

— Недавно же ели! — удивился Володя.

— Да я так просто спросил, — неловко извернулся Миша, — что-то уж тихо больно в общаге.

Володя прислушался. Общежитие казалось вымершим. Парни сидели в читалке, а женское большинство притихло по комнатам, напуганное пришельцами. От такого несоответствия — наполненного общежития и тишины действительно было не по себе.

В дверь внезапно постучали. Стук был настолько неожиданным, что оба бросились к секирам. Холодный металл привел Володю в себя. Совсем одурели с пришельцами. Он досадливо отмахнулся от предостерегающего жеста Миши и открыл дверь. Стучала вахтерша.

— Соловьев где? — поинтересовалась она, — из милиции звонили, велели передать, через пять минут снова позвонят.

— Он в читалке, — сообщил Миша.

— Вот и передайте, — не стала утруждать себя вахтерша, — у меня на дежурстве внизу никого нет. — Она многозначительно посмотрела на Володю, — чтобы обязательно явился. Сказали, голову снимут, если придется искать. Он должен был дежурство организовать у телефона, а где дежурный? — вахтерша посмотрела на него торжествующе и отправилась обратно.

Пришлось идти.

— Внизу у нее никого нет, — пробурчал Володя, покорно двинувшись на поиски своего шефа.

Дима был в ударе и не собирался завершать мероприятие. Он с жаром объяснял студентам сложность текущего момента. Интересная штука — мир сходит с ума, а большинство этого не понимает. Народ воспринимал пришельцев как нечто, вызывающее некоторые затруднения, но сугубо временное явление, которое их не коснется. На слова Димы о необходимости самозащиты раздалось мнение, поддержанное одобрительным гулом, что борьба с нехорошими людьми — дело полиции. Пришлось объяснять, куда потекла жизнь и с чем им, возможно, придется встретиться. Необходима дружина.

Известие о добровольной мобилизации студенты встретили кисло. Возможность встретиться с пришельцем, будучи «при исполнении», большую часть собравшихся совершенно не прельщала. Зачем им лезть в драку. Своя шкура ближе к телу. Удерживало лишь то, что никто дружинников на поиск новых врагов не посылал. Только самозащита. Да и уезжать некуда — почти все проживали неподалеку, в соседних районах, в которых пришельцы тоже засветились.

Володя явился совсем не вовремя. Оратор посмотрел на него с откровенным неудовольствием, взглядом подсказывая: «А не пойти ли тебе куда-нибудь подальше?»

Исполнить его просьбу у него не имелось возможности. «Любитель поговорить», —

насмешливо подумал он.

— Ваше превосходительство, — обратился Володя к старшему дружинного ополчения, — вас просят к телефону.

В зале пошли смешки. Не из желания посмеяться над Димой. Слишком уж вышколено-почтителен был Володя, чтобы остаться серьезным при его виде.

— Пусть подождут, — недовольно посмотрел на него Дима, обиженный обращением. Затем не выдержал и тоже фыркнул.

— Из полиции, — многозначительно подчеркнул Володя, — с последними наисвежайшими инструкциями.

— Передать они не могли? — сдался Дима.

— Никак нет-с, просили прибыть лично к телефону.

— Будет тебе ерепениться, — не сдержал эмоций Дима. Он не знал — то ли дать приятелю по шее, то ли засмеяться вместе со всеми, — так вы подумайте, — обратился он к собравшимся, — работенка, конечно, нельзя сказать, что непыльная, но где вы видели подработку за здорово живешь. Да и о своей защите надо подумать. Или хотите за моей спиной спрятаться? У полицейских людей не хватает, чтобы приставить к каждому по человеку. Пошли, — сказал он другу.

Добравшись до своего этажа, Володя попытался улизнуть.

— Давай со мной на всякий случай, — мстительно потребовал Дима.

Все правильно, нечего языком трепать. Наказание справедливо, и Володя покорно отправился на вахту.

Дима действительно оказался нужен в полиции. Пять минут не растянулись в полчаса. Не успели они поудобнее разместиться на жестком вахтенном диване, как телефон весело звякнул.

— Але? — пропела в телефон вахтерша, — вас, — протянула она трубку Диме. Студент из простого забияки, которых «много здесь ходит», превратился в немалую величину, чуть ли не шишку. Обращаться к таким на ты небезопасно.

Володе представилось, что она и дышать перестала, так чутко ловила каждое димкино слово. «Агент ФСБ», — развеселился Володя. Почему все привратники такие любопытные?

Впрочем, ее улов был незначительным. Дима большую часть разговора молчал, слушая указания свыше, время от времени подтверждая, что понимает о чем идет разговор и все указания ясны.

— Пошли, — скомандовал он Володя, закончив разговор.

— Чего там полиция толкует? — как бы ненароком пропела вахтерша.

— Вам сообщат, — холодно произнес Дима.

Официальный тон заставил вахтершу отвязаться. Она уважительно посмотрела на него и едва ли не встала по стойке смирно.

Володя тоже преисполнился к нему почтением. Вот как чин действует! А ведь еще вчера был обычный студент.

— Так и что же сказано, Дим? — немного заискивающе спросил он.

— Подожди, — улыбнулся Дима и стал прежним, немного шалопаистым, готовым на проказы, но верным и преданным товарищем, — зайдем в комнату, чтобы я для Мишки не повторялся. Хотя особо веселого ничего нет. Втянул я вас.

От таких слов любопытство Володи разрослось до невероятных размеров. Вот ведь гад, только дразнит, а не говорит, что ему передали из полиции.

К счастью, их комната находилась на втором этаже. Дойти до нее быстрым шагом пара пустяков.

— Таким вот образом, — сказал Димка, устроившись на стуле, — полицейские переходят к постоянному патрулированию большими силами. Мне приказано выделить несколько человек. Дружина у нас небольшая, поэтому патрулировать придется всем.

Новость была потрясающей. Если до этого успокаивала самооборона, то теперь ею не пахло совсем. Из студентов делали пушечное мясо.

— Слушай, а мы в полиции не служим, они хорошо получают, пусть и гнутся, — остановил его Миша.

— Конечно, не служим, ты думаешь, нам столько платить будут? Как же. Ректор обещал по две штуки на нос, и хорошо, если еще и столько дадут.

— И зачем нам тогда надо шастать под дождем?

— Коль, — вместо ответа закричал Дима и застучал кулаком в стену, призывая телесоседа.

— Чо? — просунулся тот в дверь через минуту.

— Призыва студентов в связи с трудным положением не обещают?

— Обещают, — уныло сказал Колюнтя и зашел в комнату для обсуждения такой важной темы, — вояки уже и о пришельцах говорят только для того, чтобы потребовать лишения студентов отсрочки.

— Вник? — обратился Дима к Мишке.

Тот до конца не понял связи между патрулированием в холодный майский день и политикой министерства обороны, но решил не вступать. Патрулировать, так патрулировать. Уломали.

Дима отправился на вахту обзванивать другие общежития, чтобы составить график дежурств. Предстояло убеждать тухнувших дружинников в их безопасности. Рядом с дюжими омовцами им ничего не грозит.

Тише от его отсутствия в комнате не стало. В дверь периодически просовывались различные лица. Всех парней, пожелавших вступить в число добровольных защитников родины и их города, Мишка отправлял на вахту, чтобы не мешались под ногами, с остальными был угрюм и суров, недовольный грядущим испытанием. От него быстро отвязывались. Володя, ни во что ни вмешиваясь, разлегся на кровати и предался бездумному безделью. Благо, к занятиям готовиться не нужно. На вопросы страждущих он вообще никак не реагировал.

Мишка, разделавшись с посетителями, похоже, так же подумал об отсутствии занятий.

— Книжку, что ли почитать? — вслух предположил он, жажда поговорить с другом. Володя на провокацию не поддавался, сохраняя молчание.

— Эхе-хе, — разочаровано вздохнул Миша. Он устроился вздремнуть, но явился Дима.

— Обзвонил? — оживился Миша.

— Ага, — ответил Дима, мусоля в руке клочок бумаги, — наше дежурство завтра утром с 7 до 11 часов.

— Зачем так рано? — сразу «проснулся» Володя. Едва он успел порадоваться возможности подольше поспать, как собственный сосед, друг, с которым делишься самыми сокровенными замыслами, подсунул свинью, — Дим, ну нам бы мог получше время найти. Давай с девяти, — закончил он нарочито плаксиво.

— С семи до девяти на улицах больше всего народа, — пояснил Дима, — думаешь, мне

самому охота вставать так рано. Деваться некуда.

— А я размечтался, — вздохнул Володя, — занятий нет, вот и решил отоспаться.

Вот она близость к боссу. И ордена и деревянные кресты достаются тем, кто на виду.

— Эй, — встревожился Миша, — так ведь нас убить могут?

— Могут, — спокойно подтвердил Володя, — а ты только сейчас понял.

— Доходит как до жирафа, — согласился Миша. Он изменил лежачее положение на сидячее, — Дим, а если убьют? Обезьяны и сюда зайдут, если захотят.

— Постучи по дереву, — посоветовал Володя.

Миша постучал по ножке стула.

— Дим, ты что молчишь, — спросил он, — я не прав? Ведь мы сами нарываемся, спасители человечества.

Дима неохотно посмотрел на него.

— Нарываемся, — спокойно сказал он, — а ты сдрейфил? Я насильно никого не тащу. Не хочешь идти, оставайся в общаге, найду третьим другого.

— Да нет, я ничего, — стал оправдываться Миша, — ты что, Дим, я с вами. Только жизнь-то одна.

— Не, я без подначек, мужики, — встревожился Дима, — если сомнение есть, лучше останьтесь. Я хочу быть уверен в тех, с кем, возможно, придется схватиться с обезьянами. Иначе точно без головы останешься. Никто не сочтет вас трусами.

— Перестань, — отмахнулся Володя, — я сразу же понял, в какую пакость мы можем влипнуть. Пусть. Жизнь-то одна, да только жизнь учителя меня не устраивает. А без головы можно остаться и без обезьян. Машина переедет и привет! Рано только вставать не хочется.

Володя действительно не боялся. Надо же — то Чечни пугался, а теперь готов идти навстречу гораздо большей опасности.

— Не надо на меня кивать, — обиделся Миша, — с вами я. Не беспокойся, Дим, надо будет, не дрогну.

— Замяли! — согласился с ним Дима, — не будем пудрить себе мозги, кто устоит, а кто побежит. Вояки из нас еще те. За душой пара драк и все.

— Слушайте, — переменял тему Володя, которому не хотелось рассуждать о смерти. Что будет — того не миновать. Нечего доводить себя до истерики, — Колька не говорил, как называют пришельцев? А то мы обезьяны и обезьяны. Жалко макак и горилл, они совсем не причем. Обезьяны — они хорошие. Эй, только без пошлостей, — погрозил он Дима, губы которого растянулись в улыбке, предвестнице очередной остроты.

— Колька называл, — наморщил лоб Миша, — не помню только. Да какая разница, как окрестили. Кличку дали ученые. Сами знаете, как они умеют. Хоть с начала читай, хоть с конца.

— Орки! — предложил Володя, в детстве увлекавшийся Толкиеном.

— Орки? — недоверчиво переспросил Дима, — по-книжному как-то. Народ не поймет.

— Знаток народа! — насмешливо подтвердил Миша, — мне нравится. Была такая игра компьютерная — «военное ремесло». Нормальная.

— Орки. Хм, орки, — попробовал на слух Дима и попытался найти свой вариант. В голову ничего не приходило, — пусть будут орки, — махнул он рукой, — если только приживется.

— Не знаю, — не стал защищаться Володя, — не приживется, так не приживется. Пока будут орки, а там еще кто-нибудь, лишь бы не обезьяны.

— Пошли похаваем! — объявил Миша, — потом договорите. У меня мясные консервы есть.

— А и точно, — удивился Дима, — так забегался, что не заметил, как время прошло. Есть уже охота.

Глава 8

Звонок будильника прервал сладкий сон. Выползть из-под одеяла не хотелось.

— Мужики, живо, это вам не на лекцию, — раздался голос Димы. Став старшим, он приобрел черты зануды-отличника и сержанта-сверхсрочника.

— Еще чуть-чуть, — полусонно попросил Миша. Вчера они легли поздно, болтали о патрулировании с парнями, ходили по девчонкам, которые, напуганные орками, были столь милыми и любезными, что спускаться на свой этаж совершенно не хотелось.

— Встаем, встаем, — непреклонно потребовал Дима, — о паздывать нельзя.

Он поднялся, включил электрочайник, дав им еще пару минут, и потребовал, закидывая полотенце на плечо:

— Чтобы к моему возвращению оба были на ногах. Иначе водой оболью.

Володя решил не искушать шефа и откинул одеяло, кляня и пришельцев, и дежурство.

— Вставай, Миш, — тронул он приятеля за плечо.

— Спать хочу, — пожаловался тот, — скажи товарищу генералу, войска бунтуют.

— Что же делать, — не стал сочувствовать ему Володя, — вчера надо было меньше сидеть у Иринки. Окручивал телку, никто тебя не связывал и не закрывал у нее в комнате. Смотри, Ленке скажу, мало не покажется.

— И не так долго я у нее сидел, — сразу проснулся Миша, — кто тебе успел натрепать? Ну, общага! Все всё знают. Я же у Ленки весь вечер провел.

Мишка тревожился не зря. Его Елена Владимировна была девицей смазливой хозяйственной, расчетливо подобравшей себе вскоре после поступления в институт мужчину для украшения дома и постели, ревнивой, не стесняющейся, при необходимости, обсудить интимные подробности его походов во весь голос. По слухам, она пару раз пускала в ход руки, объясняя своему избраннику пагубность алкоголя. Слухи были неопределенные, но Володя и Дима единогласно постановили, что дыма без огня не бывает.

— Вставай, — рассмеялся Володя, глядя на жалостливо скрючившегося в постели друга. Он ловко сдернул с него одеяло и отправился в туалет, не слушая возмущенных воплей Миши. Утро для того явно не задалось.

Они успели попить чаю, когда в дверь властно постучали.

— Да, — ответил Дима, отложив в сторону чашку.

Дверь открылась и представила одетого в защитный балахон знакомого сержанта-омоновца, вытащившего вчера Диму на совещание. Бронежилет, автомат — все, как полагается.

— Я туда попал? — спросил омовонец, одновременно обшаривая комнату взглядом, — туда, — решил он, увидев стоящие в углу секиры ребят, и не обратив внимания на Диму, спросил: — выходим?

Тот поморщился, почувствовав пренебрежение, но промолчал. Связываться с полицейскими себе дороже получится.

— Идем, — отозвался Миша, вслед за товарищами натягивая куртку. — Дождь на улице?

— Он, родной, — лаконично отозвался омовонец, — я внизу, живее собирайтесь.

— Развелось начальников, — проворчал Володя, ища, куда он накануне закинул второй ботинок.

— Вон он лежит, — подсказал Дима, — переживем. В натуре, выходим, начало восьмого уже.

Сержант, увидев их, демонстративно посмотрел на часы — они слегка опоздали. Замечаний делать он не стал — не захотел портить отношений с самого начала. Им предстояло четыре часа провести вместе, и без этого успеют поругаться.

— Куда идем? — спросил Миша, зябко ежась под морозящим дождем.

— Район института и прилегающие кварталы, — по-прежнему коротко ответил омоновец. Он обратился к двум своим товарищам, ожидавших студентов на крыльце общежития:

— Пойдем вначале к институту, а затем сделаем круг по территории.

Затем сержант повернулся к дружинникам, скептически посмотрел на секиры, и вздохнул.

— Слушайте, ребята, — совсем не по командному сказал он с высоты своего роста, — идите немного позади, а? Вам все равно, а нас после такого дежурства весь отдел засмеет.

— Хорошо, — не стал возражать Дима. Его даже устроило предложение сержанта. Идти вместе с полицейскими не очень-то хотелось. О чем с ними можно поговорить, о качестве разных видов наручников или что у них там имеется?

Они так и пошли. Впереди три грозных омоновца, а позади три странных секироносца. Народ, которого становилось на улицах все больше, с интересом приглядывался к студентам. Мише и Володе было как-то неудобно, словно без штанов вышли, а Дима приветливо улыбался, подчеркнуто грозно сжимая металлическую трубу. Широкое лезвие секиры сдерживало прохожих, чувствовалось, кое-кто не прочь бы отпустить пару шуток. Другие, впрочем, смотрели на них одобряюще, видя своих защитников, а одна старушка осенила крестным знаменем.

Вскоре они освоились, стало даже интересно. Патрулировать по улицам, изображая спасителей человечества, им в своей жизни еще не приходилось. Но через час грязь, мокрый асфальт под ногами и дождь сделали свое. Миша откровенно стал поглядывать на часы, хотя до конца было еще три часа с копейками. Орчья опасность в плотном окружении прохожих казалась нереальной. Все выглядело слишком мирно, чтобы ощущение опасности подавляло неудобство намокшей одежды.

— Мишка, достал! — в полголоса сказал Дима после очередного заворачивания рукава куртки.

— На часы смотреть не запрещено, — огрызнулся Миша, — я же иду и не дергаюсь.

— Проклятый дождь, — поддержал его Володя. В левом ботинке уже похлопывала вода, скоро она окажется и в правом.

Дима конфликтовать с ними не стал.

— Мужики я понимаю, тоскливо. Но вы не расслабляйтесь, время как раз для орков, там часики не помогут. Вот появятся из-за угла...

Дима не договорил до конца, оцепенело смотря на этот самый угол, из-за которого действительно нарисовался орк. Он был высок, за два метра, широк в плечах и держал в руках угрожающего вида дубину. Телевизор не передавал его истинных размеров и несущейся от него угрозы. Накаркал!

— Ложись, — дико заорал Миша, пришедший в себя первым. В нем сработал первобытный рефлекс спрятаться, скрыться от надвигающейся смерти. Так его дикий предок как кошка взлетал на дерево при виде стаи волков. Он рванул на себя товарищей, налегая

телом. Студенты рухнули в придорожную канаву, больно ударившись о ее забетонированный склон.

— Ух, — озвучил Володя свое падение. Он оказался в самом низу кучи малы, и его организму это совершенно не понравилось. Особенно пострадало левое плечо. Хороший синяк обеспечен.

— Миш, поаккуратнее, пожалуйста, — попросил он, почти заорал: — да слезьте вы с меня!

Володя не успел выложить свое мнение о начале схватки с пришельцем. Раздался гулкий резкий щелчок, напоминающий удар хлыста. Все, как говорили по телевизору. В голове помутилось, тело наполнилось вялостью и пришлось сделать усилие, чтобы не устроиться поудобнее на дне канавы, отрешившись от всего земного и суетного.

Страхивая с себя товарищей и апатию, Володя поднялся и с трудом выкарабкался из канавы. Он не собирался дожидаться орка, чтобы тот опустил на них сверху дубину. Не ягнята же они. Дима с Мишей, вяло шевелясь, последовали за ним.

Они воочию увидели, каким образом орк, находясь в абсолютном меньшинстве, умудрялся уничтожать столько людей, почти не оставляя следов. Народ, спешащий по своим делам и застигнутый ударом, застыл в причудливых позах. Им еще повезло благодаря быстрой реакции Миши. Обрушив их в канаву, он спас и себя, и приятелей от первого удара пришельца. Им досталось лишь по касательной. Как крапивой ошпарило. Володя содрогнулся, посочувствовал закаменевшим людям. Можно представить, каково им.

— С меня бутылка, — пообещал он Мише.

— Я запомню, — напряженным голосом пообещал тот. Расслабляться пока было не с чего. Орк, немного постоял на месте, словно сам попал под удар, и, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, двинулся к своим жертвам. Первый удар дубиной пришелся по полной немолодой женщине. Она не закричала от боли, даже не дрогнула. А ведь удар был такой, что коня можно сбить с ног. Орк повторил удар, разнеся ей голову вдребезги. Только после этого тело осело на землю. Убийца, задвигавшись быстрее, устремился к следующей жертве.

— А-а! — закричал Дима, ничего не видя вокруг, кроме кровожадного пришельца. Орк нанес несильный, словно пробный, удар по ребрам мальчишки-школьника, примеривался к очередному, теперь уже по голове. Прыткости от людей он не ожидал. Занеся дубинку над головой, он оглянулся на крик и сам застыл в неподвижности, словно ожидая, что непонятно как сохранившие свободу дикари исчезнут. Похоже, до этого, занятый разделкой мяса, он не замечал их. Когда этого не произошло и Дима оказался в нескольких шагах от него, а следом за ним бежали еще двое, орк неохотно отошел от школьника и поудобнее перехватил дубину.

Его удар по подбежавшему дружиннику, со стороны казавшийся легким и слабым, отшвырнул Диму вместе с его секирой на несколько метров. В институте, пусть и уделяли достаточно много времени физкультуре, грамотной группировке при падении после удара неземного пришельца не учили. Дима не смог упасть так, чтобы сразу же вскочить на ноги в готовности к бою. Он рухнул плашмя, приложившись всем телом. Добить его сумел бы и инвалид.

Присоединить к числу жертв старшего добровольной дружины для орка становилось пустяком, но на него набегали еще два человека, и пришелец позволил незадачливому вояке немного пожить.

Володя, слегка притормозил, ошеломленный легкой расправой с Димой. А ведь того сбить с ног надо постараться! Что же будет с ним самим? Пока он пытался вычислить мощь

удара врага в лошадиных силах и вагтах, Миша обогнал его и нанес удар в грудь орку.

Обезьяноподобное чучело просто махнуло перед собой дубиной, надеясь снести топор вместе с его владельцем. Мишка, однако, оказался куда проворнее Димы, не ожидавшего такого отпора. Он сумел отпрыгнуть назад. Дубина лишь задела секиру. Миша чувствительно получил по рукам, едва удержав в руках оружие, и слегка попятился, не скрывая облегчения. Не такой уж шустрый оказался грозный пришелец. Хотя радоваться рано. Не в карты играют. Второй выпад вполне мог закончиться куда печальнее.

Будь Миша один, ему все равно бы не выстоять. Он это понял, взглянув на невозмутимодвигающегося к нему орка. Пара ударов превратит его в отбивную котлету. Большую котлету.

Дикий рев разорвал окрестности. Миша едва не оглох от вопля орка, рухнувшего при помощи друга на землю.

Володя, отстав от товарища, рассердился на свою нерешительность. Они в одной связке, что же он остановился. На его глазах Миша сумел отразить первый удар. Суетиться рядом с ним он не стал, скользнув в сторону. Орк на него, согнувшегося в три погибели, не обращал внимания, занятый подвижным Мишей. А может, просто презирал. Мясо оно и есть мясо.

И Володя решился. Устраивать рыцарский поединок он не собирался. Орк, наверное, родился со своей дубинкой, которой управлялся не хуже, чем студенты ложками. А они свои секиры добыли вчера. Правильный бой закончится еще одной кучей трупов.

Он почти упал, так стремительно бросился вперед, и, вытянувшись во весь рост, нанес удар секирой по щиколотке левой ноги.

Володя никогда не бил топором по живому существу. Пусть это даже был не человек, а неведомый пришелец. И, конечно же, попал не туда. Лезвие со смачным звуком, как в свиную тушу, вонзилось немного выше. Орку от этого лучше не стало. Он опрокинулся на спину, издав такой дикий крик, что у Володи потемнело в глазах. Легкая тошнота, всегда подкатывавшая к горлу при освеживании свиньи, сразу прошла.

— Ультразвук? — предположил он, вспомнив знакомые сюжеты фантастов. Крик орка продублировал вопль школьника. Володя, отпрыгнув назад, оглянулся. Ранение орка неожиданно вывело из оцепенения всех захваченных им в плен, и те бросились бежать. Школьник, схватившись за пострадавшую грудь, катался по земле, крича от боли. Впрочем, долго вопить на площади ему не дали. Один из освобожденных мужчин, уже почти скрывшись вместе с остальными за деревьями жиденькой уличной аллеи, оглянулся на крик. У него хватило мужества вернуться и забросить мальчишку себе на плечо. С ним он, приседая от тяжести, побежал по проверенному маршруту. Вопли мальчика становились все тише, пока окончательно не стихли вдали.

Уважение Володи к людям сразу выросло. Смог бы он так — идя по своим делам, попасть под ультразвуковой (ментальный?) удар, а затем, чудом избежав жуткой смерти, вернуться за совершенно чужим парнишкой, рискуя попасть в лапы монстру.

— Назад! Ложись! — раздалась жесткая команда. Володя увидел, как омовцы, придя в себя, нацелили автоматы на орка.

— Мы на их пути, — сказал ему Миша, тяжело дыша. Он собирался всадить в раненого секиру, но подбитый пришелец оказался слишком юрким, чтобы надеяться на легкую победу, и Мишка передумал, — пошли быстрее!

Они отскочили в сторону, а затем по дуге подбежали к омовцам. Около них уже стоял Дима, по лицу которого текла тоненькая струйка крови.

— Все нормально, — криво улыбнулся он в ответ на встревоженный взгляд Володи.

— На, — кинул ему моток бинта сержант. — Медпакета нет, хотя бы так. Ведь не берет, зараза.

Невозмутимость с сержанта как водой смыло. Кипятком. Он швырнул на землю верный автомат.

— Что стало? — Почти беспечно спросил Миша. Под прикрытием трех автоматчиков он успокоился и смотрел на жизнь уже не так обреченно-философски. Раненого орка всегда можно наspiговать свинцом. Не такой уж и страшный этот вояка. Толку, что он на ноги поднялся. Сержант сделает из него рагу первой же очередью.

— Не берет! — Сержант швырнул автомат на землю.

— Ты же не стрелял еще, — удивился Дима, — дай очередь и возьмет.

Сержант повернул к нему поблескивающее потом лицо.

— Умный какой, — огрызнулся он, — будто я не знаю, как стрелять.

Он выдал бы этому сосунку, не служившему не только в Чечне, но и в армии, по всем статьям. Но эти ребята только что спасли их от мучительной смерти.

— У него поле какое-то блокирующее, огнестрельное оружие не действует, — пояснил он.

Мишка увял. Как он забыл — по телевизору же говорили о бесполезности огнестрельного оружия при встрече с орками.

— Выбросили бы вы эти железки, — посоветовал он, — лучше по ломтику найдите, полезнее для здоровья.

Не обращая внимания на омовцев, он двинулся к орку, который кое-как принял вертикальное положение. Володя очень удачно ударил его. Левая нога отказала прищельцу, и ему приходилось стоять только на правой, помогая себе дубинкой. Но проигравшим бой он никак не выглядел. Наоборот, еще более смертоносным. От него почти физически распространялись волны жуткого ужаса. Захотелось плюнуть на это чудище и уйти. Зачем рисковать. Ведь люди спаслись, на одной ноге враг никого не догонит, а тем временем сюда явится отряд ОМОНа.

— Опять на мозги давит, с-сука! — зарычал один из омовцев, схватившись за виски.

Володя недоуменно посмотрел на него. Наконец, до него дошло. Орк же обладал парапсихологическими способностями. Сначала он всех парализовал. Трех студентам жутко повезло оказаться в канаве. Теперь же пытается просто отогнать людей, чтобы спастись.

Он посмотрел на прищельца. Видя колебания своих врагов, не уходящих с места боя, но и не спешащих добить раненого, тот изловчился и нанес дубиной удар по причудливо украшенному столбу декоративной ограды цветника. Столб разлетелся на куски. Пугает, гад!

— Пойду и я, — решил Володя. Чем скорее они добьют орка, тем лучше будет выглядеть мир.

— Идем, — согласился Дима, болезненно кривясь от ушибов.

Омовцев они звать не стали. Толку от них!

Орк, увидев приближающихся людей, весело оскалился. Володя показалось именно так, хотя оскал следовало назвать жутким. Он поувереннее перехватил скользкую в потных руках рукоять. Металлическая труба была не самой удачной находкой Димы. Хотя не будь в их руках секир, ему не пришлось бы жаловаться.

Он оглянулся в поисках своего начальника. Дима, прихрамывая, двигался следом за ним. «А ему попало больше, чем он старается показать, — подумал Володя, — не лез бы, мы с Мишей одни попробуем». После первого удачного удара по ужасу последних дней его

охватила самонадеянность.

Его гордыня была немедленно наказана. Орк, подпустив поближе своего обидчика, двинулся ему навстречу. Как он сумел двигаться на одной ноге с такой скоростью, Володя не смог понять ни в тот миг, ни потом. Ему пришлось вначале поспешно отступить, а потом просто побежать. Драться с рычащим чудищем, дубинка которого вертелась как пропеллер, невозможно.

К счастью для него, орк оказался слишком серьезно ранен, чтобы долго двигаться с таким ускорением. Через пару десятков шагов он, оставляя за собой след синей крови, остановился, запнувшись о лежавшую на асфальте сумку. Каким-то чудом пришелец не упал, но мчаться за студентами больше не мог.

Тяжело дыша от бега и волнения, Володя посмотрел на покалеченную обезьяну и подумал, что порыв орка, пожалуй, им на руку. Посреди площади, открытый со всех сторон, он более уязвим, чем у стены.

Его друзья пришли к такому же выводу, двинувшись к пришельцу. Двое всегда опаснее одного и орк повернулся к ним, следя за Володей углом глаза. Он с большей охотой бы расправился со своим обидчиком, но не стоило терять рассудок. Успеет еще выпить из него душу.

Мишка попытался повторить удар своего приятеля, наметившись в оставшуюся целой ногу. Он явно поспешил. Орк на одни и те же грабли дважды не наступал. На пути секиры оказалась его дубина. Встреченный удар был такой силы, что стальная труба погнулась. Миша, не удержавшись, рухнул на колени. Оглушенный, он не мог ни отпрянуть в сторону, ни просто упасть. Орку осталось поднять дубину и опустить на голову проигравшего.

Дима попытался спасти его, угрожая нанести удар в грудь. Но он не успевал. Враг тоже был обречен. Стремясь убить хотя бы одного человека, он открылся для остальных. Однако перед этим эта тварь унесет с собой жизнь еще одного человека. Пришелец ощерился в радостном оскале. Володя, в отчаянии бегущий к орку и целящий ему в спину, видел — он тоже опаздывает!

...Кусок бордюрного камня в половину головы взрослого человека пушечным ядром ударил в живот орка, опрокинув его на спину. Крепок же пришелец! Нормальный мужик не просто бы упал, а развалился надвое. Володя углом глаза увидел омовцев, которых они поспешили списать в состав бесполезных зрителей. Сержант, метнувший камень, и оставшись безоружным, застыл, наблюдая за результатом броска. Его подчиненные, опоздавшие бросить, держали в руках камни в ожидании, когда орк поднимется. Они не понимали, что нужно подбегать и добивать врага.

Володя первым вышел из ступора и подскочил к орку.

— А-ах, — выдохнул он, опуская топор на запрокинутое лицо орка, невозмутимо глядевшего в лицо смерти. Она была мгновенной. Студент вложил все силы в удар, и лезвие пропороло лоб, войдя почти наполовину в голову. Орк жалобно вскрикнул, содрогнулся и затих. И тут же закричал от дикой боли Володя.

Боль сотрясала его, пронизывая сразу все тело. Он одновременно чувствовал, как заходится от мучительных судорог сердце, как выворачивает легкие, как ломит печень, как сворачиваются жгутами мышцы, как словно защемленные дверью ноют пальцы рук и ног. Он ничего не видел и не слышал. Только всеобъемлющая боль, пронизывающая тело, была его миром, его судьбой, его прожитой за мгновение жизнью.

Черно-фиолетовая вселенная, пронзаемая молниями очередных ударов неведомого врага, полностью поглотила его. Он рождался и умирал, кричал от дикой боли, стонал от внезапных приступов наслаждения, когда болезненные толчки приносили невероятное блаженство. Затем его вновь захватывали волны страдания.

Володя не чувствовал, как его, бьющегося в припадке, пытались прижать к асфальту, чтобы он не калечил себя неловкими, но сильными рывками. Но друзья и пришедшие на помощь омовцы ничего не могли сделать. Он разбрасывал их, словно щепки. Омовцы, больше всего пострадав от его рывков, покрылись синяками, чудом избежав переломов. Но они вновь бросались к студенту, ставшему последней жертвой кровожадного пришельца.

Прошла вечность, две вечности, когда дикая боль стала переходить в приемлемые страдания. Сквозь залитые слезами глаза он увидел расплывчатые силуэты людей, склонившиеся над ним. Похоже, они что-то говорили.

Володя напрягся, отгоняя проигравшую сражение за его тело боль. Над ним склонились Дима и сержант, напряженно всматриваясь в лицо. Омоновец первым заметил ставший осмысленным взгляд.

— Очухался? — заботливо спросил он.

— Умно, — произнес Володя. Язык не слушался, слово «нормально» произнести не удалось, но его поняли.

— Лежи и не дергайся, — произнес Дима.

— Я нииво, — с трудом произнес Володя, — сяс встану.

— Лежи, лежи, — уже сурово потребовал сержант, — орел мне нашелся, встанешь и полетишь.

— Под спиой, — попросил Володя. Сил спорить с настырными старшими дружины и патруля ОМОНа не было.

Сказано было неразборчиво, но его поняли. Дима засуетился. Он попросил сержанта поднять друга. Омоновец не только не отказался, но и кликнул товарища. Володю бесцеремонно, хотя и бережно приподняли. Дима убрал гальку, которая после прихода Володи в сознание превратилась для пострадавшего в серьезную проблему, и подстелил под него свою куртку.

Он обессилено закрыл глаза. Ему становилось все лучше, хотя встать вряд ли бы удалось. Но волновало другое — что с ним случилось? Орк не достал его своей дубиной, даже не коснулся ничем — ни дубиной, ни кончиком пальца. Промытые болью мозги тяжело приходили в себя. Логически мыслить не получалось, хотя ответ почти известен и очень неприятен. Обладающий парапсихологическими способностями враг нанес по нему последний удар.

Он попытался пошевелить руками. Руки подчинились, затем пришел черед ногам. Тело вновь признало своего хозяина. Движения вызвали новый приступ боли. Но что он по

сравнению с уже пережитым!

Физические упражнения были прерваны шумом торопливых шагов нескольких человек. Володя открыл глаза. Как бы не появился еще один орк. Славный обед он получит из бессильно лежащего дружинника.

— Докладывай, Васильев!

«Начальство прибыло», — понял Володя. Немногим лучше орков. Голос показался знакомым. Но гудящая голова не способствовала умственным занятиям. Он расслабился, закрыл глаза, и приготовился слушать.

— Патруль ОМОНа в количестве трех человек при поддержке трех дружинников осуществлял патрулирование выделенных районов, товарищ подполковник, — доложил сержант. — Примерно в 8.10 на перекрестке улиц имени Разина и Тенистой появился орк.

— Кто? — перебил властный голос.

«Так это же Безматерных! — дошло до Володи, — быстро примчался. А Васильев — это наш длинноногий сержант».

— Да пришелец, — пояснил Васильев, — студенты так прозвали. Вроде бы ничего. А то все обезьяны да обезьяны.

— Об этом позже. Рассказывай дальше.

— Появившись на перекрестке, орк нанес акустический удар по находившимся в данный момент на этом месте людей, обездвижив всех.

— Подожди, — остановил его Безматерных, — каким образом обездвижил?

— Не знаю, товарищ подполковник. Орк каким-то образом произвел резкий звук, после которого никто не мог пошевелиться. Все тело свело мгновенной судорогой, слова не удалось произнести. Сам испытал, очень неприятно. Если бы не студенты, забила бы нас на мясо обезьяна.

— Снова подожди, студенты-то как сохранили подвижность.

— Не знаю, товарищ подполковник.

— Н-да, господа студенты, у меня к вам будет много вопросов.

— Да ничего такого...

— Стоп, пока не надо, Соловьев. Давай дальше, Васильев.

— Он бы лучше рассказал, — рискнул возразить сержант.

— Васильев, ты когда успел набраться от студентов наглости. Может, еще пошлешь куда?

— Виноват, товарищ подполковник, — повинился сержант, — студенты смогли ранить орка, после чего тот не смог нас держать в оцепенении.

— Молодцы, студенты! — Не сдержался Безматерных.

— Получив возможность двигаться, — невозмутимо продолжил сержант, — я приказал студентам уйти с линии огня, подготовившись расстрелять орка. Однако оружие отказало.

— Плохо! — прокомментировал Безматерных, — причина?

— Неизвестна, товарищ подполковник.

— То есть?

— Оружие отказало у нас всех. Мне кажется, хотя пусть ученые думают, орки создают особое поле, которое не позволяет воспламениться капсулю. Посмотрите, товарищ подполковник.

Володя открыл глаза. Сержант передал Безматерных автоматный патрон.

— Да уж, — вздохнул подполковник, — а если патрон бракован?

— У ребят тоже самое. Товарищ подполковник, мне ли не знать такие дела, — обиделся сержант.

— Не дуйся, — отмахнулся Безматерных, — не до обид. Огнестрельное оружие не действует не только у нас. В Венгрии нечто похожее. По России данных пока нет из-за бардака, который начался в зоне атаки пришельцев. Мало того, похоже, поле действует не только на патроны. Видел, я пешком явился?

— Видел, товарищ подполковник, — готовно согласился сержант.

— Движок сел у «москвича». Сел и все. Давай дальше.

— Да уже почти все. Ребята взяли свои топоры, над которым я сегодня с утра так посмеялся, — покаялся сержант, — хорошо, что про себя, и двинулись вперед. А я скомандовал поискать подсобные боевые средства. Надо было им подсобить. Камни попались, повезло. Ну, я и засвистнул орку. Вот этот парнишка, — Володя почувствовал направленные на него взгляды и поспешил на всякий случай притвориться лежащим без сознания, — засадил ему топор в голову, вон, до сих пор не вытащили. А потом вдруг пошел судорогами. Как контуженный. Его так било, мы все синяков назарабатывали, пока держали. Вроде бы уже приходит в себя. Все, товарищ подполковник.

— Хорошо, — с растяжкой произнес подполковник, — контуженного в больницу. Около орка выставить дежурство. Сержант, тебе с патрулем отдыхать, студенты тоже. Соловьев, явишься сегодня в управление к шести часам с полным отчетом о происшедшем. В письменном виде.

Дима от удивления открыл рот, но возразить не посмел.

— Володь, подняться сможешь? — тихо спросил он, чувствуя, что приятель все услышал.

— Попробую, — хрипло сказал Володя, открывая глаза. Ему действительно стало лучше, появились силы не только для дыхания.

— Тогда я сейчас перевяжусь и пойдем.

— Пришел в себя, — сразу оказался около него Безматерных, — как себя чувствуешь после контузии?

— Почти нормально, — не стал скрывать Володя.

— Что с тобой случилось? — перешел подполковник к делу.

— Не знаю, кажется, он меня оглушил той же волной, которой парализовал людей перед боем.

— Думаешь? — подполковник с сомнением поглядел на Володю, — тебя надо проверить, как бы он чем не заразил твое безгрешное тело.

— Ничего меня не надо делать, — встревожился Володя, почувствовав себя подопытным кроликом. Будь Безматерных не таким большим начальником, он бы его еще и обругал хорошенько. Нашел о чем упоминать. Он и сам не знает, куда его кривая занесет, а тот каркает.

— Не бойся ты, что так переживаешь, — неожиданно мягко сказал подполковник, — ради тебя же положим. Пару дней врачи посмотрят, покормят глюкозой и отпустят. А то, случись нехорошее, кто тебе поможет?

Размякший Безматерных напомнил Володе сытого волчару. Пусть довольного и спокойного, но все равно очень опасного. Спорить с ним бесполезно, студент замолчал, оставшись при своем мнении.

— Давай попробуем встать, — заботливо предложил Миша.

— Давай, — неуверенно сказал Володя. При помощи друга он сел. Голова закружилась, но не сильно.

— Встаем! — скомандовал Володя. Ноги стали слегка разъезжаться, он оперся на плечо Миши. Дрожащие подпорки не подвели. Володя сделал осторожно пару шагов и сел на бордюр. Еще с полчасика и ему будет совсем хорошо.

— Черт! — послышалось рядом. Он повернулся. Раздетый по пояс Дима кривился от боли, которую ему причинял фельдшер скорой. Врачи, как и Безматерных, подъехать к месту боя не смогли и поэтому припоздали. Для Димы началась попытка лекарственными средствами. Попало ему прилично, весь в крови и синяках. А ведь орк его просто отшвырнул. Надо учиться падать.

— Ях! — вскрикнул Дима. Фельдшер щедро мазнул ваткой с медицинской пакостью по длинной царапине на плече.

Орк, пожалуй, отомщен. Володя невольно улыбнулся. Дима, заметив улыбку, скорчил зверское лицо. Володя понял, что погорячился, представив у него серьезные раны. Царапины, хотя и болезненные. Слава богу, у него травма психическая. Ее не обработаешь перекисью водорода. Володя подумал и вздохнул для приличия. Большого беспокойства по поводу произошедшего у него не было. Шарахнуло и ладно. Травма пока не давила, от нее только поташнивало. Безматерных вот беспокоится, думает, наверное, в него орк переселился. Знать бы кто переселился. Орк или чорк, тьфу, то есть черт.

Володя чувствовал, что в его спокойствии есть что-то неестественное. Словно кто-то (или что-то?) блокировал центр беспокойства и тревоги в мозгу, не давая впасть в тревогу и панику перед тем неведомо-грозным, воплотившимся в него. Фантастику он почитывал и имел представление о переносе психоматрицы. И обо всех последствиях, грозящих реципиенту, ему, то бишь. Вплоть до утраты личности. Вырастет внутри него новый пришелец. Хоть бы все, что ему кажется, было следствием контузии.

— Повезло мне, — сказал подошедший Миша. Володя повернулся к нему.

— Руки только немного отбило, — пояснил он, — пройдет. Ты вон головой пошел, Димка весь исцарапанный, а я цел — целехонек.

— Кто пошел головой, — наехал на него Володя, — я здоровее тебя!

— Да я ничего, — засмеялся Миша, — здоров ты, как бык. Давай помогу подняться, идти пора, — сказал он, заметив, что Дима надевает куртку, смяв в руках окровавленную рубашку.

— Неохота в больницу, — пожаловался Володя.

— Ну-ка, — помог встать ему Миша, — ох, тяжел ты!

— Вещу, — согласился Володя, — как бык, как здоровый бык, — многозначительно подчеркнул он.

— Самомнение, — фыркнул Дима, — бычок.

— В томате, — добавил Миша.

— Ну, вас, — сделал вид, что обиделся на них Володя.

На самом деле они — все трое — были счастливы, сохранив жизнь после поединка с опасным врагом, которого они смогли одолеть. Их первый бой, первая смертоносная схватка с жутким кошмаром человечества (не меньше!) завершилась. Они, поцарапанные, побитые, но живые. И разговор вели бездумно, слова высказывали сами по себе, ничего не означая и не оставаясь в памяти. Живы!

— Закуривайте, парни! — подошел к ним сержант, протягивая пачку сигарет, —

смотрю, жизни радуется.

— Ага, — простодушно сказал Миша. Может, и не стоило говорить так, омоновец мог посмеяться над ними. Дима покосился на вояку.

— В Чечне так же было, — совсем о другом заговорил сержант, — тоже, бывало, завершим зачистку, или отобьем чеченов, и так жить хочется! И курить, — добавил он.

— Курну, пожалуй, — согласился Дима.

— И я, — присоединился Миша.

Сержант вопросительно посмотрел на Володю.

— Он еще молодой, — пояснил Миша, — не курит.

— Понятно, — кивнул сержант. — Пойдем? Безматерных велел довести до больницы.

— Конвоир, значит? — Злобно осведомился Володя.

— Обижаешь, начальник, — укоризненно сказал сержант, — вы же мне жизнь спасли. Если что, я всегда с вами. И что вы беспокоитесь. На машине быстро доедем, не заметите.

«С нами ты, — усмехнулся Володя, — полицейский ты, вот кто. Начальство прикажет, сделаешь, не посмотришь, кто тебя спас».

Володя накручивал себя, стремясь озлобиться. Ему не хотелось в больницу. Он боялся признаться себе почему. Врачи могли обнаружить какие-то отклонения в здоровье, и он навсегда окажется в пробирке. А то и действительно превратится в орка. Что делает хваленая медицина? Захотелось завывать волком. Только внутренний барьер, не дающий запаниковать, оставлял его пока спокойным и внешне невозмутимым. Надолго ли?

Как было бы хорошо, если бы он попал только под такой же физический удар, что и остальные.

Сопровождаемый друзьями и омоновцами, он почувствовал себя королем в окружении свиты. Или особо важным преступником. Последнее оставило в нем смутное воспоминание.

— Подождите, — остановился он.

— Забыл чего? — Спросил сержант. После окончания схватки, когда спало нервное напряжение, его лицо стало усталым и серым. Было видно — омоновец которую ночь недосыпает, занятый суматохой вокруг пришельцев.

Володя напрягся. Версию о простой контузии придется окончательно забыть. Орк преподнес ему последний дар (или подложил напоследок свинью?). Он вдруг почувствовал незнакомые запахи, смутно напоминающие ему запахи пряностей, захотелось даже чихнуть от острого духа перца. Перед глазами мелькнуло видение яркого красно-синего мира. И все пропало.

В голове стало гораздо свежее. Он почувствовал новый прилив сил и убрал руки с плеч товарищей, осторожно ведущих его к стоявшей на границе орчьего поля машине. Неизвестно, что будет дальше, но пока ему от дара пришельца куда лучше. Вот бы и дальше так же. Никаких веселеньких постэффектов.

— Секира! — вслух вспомнил Володя и оглянулся.

Его оружие по-прежнему находилось в голове орка, приткнувшись рукоятью в выемку в асфальте.

— Секиру Безматерных не велел трогать, — виновато сказал Дима.

— Это мое оружие! — сурово сказал Володя и, резко остановившись, повернулся к месту недавней схватки. Оцепленная со всех сторон полицейскими, площадь была пустынной, если, конечно, не считать Безматерных и нескольких его помощников, тщательно изучающих поле боя. Пусть делают что хотят, но секиру они должны вернуть. Он

неторопливо, полный достоинства, отправился к Безматерных.

Дима и Миша, обменявшись озабоченными взглядами, пошли следом на некотором расстоянии.

Сержант Васильев, первым желанием которого было пресечь начавшееся неповиновение, застыл в растерянности. Он разрывался между противоположными желаниями. С одной стороны, надо выполнять приказ замначальника. Студенты просто не знают, какую сладкую жизнь он может устроить, если встать на его пути. Но с другой, — почему парень должен оставлять свою железку. Нелепую и смешную, но сохранившую всем им жизнь?

Пока он дергался, рефлексуя и ругаясь сам с собой, Володя в сопровождении друзей добрался до Безматерных. Хитрый полицейский сразу же увидел затормозившую и устремившуюся обратно процессию, которую он направил в больницу. Совсем никакой дисциплины не стало.

Безматерных дал им подойти почти вплотную, делая вид, что страшно занят исследованием пятен синей крови орка. Изучать ее действительно интересно. Подполковник кое-что понимал в криминалистике и теперь гадал из чего же, кроме меди, она состоит.

— Я думал вы уже в больнице, — поднял он хмурый взгляд на Володю, который уже набрал в рот воздуха, чтобы озвучить свое требование. Безматерных всегда считал, что лучшая оборона — нападение.

На Володю суровый начальник не произвел никакого впечатления.

— Я хочу взять свое оружие, — спокойно сказал он.

— Твой топор стал вещественным доказательством, — отказал ему Безматерных, — лежи в больнице, тебе принесут новый, сделанный на заказ. Получше этого будет.

— Я хочу свое оружие, — повторил Володя. Подполковник явно хотел сделать из него дурачка.

Безматерных бросил на него взгляд, пытаясь найти следы испуга, напряжения, — все-таки с замначальника ГОВД общается! — или начавшегося сумасшествия после удара орка.

Но Володя всем видом изображал спокойствие и невозмутимость. Он требовал вернуть свое имущество и Безматерных уступил. Парень заслужил, чтобы он пошел на мелкое нарушение и разрешил отдать ему топор.

— Хорошо, — согласился подполковник, — Кириллов, — позвал он, эксперта, на коленях изучавшего траву неподалеку от орка.

— Слушаю, Владимир Кириллович, — совсем без соблюдения субординации сказал он.

— Выдерните топор, только осторожно, — распорядился Безматерных, не обращая внимания на гражданское обращение, — и отдайте его хозяину.

Эксперт пришел в обалделое состояние.

— Володь, — ты понимаешь, что предлагаешь? — спросил он, Володя не сразу понял, что обращаются не к нему, а к подполковнику. По-видимому, двух силовиков объединяли не только служебные отношения.

— Отдай, — нетерпеливо подтвердил Безматерных, — не рухнет земля без топора. Здесь же не убийство.

— Так-то оно так, — поморщился эксперт. Отдавать топор ему жутко не хотелось, но он тоже видел стоявшего рядом Володю. На лице того была написана такая уверенность в своей правоте, что эксперт сдался. Он подошел к орку и резким движением выдернул топор. С лезвия потекла кровь и мозги. Эксперт посмотрел на них как гурман на редкое экзотическое

блюдо.

— Силантыч! — позвал он, никуда не глядя, — дай чистый платок.

Подошедший второй эксперт передал ему кусок ткани, и он тщательно обтер топор и только после этого отдал топор Володе.

— А теперь в больницу, — уже весело поглядел на друзей и подошедшего Васильева Володя, — все в порядке.

В поликлинике на них косились, как на сумасшедших. Секиры студентов вызывали смех или (в зависимости от настроения и силы духа) негодование: как в помещение пропустили каких-то бандюг? Только присутствие милиционеров оградило их от общения с чересчур бойкими бабками, для которых больница второй, а то и первый дом.

Безматерных успел поработать. Володю завели не к обычному врачу, осажденному длинной очередью, а к какому-то особенному. Тот лишь для проформы послушал его, задал пару вопросов и, не слушая ответов, дал указание медсестре положить больного на стационарное лечение.

Володе было все равно. Он еще не восстановился после удара орка и желал лишь добраться до кровати. В больницу им пришлось идти пешком, поскольку обещанная сержантом машина так и не завелась. Минут пять водитель терзал стартер, а потом плюнул и поднял капот, сообщив из под него о пользе пеших прогулок. Поход до больницы вымотал студента не меньше, чем тридцатикилометровый марш-бросок.

Нужное им здание, в котором «контуженного» будут лечить, находилось в глубине больничного городка. Когда они подошли к невзрачному двухэтажному строению, Володя прочитал вывеску: «Инфекционное отделение». Странный у медиков юмор: почему инфекционное, а не терапевтическое, а то и хирургическое?

Сразу по прибытии Диму с Мишей, как и полицейских, решительно оттеснили. Пожилая медсестра хмуро сказала, что у них инфекционное отделение и присутствие посторонних категорически запрещено. Полицейские, народ дисциплинированный, ретировались. Следом за ними, не желая скандалить, отступили и студенты, пообещав нагрязнеть.

Медсестра крайне неодобрительно посмотрела на секиру. «Мегера», — определил Володя и приготовился до последней капли крови отстаивать свое право на ношение холодного оружия в условиях повышенной концентрации орков на фиксированную площадь городской территории. Но медсестра лишь поджала губы и пригласила пройти.

Она и присоединившаяся к ним молодая блондинистая медсестра — дежурная по второму этажу — отконвоировали его к месту заключения. Девушка была красивая, что заставило Володю бросить на нее пару откровенных взглядов.

Как очень ценного и важного гостя его поместили в отдельный бокс. На единственном окне стояла решетка, что сразу настроило его на дурной лад, напомнив о «добровольном» обследовании.

— Тюрьма, что ли? — угрюмо спросил он у красотки.

— Тебе-то что, — не стала она разбираться в тонкостях его настроения, — поселили, лежи.

— Я не хочу здесь оставаться, — решительно заявил Володя и вышел из бокса. Пожилая медсестра от удивления разинула рот. Она стояла, хватая ртом воздух, и Володя уже готовился прийти на помощь, когда женщина торопливо отправилась прочь, на ходу бросив: «Вызову врача. Пусть убирают его отсюда».

Володя посмотрел на дежурную. Та поджала губы.

— У вас здесь обязательная традиция — поджимать губы? — вежливо спросил он.

Медсестра попыталась нахмуриться, но не смогла и прыснула.

— Полежишь недельку, тоже будешь поджимать, — пообещала она.

Володе уверенный тон не понравился.

— Я дольше двух дней лежать не собираюсь, — встревожился он.

Дежурная снисходительно посмотрела на него.

— В инфекционном меньше недели не держат. А вообще-то лежать тебе с десятков дней.

Володя поджал губы.

— Вот видишь, — сказала она торжествующе, — уже поджал губы.

Он недоуменно покосился на девушку, ощутил ее правоту, и мысленно застонал. Отсюда надо удирать как можно скорее. Иначе станешь мегерой, как старуха, или занудой, как эта обесцвеченная кукла.

Больничное начальство было осведомлено о строптивном больном куда лучше медсестры и поспешило ликвидировать конфликт. Через несколько минут к нему явился тяжело дышащий от одышки медицинский чин — зав. отделением или кто там еще — и профессионально любезно спросил:

— Какие жалобы, больной?

Пожилая медсестра, которая лично привела его, зло сказала, не стесняясь Володи:

— Ферт какой-то. Откуда его откопали. Вон в четвертой кровать свободная, пусть с шестью мужиками полежит. Отдельно его селить.

Она посмотрела на Володю как докучливую животину, требующую непонятно какого ухода. Дежурная, присевшая за свой столик, помалкивала, лишь с насмешкой поглядывала в сторону Володи. Она знала, чем обычно заканчивались такие восстания.

Однако чин не присоединился к женскому хору.

— Что вам не понравилось? — участливо спросил он Володю.

— Решетка, — сквозь зубы сказал студент, решив стоять до последнего. «Будет настаивать, уйду, — окончательно ожесточился он, — пусть попробуют удержать. Я не заразный, а это не тюрьма».

Страдающий одышкой медик оказался куда умнее, чем мог предположить Володя. Умудренный жизнью, он примирительно предложил:

— Пойдемте, посмотрим.

Ничего оскорбительного или обязывающего в его словах не было, и Володя отправился следом за ним.

— Так, — сказал медик, оглядев бокс, — решетка.

Он подошел к окну, посмотрел на решетку. Лицо выразило недоумение.

— Э-э, решетка, — медик повернулся к возмутителю спокойствия, — покрашена летом. Вам цвет не нравится?

— Мне не нравится решетка, — отрезал Володя. — Здесь у вас тюрьма?

— Ах, это, — понял чин, — ну что вы, молодой человек, в тюрьме есть свой медицинский бокс. Будут к нам заключенных возить, как же. Вот в хирургическое отделение возят. Но у меня-то инфекционное. Вы как не в России живете. Посмотрите сюда.

Володя без всякого желанья посмотрел. Его уговаривали остаться. И все шло к тому, что уговорят.

— Посмотрите, видите, какой карниз окна. Так и манит зацепиться и подняться.

— Вижу, — вздохнул Володя.

— Решетка поставлена от воров, больных мы все равно насильно удержать не можем. Не тюрьма же, — повторил он мысль студента, укоризненно посмотрев на него.

Володе, которому уже стало стыдно за порыв, потупился. Какого лешего он взвился, в самом деле? У них в общаге такие окна тоже решетили.

В общем, своего медчин добился. Буянивший студент успокоился и сел на выделенную кровать.

— В палате не курить и не безобразничать, — сурово предупредила пожилая медсестра, прежде чем оставить Володю одного. Тот устал настолько, что был не в силах ответить.

«Собака лает — ветер носит», — вспомнил он восточную поговорку. Ничего, вот он немного отдохнет, устроит мегере сладкую жизнь. Она надолго запомнит, как бросаться на студентов. Если не успеет смениться. Они же, кажется, работают по сменам?

Время подходило к обеду. Желудок напомнил о необходимости закинуть в него что-нибудь съедобное. Двигаться, однако, совершенно не хотелось. Хотелось лечь и бездумно смотреть в потолок.

«Откуда я возьму жратву?» — поинтересовался у желудка Володя. Раньше положенного все равно не позовут. Желудок ответа не знал и поэтому, приказав ему дисциплинировано замолчать, он блаженно развалился на кровати.

— Не лежи в верхней одежде на кровати, — тут же нарисовалась дежурная в двери. Подглядывала она, что ли? Что за народ у них. Старуха рычит, еще ладно, но девчонка с какой стати заводится. От воздержания?

Говорить не хотелось. Но спускать оскорбление нельзя. Лучше пойти на скандал. Володя ловко схватил лежащий около кровати ботинок и швырнул в проем двери. Он никогда не сомневался в своей реакции, но медсестра его удивила. Она успела увернуться, ботинок ударил в дверь. Девица что, ожидала его? Визг после броска поднялся такой, словно ее нещадно избивали.

— Сволочь, — услышал Володя, — негодяй, мерзавец. Гнать тебя отсюда.

Судя по тону, она собиралась перейти к более крепким выражениям, однако, ее прервали.

— Опять кричишь, Марина? — раздался голос пожилой медсестры.

— Татьяна Валентиновна! — обижено воскликнула пострадавшая, — он в меня ботинком кинул.

Сейчас начнется, — застыл в ожидании очередного ора в его адрес Володя.

— Сама виновата, — безжалостно ответил голос, — постоянно же нарываешься.

Володя поспешил подобрать отвисшую к полу челюсть. Такого он не ожидал.

— Почему вы не защищаете подчиненных? — взвизгнула Марина, — какой же вы после этого руководитель.

— Ты шприцы просмотрела? — спокойно спросила пожилая.

— Не успела, — куда тише ответила Марина.

— Опять не успела, — начал сердиться Татьяна Валентиновна, — ругаться успеваешь, успевай и дело делать.

Марина не ответила, видимо, побежала смотреть эти самые шприцы.

— А вы больной, прекратите издеваться над персоналом, — в дверях появилась его защитница. И опять внезапно. Володя вздрогнул и неожиданно сказал совсем другое:

— Да я не хотел.

— Не хотел он. С Мариной не связывайся, тебе же хуже будет, я ее знаю. Балованная она слишком, а потому капризная. Привыкла, чтобы мужики вокруг табунами вились.

Володя благодарно кивнул, про себя подумав, что он еще не круглый идиот, чтобы

бросаться на такую стерву. Студенток полное общежитие. Изумление так ярко отразилось на его лице, что женщина рассмеялась.

— Эх, парнишка, молод ты, зелен, хотя и считаешь себя взрослым.

Володя хотел в очередной раз возмутиться, но женщина захлопнула дверь. Вот больница! Если здесь лечение состоит из оскорблений, его можно считать выздоровевшим. Он повернулся лицом к стене, сладко потянулся и решил поспать. Глаза сами слипались. Тело требовало передышки после бурного утра.

Отдых оказался кратковременным. Не успел он по-настоящему задремать, как в двери показалась бесцеремонная Марина:

— Больной, обедать.

— Я не пойду, — сонно сказал Володя. Спать хотелось так, что шевелиться не было никаких сил, не то, что куда-то идти. Даже желудок признал необходимость отдыха и примолк.

— Больной, вы обязаны отправиться на обед, — безжалостно заявила Марина.

— Да что б тебя... — выразил свое отношение Володя к ней.

Ругань на барышню никак не подействовала.

— Оскорбление персонала во время работы уголовно наказуемое. Вставайте.

Возмущение заставило его проснуться. Что за страна у нас! Нигде нет хорошего отношения к людям.

— Иду! — Зарычал он, почти наяву видя, как заезжает ей в челюсть. Не ударит, конечно, но так хотя бы представит.

Марина почувствовала по голосу, что студентик доведен до белого каления, победно усмехнулась и прикрыла дверь.

Впрочем, ей тоже пришлось подивиться удивительному больному. В столовую, которая находилась в их же здании, его не пустили, хотя ничем заразным он не болел. Недовольной девушке пришлось самой приволочь в палату поднос с обедом. Настроившийся идти неведомо куда Володя пораженно смотрел на поднос. Поскольку стола не было — в палатах столы не предусмотрены, поднос поставили на тумбочку.

— Через полчаса приду, — буркнула девица.

— Сервис, однако, — громко решил Володя, чтобы досадить дежурной, и взялся за ложку. Попробовав первое, он поморщился — суп оказался совершенно без соли. Медсестра принести солонку, конечно же, не догадалась. Володя вздохнул. Вся наша жизнь — игра. Игра и вечный бой.

Сквозь неплотно прикрытую дверь он слышал как Марина и немолодая женщина, принесшая в корпус термосы с пищей и непонятно зачем поднявшаяся на второй этаж, громко, совершенно не стесняясь, обсуждают его.

— Сама ничего не знаю, — сказала Марина, отвечая на вопрос, который он не расслышал, — привели час назад. Отдельную палату дали, а он еще и заартачился, решетка не понравилась. Из этих, наверное. Мафик.

Предположение обеим понравилась.

— Ты с ним поосторожнее, — предупредила старуха, — прибьет.

— Ну, что со мной будет, — не испугалась Марина.

— Не скажи, затащат в машину и изнасилуют, кому потом докажешь. У них все куплено. Ты вон какая красотка. А присмотришься, так сама к нему в постель ляжешь. Не мужняя же еще. Знаешь, сколько у них денег.

— Да ну тебя, Серафимовна, — засмеялась Марина, — сначала страстей расскажешь, а потом замуж выдашь. Пойдем лучше, посмотрим, кого в пятую привезли.

Их голоса утихли. Володя только вздохнул. Засекретил его Безматерных настолько, что народ в недоумении. У полицейских и военных всегда так. Хотят как лучше, а получается как всегда.

Он доел суп и опять вздохнул, переходя ко второму. Больничная столовая его не разочаровала. Второе тоже без соли. Диета. Неизвестно, как с орчьим подарком, но печень и почки ему здесь подправят.

Марина пришла за посудой только через час, настолько увлеклась обсуждением больного из пятой палаты. Ничего не говоря, она схватила поднос и вышла. Володя, специально сделавший суровое лицо, напрасно поработал суровым джентльменом. Вот ведь телка! Едва он о ней подумал, как та сама нарисовалась у дверей. Задумчиво покусывая локон, Марина объявила:

— Больной, время тихого часа. До четырех в коридор не выходить и не шуметь.

Володя опять не успел сказать, что думает по данному поводу. Девица успела прикрыть дверь. Что за пропеллер!

Он попытался заснуть. Но сон не шел. А как до обеда хотелось спать, до ломоты в ногах. Почему всегда, когда представляется возможность уснуть, не спится.

Дверь приоткрылась.

— Слушай ты, зараза, — спокойно, но с бешеной дрожью в голосе сказал Володя, намереваясь высказать медсестре все, что думает о ее фигуре, работе и больнице.

Он оглянулся на дверь и подавился застрявшим в глотке словом. В проеме стоял удивленный до остолбенения врач.

— М-да-с, — наконец произнес он. — Сколько работаю в больнице, но так меня еще не встречали.

— Извините, пожалуйста, — ступевался Володя. Если так пойдет и дальше, ему действительно придется смазать ее... если не по голове, то по мягкому месту. От смущения он сильно покраснел.

— Ладно, — вздохнул врач, — я хочу осмотреть вас, — заговорил веселее, — что там натворил пришелец со студентом.

Он измерил давление, прослушал пульс и легкие. Металл неприятно охлаждал кожу. Но Володю больше тревожило, вдруг врач обнаружит у него какую-нибудь болезнь.

— Ну как? — спросил он нетерпеливо, когда врач завершил осмотр.

— Ничего особенного нет, — пожал плечами тот, — легкое утомление. Давление немного повышенное, но это, наверное, нормально в таком состоянии.

Володя почувствовал облегчение.

— Нет, я гипертоник с детства. У меня всегда так — 130–140 на 80, — он с надеждой посмотрел на врача, — если я здоров, вы меня выпустите?

— Какой шустрый, — усмехнулся врач, — подержим несколько дней. Вдруг ты у нас в пришельца начнешь превращаться. Шучу, шучу, — засмеялся он. — Ничего я тебе толкового сказать не могу. С жертвами инопланетян никогда не работал, тут хорошее оборудование надо, а не мои игрушки. Да и давление твое подлечим. В общем, жди, — завершил он, — через пару-тройку дней, если никаких изменений не будет, выпущу.

Володя представил Безматерных, лежащего перед ним после отменного удара в

челюсть. Ему стало немного легче.

Врач осторожно продолжил:

— Вот топор желательно бы сдать на хранение. Не беспокойся, у нас не пропадет.

— Нет, — отрезал Володя, подчиняясь какому-то внутреннему ощущению.

— С ума сошел? — Возмутился врач, — не хватало мне только больных с железом.

Марину рубить будешь? За ней ухаживать надо. Видишь, как тебе повезло, такая девочка около тебя работает. Сдай. А впрочем, — быстро остыл он, не делая конфликтовать со странным и опасным больным, — держи, если хочешь. Какая никакая защита от кровожадных пришельцев. Вдруг они на больницу нападут. Ужас, что в городе творится.

Время до ужина тянулось монотонно и долго, как на лекции до смерти надоевшего преподавателя. Единственным светлым пятном серого осеннего дня была передача теплого свитера. Володя, когда его переправляли в больницу, не догадался попросить принести ему теплой одежды, и теперь методично замерзал в холодной палате. Май же месяц, отопление не положено. Рассудительный и практичный Дима догадался сам. Его дальше приемной не пропустили, свитер принесла Марина. Неожиданно спокойная, она, застенчиво кивнув на секиру, спросила:

— Этим топором был убит орк?

Володя решил, что с него будет достаточно кивка.

Марина посмотрела на студента с уважением.

— Ты, оказывается, у нас герой. По телевизору только и показывают этого орка. Говорят, из Москвы комиссия приедет, — она помолчала и добавила привычным ворчливым тоном: — больной, врач прописал постельный режим. Поэтому попрошу в постель. Железяка, так и быть, пусть лежит рядом с кроватью, если уж так приспичило.

Володя погладил секиру и многозначаче посмотрел на медсестру.

— Я тебе не чудище, — фыркнула та, но дверь все же прикрыла.

Польза от железного чудовища была и без орков. Он с некоторым сожалением подумал о тех будущих временах, когда пришельцев не будет.

В остальном вечер протекал долго и монотонно. Больничный телевизор сломался, радио не было, свет в здании постоянно гас, приехавшая бригада электриков никак не могла понять почему. Володя стал откровенно ожидать конца длинного и нелегкого дня.

«Пойти, с Маринкой поругаться? — подумал он с тоски о дежурной почти как об однокурснице, — а то скоро зеленых человечков начну считать». Мысль показалась ему разумной.

Медсестра сидела у себя за столиком. Обложившись ворохом бумаг, она втихую читала любовный роман.

— Тэк-с, — профессионально поставленным голосом врача со стажем сказал он, незаметно подкравшись.

— Я все сделала, Семен Михайлович, — подпрыгнула на стуле Марина и виновато потупилась. И такая она была смущенно-хорошенькая, что любое мужское сердце не просто смутилось бы, раскаялось от осознания излишней суровости и придирчивости. Бедный студент не являлся исключением. Он был готов повиниться и уйти. Марина сама все испортила. Она осознала, кто перед ним находится.

Володя попятился, осознавая в этот миг, что никто не вечен. Человек хрупок и слаб, может умереть в любое время. Девушка на глазах из ангелочка превращалась в архангела мести. На ее лице все еще оставалась виноватая улыбка, а рука уже искала на столе нечто как можно более тяжелое. Попадались только бумаги, и это спасло Володю. Он успел скрыться в палате, захлопнув дверь. К сожалению, никакого крючка или хотя бы плохонького запора изнутри не было.

Дверь открывалась в палату. Володя налег на нее телом, надеясь, что дежурная не успела накачать мышцы и не вышибет дверь вместе с ним. Практика — верный способ проверки теории. Марина, горя мстью, с разбегу врезалась в дверь. Володя слегка

попятился, но выстоял.

Девушка была все же не настолько тяжела, чтобы своей массой сбить студента с ног. Он немного подождал и слегка приоткрыл дверь. Его взору предстала потирающая плечо девица, задумчиво осматривающая препятствие. Володе представилось, что так изучают свою дубину перед выходом на охоту людоеды.

Их взгляды встретились. Марина вдруг улыбнулась и подмигнула ему. Володя торопливо прикрыл дверь, упершись в нее спиной. «Господи, спаси и помилуй!» — попросил он всевышнего, в которого совершенно не верил благодаря воспитанию родителей-атеистов.

«У меня есть Света», — напомнил он себе. Но привычная боль, хватаящая душу, не пришла. Ее место занял насмешливый чертенок с обесцвеченными волосами.

Как это у него быстро — до обеда перед ним обесцвеченная кикимора, после обеда — привлекательная девушка, — подумал он самокритично.

Он развалился на кровати, глядя в потолок. Жизнь представлялась не такой плохой и скучной, как пару часов назад. Оставалось узнать, какой она предстанет перед ним через ту же пару часов.

Ранний сумеречный вечер, незаметно пришедший на смену дню, шел монотонно-спокойно. Марина, утомившаяся за смену, язвила куда меньше. Она, возможно, вообще бы перестала дергать больных, но электричество шалило так, что девушка пришла в бешенство. Электрики, явившиеся по срочному вызову, от ее придирок чуть сами не стали вырабатывать ток. Они бы плюнули на вздорную дежурную и скорехонько убрались, но больничный корпус не мог обойтись без электричества. Им только оставалось развести руками: все по отдельности в порядке, а в целом система давала сбой. Наладить работу электросистемы так и не удалось. Обруганные напоследок Мариной, а затем Татьяной Валентиновной, электрики поспешили удалиться, пообещав доложить начальству, чтобы сюда прислали специалистов уровнем выше.

Володя в ожидании ужина, несколько раз щелкнув выключателем, наполнился нехорошими предчувствиями. Можно было свалить шалости электрической сети на коммунальную службу и полупьяных электриков, однако, ему стало казаться, что главная причина плохой работы то и дело гаснущих лампочек заключается именно в нем. В его палате ни один из электроприборов не работал. Он убедился в своем предположении, попросив у Марины увиденный им у нее фонарик.

Поворчав по поводу беспутный больных (Володя пропустил ее слова мимо ушей), бестолковых студентов (он опять промолчал), дураков историков (девица явно напрашивалась на то, чтобы ей надрали как минимум уши, поэтому Володя продолжал молчать) она выдала фонарик. Он тут же щелкнул выключателем. Чуда не произошло. Фонарик, конечно же, не работал.

— Не может быть! — возмутилась хозяйка, — с такими костылями только и братья за чужие вещи. Дай сюда!

Володя покорно отдал, терпеливо (ему должно воздаться за это на том свете) пропустив мимо ушей критику своих рук. Марина потерзала фонарик. Он, разумеется, не работал. Студент неслышно удалился в палату. Жизнь пугала неопределенным будущим. Орк передал ему нелюбовь к достижениям человеческой цивилизации. Интересно, а свеча в его предчувствии будет гореть? Или ему предстоит всю жизнь провести в потемках? И что еще в нем сидит?

— Горит! раздался радостный вопль. В дверях показалась медсестра, — смотри, неуч.

— Куда изволите-с? — подскочил Володя с кровати и угодно-почтительно замер напротив нее.

— Фонарик! — гордо сказала она.

Наивная девчонка еще не знала о его возможностях.

— Что фонарик? — с такой же угодливой улыбкой поинтересовался Володя.

— Работает фонарик, — терпеливо сказала она. У нее не было сил злиться на студенческую бестолочь после успешного «ремонта».

— Я другого мнения по данному вопросу, — вежливо ответил Володя.

Марина рывком поднесла фонарик к глазам и щелкнула кнопкой.

— Проклятье!

— В моей палате попрошу не выражаться! — потребовал Володя.

Она сердито посмотрела на наглого студента и предупредила:

— Поговори мне тут.

Развивать тему, однако, девушка не стала. В проеме дверей нарисовалась вахтерша и, с любопытством поглядев на выясняющую отношения парочку, сказала:

— Мариночка, тебя к телефону.

Марина, вильнув подолом халата, поспешила к телефону, а Володя вновь развалился на кровати. Чем еще грозит ему этот вечер?

Вечер грозил ему визитом представителей правоохранительных органов. Похоже, Безматерных, узнав о проблемах больничного корпуса, пришел к такому же, как студент, выводу. Незадолго до ужина он внезапно вошел в бокс Володи и, встав в проеме двери, внимательно осмотрел его с головы до ног. Взгляд был профессионально-пронизывающим и Володя поежился. Так общупал, даже обыскивать не надо, все известно.

— Рассказывайте, — предложил подполковник, садясь на единственный в палате стул. Голос был холодным и официальным.

— Что рассказывать? — Володя растерялся от такого тона. Заберет и посадит в кутузку. С полицейского станется. Больничная палат вдруг показалась уютной и благоустроенной.

Безматерных усмехнулся. Усмешка была мягкая и добрая. Лицо замначальника разгладилось, стало расслабленным и спокойным. Володя понял, что его просто брали на пушку. Эдакий экспресс тест-проверка.

— Все! — он покосился на часы, — у меня найдется немного времени на выслушивание твоей истории. И чем искреннее ты будешь, — он многозначно посмотрел на собеседника, — тем быстрее и легче решится твоя судьба.

Володя уселся на кровати, старательно взбил подушку, чтобы выглядела поприличнее. Он не стремился показать себя аккуратистом. Неспешные движения скрывали торопливые размышления. Призыв к искренности и обещанное помилование его не прельстили. Что же рассказать подполковнику, не засмеет ли он его догадки о гаснущем свете. А если поверит, не передаст в лабораторию? К этому явно и так шло. Мало ли что он обещал. Во имя спасения человечества и их города, можно пойти на обман. Потомки все простят. Сколько уж раз так в истории было.

— Ты не темни, — угадал его намерения Безматерных, — вываливай все, а уж я сам решу, что важное, а о чем и забыть можно.

— Врачам передадите? — попытался поторговаться Володя.

Подполковник на торг не пошел.

— Там видно будет, — неопределенно сказал он, — колись давай, я же насквозь тебя

вижу. Знаешь, каких лбов я допрашивал? Ты в сравнении с ними сосунок. Так что не морочь мне голову, тебе же хуже будет.

— Меня не за что задерживать! — ошетинился Володя, не желая поддаваться открытому давлению. Не бондик же он, чтобы с ним так обращаться.

— А я тебя и не собираюсь арестовывать, — успокоительно произнес Безматерных, — знал бы ты, сколько у меня возможностей не нарушая закона, ну почти не нарушая, — усмехнулся он, — прижать таких, как ты. Но ты не беспокойся, делать с тобой я ничего не собираюсь, ты же герой! Мне просто хотелось понять, чего ожидать от этих зверей, которых вы назвали орками. Представляешь, сколько человеческих жизней мы сэкономим.

После такой жизнесберегающей речи Володе ничего не оставалось, как приступить к рассказу.

Он все же попытался опускать кое-что, но Безматерных легко обнаруживал пропуски в повествовании, и, в конце концов, Володя просто пересказал события бурного дня, в которых он принял участие. Свои догадки о посмертном даре орка он не высказал, однако Безматерных не страдал недостатком воображения. Он хмыкнул, еще раз оценивающе посмотрел на Володю, поднялся, щелкнул выключателем. Безрезультатно. Потом посмотрел на свои остановившиеся часы. Его действия были вполне логичными, но Володя сильно сомневался в случайности. Он знал Безматерных только второй день, однако уже убедился в его проницательности. Полицейский ощутил связь между появлением студента в больнице и шалостями техники.

Подполковник сел обратно на стул.

— Как с тобой быть, ума не приложу.

— Отпустить! — немедленно откликнулся Володя.

— Отпустить? — подполковник бросил на него острый взгляд, — а ты, случайно, не стал орком? Электричество заблокировал. Часы остановил. Еще что можешь?

Володя открыл рот, чтобы горячо возразить.

— Не надо, — отмахнулся Безматерных, — все это слова. Вот кабы медики смогли твердо сказать, кем ты стал.

— Стану я орком или не стану, ничем не поможешь, — подумав, осторожно сказал Володя.

— Почему же, — возразил Безматерных, — мы можем усыпить тебя сегодня же и отдать медикам для вскрытия. Шучу, шучу, — торопливо сказал он, видя резко вскинувшегося Володю, — я не собираюсь получать приличный срок за тебя. По любому закону ты человек и лишать тебя жизни — преступление. Давай так, — прикинул что-то про себя подполковник, — я тебя тут подержу несколько дней, хотя бы до понедельника. Если ничего с тобой не станет, выпущу.

«Милости» Безматерных было маловато, однако, Володя не стал спорить, опасаясь, что полицейский может обозлиться и оставить его подольше.

— Все? — вставая, спросил Безматерных.

— Да вроде все, — ответил Володя.

— Тогда отдыхай, — приказал подполковник, — набирайся сил. Я вижу, топор тебе оставили? — спросил он, как бы между прочим, уже выходя.

Обмануть студента небрежным тоном было невозможно. Полицейский явно недоволен поспешным разрешением медиков. Действительно, а если у него крыша поедет? Маньяк с топором в состоянии натворить таких чудес... А если учесть, что застрелить его нет

возможности, придется уложить нескольких омовцев, пока те навалом собьют его с ног. Все это было правильно, если бы не касалось его самого. Секиры он не отдаст.

Володя напрягся, готовясь защищать себя до последнего, но Безматерных внезапно вышел, закрыв за собой двери. Давить на студента он почему-то не стал. Станный какой-то этот замначальника. Обычно в полиции ведут себя по-другому: нагло и бесцеремонно.

«Леший его побери, — решил Володя и добавил, вспомнив пожелание одного из знакомых физиков, — и великий демон Максвелла. Пусть делает, что хочет, лишь бы выпустил из этой добровольной тюрьмы».

Вечер монотонно тянулся, как и прилипчивый мелкий дождь. Володя открыл окно, прислушиваясь к шороху падающей воды — грустному и серому. Ему вдруг захотелось завывать от тоски по чему-то потерянному и погибшему. Даже Марина с ее прибабахами не трогала сердце.

«Светка? — Всплыло в голове. — Но я так по ней не тосковал». Грусть была... ну не наша, что ли. Не земная.

«Орк? — Испугался Володя. — Я сойду с ума. Или превращусь в орка? Может повеситься, пока еще контролирую себя».

Из окна ощутимо потянуло.

— Больной! — Раздался требовательный окрик Марины, сумевшей незаметно распахнуть дверь, — немедленно закрыть окно. Вы не имеете права держать его открытым при такой погоде.

Связывающая волю тоска исчезла, сменившись безудержным бешенством. Он сам не заметил, как в его руках оказалась тумбочка.

— Нет, — взвизгнула Марина, сразу превратившись в молодую — двадцать с небольшим лет — девчонку.

Несмотря на молниеносность движений студента, она оказалась быстрее. Тумбочка глухо ударилась в закрытую дверь, затрещала на последок, и свалилась на пол обломками.

— Я тебя в тюрьму посажу, — раздался испуганный голос из-за двери.

— Мне выйти? — Неожиданно спокойно спросил Володя. Бешенство, терзавшее его, странным образом перешло в мышцы. Он почувствовал такой приток сил, что мог, наверное, скрутить, как тонкую проволоку, железный лом.

Руки потянулись к двери. Откуда-то из глубин памяти пришло понимание, что если ударить чуть слева от середины двери на уровне груди, полотно развалится на части.

Володя с трудом удержал себя. Если он так поступит, Безматерных не отпустит его из больницы до смертного часа. Хотя он должен понимать, что со стервой Маринкой любой нормальный мужик поедет крышей. Она доведет до инфаркта или сумасшествия.

Затем его мысли пошли по другому направлению. Неожиданный прилив сил явный подарок орка. По крайней мере, это не самое неприятное за сегодняшний день.

«Хватит ныть, — приказал он себе, — жизнь не так уж плоха, как ему представляется». Чего разстонался. Пока все орчьи подарки были ему на пользу.

Он обвел взглядом палату в поисках предмета, на котором мог бы испытать приобретенную мощь. Как назло, ничего подходящего. Тогда, не особо раздумывая, он распахнул окно и вцепился в прут решетки. Намертво приваренный к металлической основе, он легко оторвался, словно был приклеен бумажным клеем. Не удовольствовавшись этим, студент-испытатель завязал его в узел.

«Может, мне в борцы устроиться, тяжеловесы», — с насмешкой подумал он. Остаток

вечера Володя провел в хорошем настроении.

Улучшились и его отношения с медперсоналом. Марина, видимо, сама сообразила, что перегнула палку. Когда пришло время ужина, она осторожно постучала в дверь, дождалась разрешения войти и, потупив глазки, вежливо сообщила, что кушать подано, можно ли внести?

Обалдевший от такого обхождения, Володя машинально кивнул, забыв о желании заехать в челюсть или швырнуть обломок табуретки. Поглощая рисовую кашу, он постепенно пришел в себя от поведения переменчивой девчонки. «Бабы они и есть бабы, — философски решил он, чувствуя себя древним циником, — поставь их на место, дай понять, кто есть мужчина и они притихнут».

Наивный Володя, как много надо было ему познать, чтобы понять свое заблуждение! А пока он горделиво посматривал в себя в небольшой осколок зеркала, оставшийся от прежнего жильца и чудом не выброшенный техничкой.

Наутро его разбудили рано утром, почти с восходом солнца. Разбудили, конечно, сильно сказано. Надоевшая Марина внесла банку с зажженной свечой, поставила ее на подоконник, и стремительно вышла из палаты, не давая Володе выразить свое отношение к бесцеремонному вторжению. Он потянулся, зевнул, подумал, не погасить ли свечу. Спать хотелось до ломоты в костях. Ночь на новом месте он провел плохо, часто просыпался. И сны снились какие-то странные. Цветные, то страшные, то хорошие, людей в них не было, только природа. Неведомые звери, птицы, деревья окружали его, нападавая или привлекая запахами, звуками, причудливыми движениями.

«Опять орк!» — Понял Володя. Он посмотрел полузакрытыми от сна глазами на руки. Не стал ли он сам орком. Марина вроде не заорала при его виде.

— Большой, градусник, — тут же нарисовалась она в двери.

«Черт в табакерке!» — Вздохнул он. Бывают такие люди, упоминание которых сразу же вызывает их появление. Медсестра явно из их числа.

— Это по приказу врача, — предупредила она его, восприняв медленные движения как признак нового приступа ярости.

— Ладно, — буркнул Володя. Он сунул градусник в подмышку и, лежа на спине, уснул.

Разбудил его дикий крик. Вернее, даже не крик, а неистовый вой человека, подвергшегося смертельной опасности. Володя сразу и окончательно проснулся.

«Я разбил градусник?» — спросонья он решил, что Марина убивается из-за потерянного казенного имущества. Больше в голову ничего не пришло. Но градусника ни подмышкой, ни на кровати не было. К тому же, крик был такой ярости, что Володя окончательно проснулся и предположил другое:

«Орк? — он прислушался к своим ощущениям. Какая-то часть души отозвалась радостным переливом колокольчиков, признав приближение родича — очередная шутка сраженного пришельца, — орк! Свистать всех наверх!».

— Ах ты, сволочь, — пробормотал он, торопливо деваясь и прислушиваясь к шуму в коридоре. Крик не повторился.

«Убил!» — Сокрушился Володя. Он не успел. Интересно, а кто сумел закричать? Ведь пришельцы парализуют людей, они едва дышат. Или там все же не орк? Но зачем тогда такой дикий крик?

Ответы на вопросы он мог получить лишь в коридоре. Кое-как разобравшись в штанах и забыв про футболку, голый по пояс, зато с секирой в руках, он бросился из палаты. Новоиспеченному дружиннику следовало поторопиться, чтобы в живых осталось больше людей. И при этом, по возможности, самому остаться в целости и сохранности.

Володя совершенно не думал о приближающейся смерти. Успех первого боя сделал его оптимистом. Он словно играл героя-супермена, который по сценарию должен в конце фильма стать победителем. И пусть вчера их было трое, и то они справились с орком только благодаря омовцам, а сейчас он один. В полной спокойствии душе жила уверенность — умрет не он, а его враг. Володя чувствовал, что уверенность — тоже дар убитого им орка. Что же такое передал покойный пришелец своему победителю?

Орк явился к нему сам, расправившись со всеми, находившимися на первом этаже. После одной промашки убийца не допустил ни одной ошибки. Больные первого этажа

умерли молча. Володя не сомневался, что людей еще много на втором этаже, но все они находятся в оцепенении. Как вчера. Догадка его подтверждалась неподвижно застывшей около своего стола Мариной.

«Ей идет замороженность, ишь, как ножку выставила, — с каким-то садистским удовлетворением подумал он, — может, погладить по коленку?» Он представил, как будет злиться девчонка, чувствуя, что ее щупают, а она ничего не может сделать.

Осуществить свое намерение ему не удалось и отнюдь не из-за неспешно приближающегося орка. При приближении Володи медсестра вздрогнула, лицо ее напряглось, и она медленно выпрямилась, избавляясь от орчьего гипноза.

Пришелец, видя зашевелившуюся жертву, издал гортанный звук. Володя предположил, что тот оказался очень недоволен ожившей Мариной, прямо-таки оскорблен. Он, похоже, готов броситься к ней и пустить в ход дубину, не обращая внимания на Володю, ждущего его с секирой в руках. Однако студент не собирался оставаться зрителем. Он надежно перекрыл путь к санитарке. Пусть она доводила его своей наглостью и бесцеремонностью, но позволить орку превратить ее в отбивную он не хотел.

Орк, слегка поколебавшись, решил сначала убить его, а затем уже перейти к десерту в виде медсестры.

«Говорят женское мясо вкуснее», — некстати мелькнула у Володи шальная мысль. Он расчетливым движением ноги швырнул навстречу набегающему пришельцу стул. Орка это почти не задержало, но Володя успел нанести удар секирой. Выпад, благодаря приобретенной мощи, был такой сильный, что металлическое рукоять слегка погнулась. Подставленная под удар дубинка отлетела назад.

Орк недовольно зарычал и сделал легкое движение левой рукой в сторону Володи.

Его охватила сонливость, тянущая в водоворот сияющей, переливающей яркими красками стены. Чужая воля навязывала состояние покоя. «Надо отдохнуть, — пришло в голову, — где-то неподалеку кровать».

— Нет, — раздался пронзительный крик Марины, — не сдавайся!

Вопль больно ударил по ушам. Володя сразу взбодрился. «Опять колдует, сволочь!» — пришло к нему вчерашнее бешенство, обрушенное на Марину. Сонливость сразу прошла. Он зарычал в ответ не менее грозное и звериное, лихим ударом отбив обрушенную на него дубину. Орку не хватило совсем немногого. Ну, опоздай медсестра на половину орчьего замаха, и Володя уже бы лежал с раздробленным черепом. Тянуть пришелец не собирался, обрушив на него удар из всей силы.

Не повезло чужаку. Околдовать (провести сеанс психопринуждения) он не смог. Перед ним стоял разгневанный, а потому очень опасный соперник. Гнев Володи не был всеослепляющей вспышкой. Нет, наоборот, мозг заработал быстрее, тело налилось могучей силой. На миг он подумал, что, пожалуй, сможет взлететь в воздух — так отреагировало сознание на небывалый прилив мощи. Внезапно Володя отбросил секиру и схватил за ножки стол дежурной медсестры. Он сработал как хорошая боевая машина — мысль о столе только приходила в голову, а руки уже тянулись к мебели. Казалось, стол ничего не весит, словно он не добротное деревянное сооружение еще советских времен, а легкая фанерная стойка. Володя без особых усилий его поднял и с силой уронил на голову пришельца.

Стол, врезавшись в орка, развалился на части. Того и такой удар не сразил, лишь бросил на пол. Но для Володи этого было достаточно. Он схватил секиру и, не колеблясь, обрушил ее на голову орка. Оглушенный пришелец шевелился куда медленнее, чем человек. Жуткого

вида дубина только отрывалась от пола, когда секира опустилась на макушку орка. Голова с глухим треском раскололась на две части.

Володя приготовился вновь уйти в небытие, как накануне. И умерший орк не обманул его. На него обрушилась волна ощущений. В глазах помутилось, он пошатнулся. Тело обожгло огнем, прошла волна боли. В голове зазвенело, зашумело, целый симфонический оркестр принялся настраивать инструменты. Дальше должна прийти темнота. Не всепрощающая темнота забвения, а ад, оплата авансом даров убитого.

Но темнота так и не наступила. Муть перед глазами прошла, коридор снова был перед ним с распростертым телом второго убитого врага.

— Ой! — взвизгнула Марина, — что с тобой, ты жив?

Володя даже не посмотрел в ее сторону, взявшись за вывалившееся из рук древко секиры. Лезвие застряло в кости и ему пришлось упереться в грудь орка, чтобы с силой выдернуть оружие. Только высвободив секиру, Володя обратился к медсестре.

— Со мной все в порядке, — подчеркнуто спокойно сказал он, — ничего не стало.

Володя дружелюбно улыбнулся ей, приободрив после таких переживаний.

— Сходи, позвони в милицию, — попросил он.

Марина осторожно обошла орка, собираясь пройти в дежурку.

— А вдруг там еще орк? — Вдруг остановившись, спросила она.

— Орки парами не ходят, — неохотно сказал Володя и сразу усомнился в своих словах.

Много он знает о пришельцах.

Марина заметила его сомнения.

— С чего ты решил, они тебе об этом сказали?

Вот ведь язва! Очухалась и пилит.

— Пойдем! — решительно сказал Володя. Ее все равно не переспорить, лучше довести до телефона.

В дежурке лежали три истерзанных трупа. Володя тяжело вздохнул, посмотрев на них. Все женщины. Эти пришельцы убивают всех подряд. Они хоть разумны, и если да, то что, не понимают разумности людей?

Телефон, в отличие от работников больницы оказался цел. Но когда Володя снял трубку, гудка не послышалось. Сломан.

— Не работает, — сказал он.

— С чего не работает? — Удивилась Марина, — недавно ремонтировали.

— Орк сломал, — отрезал Володя. Он понял, отчего телефон не работал. Вчера же сам экспериментировал то со светом, то с фонариком.

— Часы идут? — спросил он у нее.

— Часы? Идут, — она недоуменно посмотрела на свои наручные часы, — ой, стоят!

— Понятно, — кивнул Володя.

— Что понятно, объясни! — потребовала она.

— Сама поймешь, — отказал Володя и пошел в свою палату.

— Нет, наглец какой! — воскликнула Марина. Она собралась высказать, что думает по его поводу, но ее взгляд упал на тело изуродованной дежурной.

— Ужас какой, — прошептала она и торопливо отправилась следом. Ей стало страшно, а студент был надежной защитой.

Володю Марина застала около трупа орка. Он продолжал удивляться себе: около изрубленного тела его должно было обязательно стошнить.

— Родню признал? — не смогла не съязвить Марина.

— Что? — замахнулся на нее секирой Володя, не расслышав шагов.

Марина шарахнулась в сторону.

— С ума сошел!

— А ты не подкрадывайся.

— Слушать надо!

— Марина как тебя по отчеству?

— Александровна.

— А не пошла ли бы ты Марина Александровна куда подальше...

Марина вспыхнула, сильно покраснев.

— Ах ты, гад такой...

— Тихо, — рявкнул Володя, прислушавшись к себе. Его оркская сущность заволновалась, почувствовав неподалеку родственную душу. Еще один орк?

— Да заткнись ты! — заорал он на медсестру, которая открыла рот для отповеди. Нашла время качать права, глупая.

Обиженная Марина молча двинулась к выходу. «Иди, иди», — решил Саша, продолжая мысленно обшаривать окрестности. Есть! Он не мог объяснить, как почувствовал, но поблизости точно был орк.

«Марина!» — вспыхнула мысль. Она же идет навстречу смерти. Хоть и дура, но не умирать же ей из-за этого. Баба как баба. Пригодится кому-нибудь, не будет же одна жить. Вошедший в боевой транс, он забыл о своих вчерашних симпатиях к ней.

— Марина, подожди! — крикнул он вслед девице. Куда там. Ее и след простыл.

Володя устремился за ней, чувствуя приближение врага. Он успел вовремя. Обездвиженная Марина, вновь превратившаяся в онемевшую статую, бесстрастно смотрела на приближающуюся смерть.

— Эй, орк! — закричал Володя, пытаясь отвлечь пришельца от обреченной медсестры. Это ему удалось. Орк сразу переключил свое внимание на оставшегося подвижным человека. Он втянул в себя воздух и заревел как взбесившийся бык.

«Почувствовал убитого приятеля?» — мелькнула в голове Володи мысль.

Он толкнул в сторону зашевелившуюся при его приближении девушку и отбил первый удар орка. Налившиеся силой руки и ноги помогли устоять. Будь это первая схватка, его бы унесло, оглушенного и недвижимого, на несколько метров. А так, он лишь слегка присел.

Орку сила человека не понравилась. Он недовольно зарычал и еще раз попробовал расправиться с Володей. Дубина пошла немного наискосок и ему с большим трудом удалось уберечь свою голову. Если и дальше пойдет так...

Он нанес ответный удар. Несильный, но быстрый. Лезвие топора скользнула по плечу пришельца, оставив после себя синюю царапину. Первая кровь.

Орк снова зарычал, теперь уже растеряно, явно не понимая, почему он не может убить человека. Володя не дождался очередного удара. Враг отступил, приготовившись только защищаться.

Что-то новенькое. Два предыдущих пришельца безудержно атаковали, презрительно пренебрегая ударами людей.

Володя попробовал нанести решающий выпад. Лезвие пришлось по дубине. Орк растянул губы в снисходительной улыбке. «Конечно, смеется, — обиделся Володя, — я фехтованием не занимался, приемов не знаю».

Орк перехватил дубину обоими руками.

«Сейчас врежет».

От сильного удара руки Володи, несмотря на приобретенную силу, онемели. Он едва не уронил секиру и сделал шаг назад.

Орк не стал его преследовать. Его самого немного контузило от удара. Он, как показалось Володе, с уважением посмотрел на него и тоже отступил.

— И долго вы будете стоять и любоваться друг другом? — язвительно спросила стоявшая за спиной Володи Марина. Он думал, что она удрала от опасности подальше, и вздрогнул.

«Не обращай на нее никакого внимания», — посоветовал внутренний голос. Девчонка, сама того не понимая, отвлекала его от схватки. Стоило ему слегка отвести глаза в сторону, орк мог нанести решающий удар.

— Х-ха! — выдохнул Володя, рванувшись вперед. Закончить схватку следовало побыстрее. Вряд ли кто из людей, способных прийти сюда, поможет ему. А вот третий орк, оказавшийся в этом здании, поставит точку в жизни Владимира Александровича Кудрявцева.

Секира, почувствовав волю хозяина, скользнул поверх поднятой с небольшим опозданием дубины, и врезалась между плечом и шеей, туда, где у человека находится ключица.

Орк вскрикнул от боли, синяя кровь хлынула из под лезвия, глубоко ушедшего в его тело. Левая рука повисла плетью.

Однако Володя не успел порадоваться успеху. Дубина, не успевшая встать на пути секиры, теперь по инерции пущенная вверх, выбила оружие из рук студента.

Орк рухнул на пол. Но у него хватило сил, оставив дубину, вырвать секиру из раны и отшвырнуть ее за спину, в угол. Володя, оставшись с голыми руками, слегка растерялся и проводил секиру грустным взглядом. Он поискал глазами какую-нибудь палку, но кроме полусломанного стола ничего не обнаружил. Стол был почти таким же, как у Марины, но Володя слишком утомился, чтобы повторить столOMETание.

Враг не стал ждать, пока человек найдет подходящую вещичку для его головы. У него осталось слишком мало времени на этом свете. Кровь стремительно покидала рану. Он с трудом поднялся, оскалил залитое синькой лицо, и бросился врукопашную. Володя попятился. Драться он и с людьми-то не очень умел, а тут орк со здоровенными кулаками и перекошенным лицом.

Но бежать некуда. Да и не удрать от этого бугая, пусть и раненого.

Кулак орка просвистел рядом с ухом. Володя успел уклониться влево. Его счастье, пришелец мог бить одной рукой, а иначе не устоять. Ответный выпад человека был слаб. Володя не ударил, толкнул обеими руками врага в грудь.

Орк не удержался и опрокинулся на пол на спину. Володя прыгнул через него к секире и обрадовано схватился за металл ее рукояти. Это было его ошибкой. Пока студент любовался своим оружием, орк приподнялся, обхватил его сзади за талию и повалил на пол.

Он рванулся, пытаясь вырваться из безжалостных объятий. Но орк был сильнее, прижимая к полу своим телом. Неужели конец...

Около Володи кто-то мелькнул. Орк вскрикнул и обмяк. Затем раздался еще один крик, куда громче.

Володя вырвался из под неподвижного тела пришельца. Рядом с ним лежала и корчилась Марина. Что с ней? Девушка была без сознания, извиваясь от невыносимой боли.

Что-то ему это напомнило. Он огляделся. Орк лежал мертвый с каким-то медицинским инструментом вроде узкого ножа в глазу. Все стало понятно. Марина сразила врага, спасая подопечного больного, и получила прощальный орчий дар. Значит, он не избранный. Все люди, убивающие первого орка, пройдут те же адские муки, что и он. Вот только кем они станут?

Он поднял ее и положил у стены. Как помочь находящейся в аду спасительнице Володя не знал. Скорее всего, никак не поможет. Она должна пройти через мрак пытки. Хорошо еще, что в отличие от него, девушку не били судороги. Как бы он один ее удержал?

И Володя уселся рядом с ней в ожидании, пока Марина придет в себя, или кто-то появится на поле боя. Все же это здание больницы, а не сторожка в отдаленном лесном массиве.

Первым появился омоновец, держа наизготовку автомат. Кому-то удалось дозвониться до полиции. Володя с некоторым напряжением ожидавший подмоги — вдруг еще орк заявится — позволил себе немного расслабиться.

— Ну и... ничего себе! — Озвучил полицейский свои впечатления, увидев лежащего на полу орка, — Пашка, иди сюда, — крикнул он в открытую дверь напарнику, а затем обернулся к Володе: — Это ты Кудрявцев?

— Я, — не стал разглагольствовать студент.

— А мы, понимаешь, пошли узнать, почему телефон не отвечает. — Разочаровал Володю полицейский. Он понадеялся на неведомого доброжелателя, увидевшего нападение орков, а оказалось визит на всякий случай, — все же такой важный больной лежит. Безматерных и послал. А у вас тут такие дела.

Омоновец был растерян, не зная, что делать. Он в самых смелых мечтах не ожидал наткнуться на убитого орка и лицезреть его победителя.

Напарник Паша, просунувшийся в дверь, любопытствовал:

— Ты убил?

— Она, — так же односложно ответил Володя, кивнув на Марину.

— Да ну?! — удивился Паша. В полиции о возможностях пришельцев знали достаточно, чтобы не поверить в победу девушки, — такого бугая и группой захвата свалить трудно, — он подозрительно осмотрел на студента: — а ты не врешь?

Володя даже не ответил.

— Да, — покачал первый, — вроде бы обычная баба. Возьмешь такую в жены, что не так, получите в ухо и идите на кладбище... Да, слушай, — он инстинктивно прижался к стене, вспомнив о необходимости быть поосторожнее, — живых гадов нет?

— Нет, — спокойно сказал Володя, — найдись хоть один, ты превратился бы в статую, а затем в мясо.

— Не шути так, — поучающе порекомендовал полицейский и потянулся к рации доложить начальству. Разумеется, та изображала из себя простой кусок металла и пластика.

— Черт, — тряхнул он ее, — только же работала.

— Отойди метров на сто, — посоветовал Володя, поднимаясь на ноги, — мертвый орк фонит, — ответил он на его недоуменный взгляд. Это, конечно, не совсем так, но правда могла выйти боком. Безматерных человек понятливый, с ним можно делиться информацией, а в полиции, узнав об орчьих «талантах» победителей, запросто возьмутся за дубинки. Как минимум. Неадекватная реакция всегда была характерна для простого русского человека.

— Попробую, — еще раз встряхнул рацию омоновец, — а ты пока оставайся здесь, — приказал он напарнику.

— Долго не задерживайся, Серега, — попросил тот.

— Почему за завтраком никто не идет, — просунулась в дверь рассерженная женская голова в белой накидке, почти уткнувшись в оставшегося омонодца, — мамочка!

Голова каким-то образом, словно полицейский прозрачный, увидела трупы.

Омоновец, схватившийся за автомат при появлении женщины, расслабился.

— Заходи, заходи, что в дверях встала, — больше для того, чтобы нарушить тишину, чем для наведения порядка, сказал он.

— Господи, — закрыв рот рукой, вздохнула женщина, — как же это так, а? Никто ей не ответил. Женщина, постояв, присела рядом с лежащей Мариной.

— Она, кажись, жива.

— Жива, — вышел из состояния расслабленности Володя, — вы бы позвали врача.

Он, помня о своем выздоровлении, не спешил вызвать медиков. А вдруг это неправильно и Марине надо срочно помочь?

— Да, да, — торопливо закивала женщина и вышла на улицу, аккуратно прикрыв дверь. Она предпочла выйти на безлюдный в это время больничный двор с риском попасть под дубину очередного орка, чем оставаться в пропахшем смертями здании.

— Сейчас приедут, — сообщил возникший около них омоновец Сергей, связавшийся с начальством и получивший указания, — а ты оказался прав, — кивнул он Володе, — отошел и заработала. А теперь, — немного растеряно добавил он, подняв рацию на уровень груди, — опять молчит.

— Попробуй выстрелить, — посоветовал ему Володя.

— Зачем? — насторожился Паша.

— Говорили ребята, — повернулся к нему Сергей, — не срабатывает.

Он щелкнул предохранителем и нажал на курок. Автомат молчал.

— Вот так, — сказал он, — будем ходить с топорами.

— Да, другое придумают, — возразил Паша, — с электроспуском.

— Включи-ка свет, — усмехнулся его наивности Володя.

Паша поспешно щелкнул выключателем. Лампочка и не думала зажигаться.

— А вот это уже амбец, — расстроился Сергей, начав осознавать в какое дерьмо вляпывается их город. Да что город, человечество! Переход из эпохи высоких технологий в каменный век оказался для него шокирующим.

— Тысячу лет из истории можешь вычеркивать, — согласился с ним Володя.

— А я ноутбук в кредит купил, осталось последний взнос внести, — продолжал расстраиваться омоновец, — теперь что, выбрасывать?

— Оставь, Серега, вдруг пригодится когда-нибудь, — попытался утешить его товарищ, но лишь подлил масла в огонь.

Володя, который понял о внезапной деградации человеческой цивилизации раньше них, смотрел на полицейских с сочувствием. Ему тоже было не очень-то весело после понимания, в каком мире они будут жить. Но говорить ничего не стал. Сами переживут, не дети. Так, в мрачном молчании они и досидели до прихода медиков.

Женщина из столовой, ошеломленная нападением, сумела найти убедительные слова и поднять врачей. Трое в белых халатах прибежали почти сразу, не успел один из омоновцев докурить сигарету. Правда, для этого ему пришлось позаимствовать спички у товарища, поскольку зажигалка не сработала.

— Где пострадавшая? — деловито спросил появившийся в дверях молодой врач, — господи! — вырвалось у него при виде мертвых тел. Похоже, упоминание всевышнего было обязательным для входящих ритуалом. Володя, насквозь пропитанный атеизмом, с усмешкой подумал, что богу скоро придется икать от частого упоминания своего имени.

— Сюда, пожалуйста, — отвлек он врача от созерцания орка. Подумаешь, пришелец. Вот если бы он был жив ...

— Так, Мариночка пострадала, — озабоченно сказал врач. Он засвященнодействовал, в полголоса упоминая пульс, давление и что-то еще медицинско-латинское. Девушка уже

затихла, перестав корчиться, и лишних проблем для него не создавала.

— В общем-то, все нормально, — поднял он лицо, — пульс, правда, учащенный, давление повышенное, но в таком состоянии это понятно. Он ее стукнул, или она в обморок упала? — деловито спросил медик.

— Удар по психике, — пояснил Володя, не вдаваясь в подробности. Незачем врачу знать, что уже два человека в городе перестали быть просто людьми... как минимум, — унести бы ее отсюда, — предложил он.

— Конечно, — сразу же согласился врач и сразу же задумался: — Только куда? Оставлять здесь... — Его взгляд скользнул по трупам.

— Там еще лежат, — мрачно поддержал его Володя, — орк, похоже, сумел перебить весь первый этаж, пока наткнулся на меня.

— Он что вернулся обратно к выходу? — послышался знакомый голос.

Володя стремительно оглянулся. Около него стоял Безматерных. Быстро, однако, он. Может, тоже орком покусанный?

— Это второй, — отвел глаза Володя, — там, в коридоре, еще один лежит.

— Фью, — присвистнул один из омовцев. — автограф дашь? — спросил он то ли с глубоким уважением, то ли с насмешкой.

— Перестань, — отмахнулся от него подполковник, — ты обоих убил?

Очень хотелось соврать. Маринка хоть и страшная язва, но и ее жалко. Затаскает Безматерных. Кто тянул его за язык сообщать омовцам правду. Присвоил бы себе обе победы. Хотя Безматерных вряд ли бы ему удалось обмануть. Одно слово — легавый, умелец по поиску и обнаружению.

— Этого она, — после длинной паузы сказал Володя.

— Тогда все понятно, — ободряюще похлопал он студента по плечу, — не бойся, ничего с вами не будет, — он помолчал и закончил менее оптимистически: — будем надеяться.

— С пострадавшей ничего не делайте, — приказал он врачу, — под мою ответственность. В крайнем случае, введите общеукрепляющее. Отсюда ее надо обязательно унести. И тебя тоже, — повернулся он к Володе, — увести, в смысле, — пояснил он.

— В КПЗ посадить? — деловито спросил старший омовец.

— Зачем же садить, — улыбнулся Безматерных. Он задумался и обернулся к врачу. — Вот что, оставь его с ней. Парень уже пережил такой шок и может подсказать что и как. Отдельная палата найдется? — Спросил он у врача, и, не дожидаясь ответа, уверенно завершил: — найдется. Кстати, — спросил подполковник у Володи, — а сегодня как?

— Сегодня только волна боли по телу прошла и все, — вспомнил студент то ощущение и поежился. Вот ведь незадача — не убьешь врага в схватке — убьют тебя, убьешь — все равно пострадаешь. Нечестно.

— Молодец! — одобрил Безматерных, — действуй дальше так же, — казалось, он одобрил действия Володи. Только мрачноватый тон выдавал его озабоченность. Студент чувствовал — будь воля замначальника, его и Марину, как ее, Александровну — тоже мне сестра нашлась — посадили бы в самую дальнюю и потайную камеру. Но Безматерных не дурак и понимает — такое сделать ему не дадут. Сам Володя не даст. А еще есть такое дышло — общественное мнение, которое сейчас откровенно на стороне дружинника. Все же спаситель десятков людей. Пренебречь же настроем общества в это тяжелое время невозможно.

— Наряд, — скомандовал подполковник омовцам, — помогите унести пострадавшую

и останьтесь на охране до конца смены. Там свяжетесь с дежурным.

Нести предстояло на руках, но врач вовремя вспомнил, что они находятся в больничном помещении, и разыскал носилки.

— Берем! — скомандовал он Володе.

Марина была не только сварливой, но и тяжелой.

— М-да, — сказал врач, когда они подняли носилки, — из железа она что ли?

— Как и мы — из мяса, костей и дерьма, — равнодушно сказал старший омовец.

— Тебе хорошо рассуждать, — позавидовал врач, — ты только автомат несешь.

— Давай налево, — решил он, когда они вышли из здания, — зайдем в хирургическое.

— Возьмут? — осторожно спросил Володя. В больнице были постоянные очереди и, чтобы устроиться на койку, приходилось ждать иной раз по паре месяцев.

— Куда денутся, — снисходительно сказал врач, — героям место всегда найдется.

Они действительно очень легко устроили ее в двухместной палате, которая, несмотря на перегрузку больницы, была свободной.

Набежали санитарки и медсестры, устраивая больную. Все-таки своя, да еще героиня, да еще начальство команду дало.

Володя вышел в коридор, избегая бабской колготни.

— У вас тряпка не найдется? — вежливо спросил он у пожилой технички, с любопытством следящей за суматохой.

— Тряпка-то, — с трудом оторвалась она от занимательного зрелища, — зачем тебе тряпка?

— Да вот секиру бы вытереть, — показал он забрызганное синей, уже подсохшей кровью лезвие.

Женщина собиралась отмахнуться от просителя. У нее не склад, чтобы тряпки раздавать. Но тут ее осенило.

— Это обезьянья кровь? — с трепетом спросила она.

— Она самая, — свысока сказал Володя, понимая, что теперь ему не будет отказа ни в чем.

Женщина с сожалением огляделась на суету в палате. Столько интересного происходит. Ни одна из ее знакомых ни словом, ни духом ничего не знает. Лишь она все видит! Но Володя привлекал гораздо больше внимания. Еще бы, человек, убивший пришельца!

— Пойдем, сынок, — решила она, жалея, что не может раздвоиться, — есть у меня тряпка.

Она не пожалела и выделила свежий лоскут ветоши. Володя тщательно вымыл лезвие под краном и вытер досуха тряпкой.

— Сынок, а ты как его убил? — спросила техничка, намертво, как жвачка к подошве, приклеившаяся к нему. От усердного внимания она высунула язык и стала до одури походить на дворняжку Найду, сидевшую на цепи во дворе их дома в деревне.

— Как? — спросил Володя, мысленно улыбаясь, — да обыкновенно. Всадил секиру в голову и приехали.

— Так просто? — разочарованно спросила женщина, — это, поди, была маленькая обезьяна? — уже с насмешкой спросила она.

— Почему, — подмигнул ей Володя, — самая нормальная, здоровенная. Просто я слишком ушлый, чтобы ей поддаться.

— Ты где? — просунулась в дверь голова омовца Павла, — иди, там она очнулась,

требует тебя.

Марина обессилено лежала на кровати. Белокурые волосы нимбом разлетелись по подушке. При этом девушка не казалась ни беззащитной, ни слабой. После того, как она очнулась, у окружающих возникло впечатление отдыхающей могучей силы, уставшей тигрицы или хотя бы волчицы, в любой момент готовой прыгнуть и убить. Володя почувствовал, как у него зашевелились на голове волосы.

«Что за чертовщина? — Удивился он. — Или орковщина?» — Попытался он пошутить.

Собравшиеся у кровати медсестры медики предпочли незаметно рассеяться, сославшись на занятость. Кто их знает этих, укушенных обезьяноподобными убийцами. Как бросятся на людей. Благо, они совершенно не знали, что им делать дальше. Нет, все понятно — сердце, давление, легкие, потом отправить на рентген и УЗИ. А дальше? Как лечить, если найдутся патологии? Лучше гордо уйти, засвидетельствовав, что современная медицина смогла привести пострадавшую в себя.

Омоновцы тоже получили свою долю общей тревоги и ожидания. Натренированные на опасность, они стояли у дверей, не понимая причины своей настороженности, и судорожно сжимали автоматы, оглядываясь в поисках невидимых врагов. Так на них действовала аура Марины.

Володя в коридоре сам ощутил волну напряженности и нетерпеливого ожидания. Вот почему у него зашевелились волосы. Одна сила ожидала другую, игнорируя все остальное. Студент почувствовал, как в душе разгорается костер желания немедленно увидеть ее. Невидимый магнит, находящийся в теле на уровне груди, настоятельно тянул в палату и он не удержался.

— Пришел, — еле слышно сказала Марина. Она была еще слишком слаба, и даже шепот давался ей с большим трудом, — а я уже закричать хотела.

— Не болтай, — грубовато, но с той особенной теплотой, которая передается только близким людям, сказал он и коснулся пальцами ее губ, — ты так звала, полбольницы с ума сходит.

Вспомнив, как сам страдал от жажды после прихода в сознание, Володя высунулся в коридор. Где-то здесь умывальник... Но в чем он понесет воду. В ладонях?

— У вас воды нет? — Спросил он у омоновцев.

— Газировка, — поспешно схватился за наплечную сумку Паша.

— Давай!

Омоновец без спора передал бутылку. Как-нибудь рассчитаются потом.

На тумбочке стоял стакан с остатками микстуры. Володя понюхал, скривился и выплеснул жидкость в приоткрытое окно. Через несколько секунд снизу раздался оскорбленный вопль прохожего. Асфальтированной дороги под окнами не было, но, как водится в России, народ сокращал путь через больничный городок. В час пик в больничном дворе не менеелюдно, чем около Мавзолея в благоприятные для него советские времена.

Не обращая внимания на крик, он сполоснул стакан газировкой, выплеснув затем ее туда же на улицу.

— Мать перемать, — услышал он от пострадавшего, не догадавшегося отойти в сторону после первого потока жидкости, — я тебе сейчас, перемать, руки переломаю.

Ломальщик нашелся! Шел бы себе дальше, если хочет остаться целым и невредимым.

Володя невозмутимо наполнил стакан до половины и, приподняв голову Марины, поднес его к пересохшим губам. Она жадно потянулась к воде и, сделав несколько жадных глотков, подавилась и закашлялась. Только этого не хватало.

Отложив стакан, он посадил ее, стараясь не обращать внимания на то, что между футболкой и ее телом ничего не было — медики постарались, — и несколько раз с силой стукнул по спине.

— Ты с ума сошел так стучать! — во весь голос завопила она. Откуда только силы взялись у девчонки. Ведь не насилуют же. Такую сейчас изнасилуешь, руки-ноги выдернет.

В дверях показался заинтересовавшийся криком Сергей. Увидев, что находящиеся в палате изображают нечто похожее на объятия, он хмыкнул.

— Испарись, — велела ему Марина, обессилена прижимаясь к Володе.

Омоновец предпочел послушаться. Ссориться с обезьяноборцами не стоило. Тем более, они в фаворе начальства.

— Помоги встать, — попросила Марина Володю. — Да не жмись ко мне так. Первый раз обнимаешься?

— Да я и не жмусь, — оскорблено возразил он, поспешно убирая руки. Действительно, его помощь явно перешла в объятия. Только пусть она не воображает, что он готов упасть на колени перед ее прелестями.

Марина с трудом опустила ноги с кровати на пол.

— Ты не рано встаешь? — предостерегающе спросил Володя.

— Нормально! — отрезала она.

Он успел обнять ее за талию, когда девушка встала на ноги. Подставки держали ее плохо, она бы обязательно упала.

— Пользуешься девичьей слабостью, — упрекнула его Марина, не пытаясь, однако, вырваться.

— Отпущу — упадешь, — последовал ответ, — и вообще, знаешь, не умничай и не строй из себя принцессу. Будешь брыкаться — уйду.

Он посмотрел на нее. Поняла или нет? Ее придирки действительно стали злить его. Уйти он вряд ли бы ушел... Только если уж очень его рассердит... Видно будет.

— Не злись, — пошла на попятную девушка, — ты заводишься с пол-оборота из-за такого пустяка. Отпусти меня.

Володя решил не спорить. Он предпочитал вообще не общаться с красивыми стервозными бабами. После общения с обесцвеченной красоткой его настрой не изменился... Во всяком случае, ему очень хотелось верить в это.

Как он и ожидал, Марина сделала самостоятельно пару шагов, после чего голова закружилась, она попыталась опереться о стену палаты, попала на дверь и вывалилась в коридор, упав под ноги прибалдевших омоновцев. Один бросился ей помогать, а второй ринулся в палату в поисках неведомых врагов, едва не наступив девчонке на руку.

— Лихие вы ребята, — сказал Паша после окончания паники, помогая встать Марине, — ты чего не поддержал ее? — упрекнул он подошедшего Володю.

— Она попросила отпустить, — объяснил тот.

— Отпустить, — заворчал омоновец, — должен знать — выслушай бабу и сделай наоборот.

Он считал себя знатоком женских сердец. Самоуверенность его и подвела. Марина, которую он к этому моменту поднял на ноги, неожиданно встрепенувшись, вырвалась из его

рук. Упоминание про баб, явно глупых и бестолковых, ей не понравилось. Она схватила омоновца за шиворот. Бедный полицейский охнул от рывка вверх, почувствовав, как ноги потеряли опору. Воротник затрещал, но выдержал. Бедняга схватился за Маринину руку, пытаясь вырваться. С таким же успехом он мог попробовать вывернуть фонарный столб.

— Ты чего, чего? — всполошился его напарник, пританцовывая около девушки, но не решаясь хотя бы прикоснуться к ней.

Его можно понять. Зрелище не для слабонервных. Худенькая, бледная после обморока девушка внезапно схватила за шиворот здорового омоновца выше ее ростом, и подняла его за воротник почти над собой. Мировой рекорд по поднятию тяжестей одной рукой она, без всяких сомнений, установила.

— Отпусти его, — попросил Володя, — он же ничего тебе не сделал.

— Да я так, — совсем не злым голосом сказала Марина и отпустила омоновца. Тот мешком шлепнулся на пол.

Володя насторожился, ожидая от полицейского либо агрессивного нападения на девушку, или бегства. Но он разочаровал его. Володя не хотел признаться себе в том, что почти с детских лет презрительно относился к полиции, считая ее собранием всевозможных грехов и недостатков. И когда действия силовиков не вписывались в прочно сидевшую в голове схему, он впадал в ступор, не зная как поступить.

— Меня зовут Павел, — запоздало отрекомендовался пострадавший, не пытаясь подняться на ноги, — знаю самбо, играю на гитаре, еще стреляю из калашникова, макарова и те де, но все это, боюсь, уже никому не пригодится.

Пока Володя переваривал пришедшую в голову мысль — на какого ... ему нужно его имя и достоинства, так сказать, организма, Марина уже милосердно протягивала ему руку, ласково улыбаясь. Омоновец куда лучше студента знал, как добиться прощения у женского пола.

— Только не называй меня бабой, — попросила она, — меня это бесит.

— Как скажешь, начальник, — не стал возражать Паша.

— Э-э, — вмешался второй милиционер, как и Володя, с трудом осмысливший произошедшее, — попрошу не отбирать у меня подчиненных. Меня, кстати зовут Сергей, сержант Сережа Драничников.

Володя заметно поскущел, представив Марину в компании двух шустрых омоновцев. Он пытался убедить, что перед ним стержневая, наглая красотка, от которой лучше держаться подальше, но настроение все равно испортилось. Их было только двое в этом меняющемся мире. Он уже стал свыкаться с напарницей, которая, несмотря на трудный характер и острый язычок, была хорошенькой, а значит, в состоянии тронуть сердце любого мужчины. И хотя все еще противился... было в ней что-то, кроме привлекательности, надежность и верность, что ли. То, что привлекает не только женщину, но и мужчину.

— Я, пожалуй, пойду, — обратился он к увлекшейся болтовней троице, — надо зайти в общагу, поговорить с ребятами.

— Безматерных велел тебе дожидаться его здесь, вместе с пострадавшей, — сразу проявил бдительность старший наряда.

От таких орлов избавиться легко невозможно, и Володя многозначительно перехватил рукоять секиры. Жест был настолько угрожающим, что сержант засопел, не зная, как поступить. Бросаться в драку ему очень не хотелось. Порубит студент в капусту, а если его удастся скрутить, объясняйся с начальством, почему соизволил издеваться над героем.

Насчет скрутить, правда, он изрядно усомнился. Если девчонка такие фортели выкидывает, — омоновец скосил глаза на ее тоненькие ручки. Затем глаз автоматически полез в сторону двух прелестных выпуклостей, не прикрытых ничем, кроме футболки, которая не столько прикрывала, сколько подчеркивала их формы.

— Мальчики, перестаньте, — встала между ними Марина, превратившись в белокурого ангела с открытки, — вы же не будете ругаться, — ласково, почти нежно спросила она Володю, — ведь не будете, да?

Отбиваться от такого варианта красавицы не было никакой возможности. Володя и таял от ее обращения, и возмущался, понимая, что им попросту крутят, но ничего поделать с собой не мог.

— Вот и хорошо, — видя успокоившегося студента, произнесла она. И совсем другим голосом добавила: — так есть хочется, просто сил никаких нет.

Она села на кровать и завернулась в одеяло.

— Стриптиз закончен, — мило сообщила девушка трем джентльменам, ее окружавшим.

Володя покраснел и автоматически посмотрел на свой наручный будильник — электронное достижение современной японской науки. Желудок подсказывал, что время пить херши, но который ныне час обнаружить не удалось. Электронное чудо, конечно же, не работало. Он же наследник орков.

Сержант Сережа тоже взглянул на часы.

— Что это они остановились? — удивился он.

— Может, ударил обо что? — выдвинул версию Паша.

— Противоударные, — просветил его сержант.

Он повернулся к Володе, требуя от него объяснений. Все же неполное высшее, пусть и не техническое. Володя был не против.

— Забыли о нашем разговоре об оружии?

— Как и часы тоже? — воскликнул сержант.

— Да и часы. И многое другое.

— Влипли мы с тобой Паша, — плюнул на пол сержант, — лучше б я в Чечне ноги протянул.

— В помещении прошу не плевать, — казенным тоном сказала Марина и нежно добавила, — что же теперь делать, жить-то хочется.

— Хочется, — добавил Андрей, — пойду-ка я кой куда схожу на счет холодного оружия.

— Сходи, — снисходительно разрешил сержант. Он потянулся к рации и выругался, поняв ее бесполезность, — вот дурная привычка хвататься за рацию, выбросить, что ли железяку.

— Сережа, — обратилась Марина к нему, — не занимайся такими пустяками, сходи лучше до буфета, — она оглядела палату в поисках своей одежды, — ага, — из кармана обнаруженного пиджачка, небрежно валявшегося на стуле под халатом, она откопала портмоне, — а то с голода умрем.

Сержант слегка замялся. У него на лице было написано, что идти должен Володя, как самый младший по званию, а омоновец должен выполнять приказ и охранять пострадавшую. Однако студент в случае нападения куда полезнее, от всесильного автомата, с помощью которого он еще вчера мог перебить все население больницы, сейчас никакого толку.

— Схожу! — сказал, словно прыгнул в глубокий омут сержант, — не надо мне твоих денег, нам зарплату вовремя выдают.

Он круто повернулся и отправился вниз по лестнице. Володя ему позавидовал. Ему, нищему студенту, имеющего в кармане десятку с мелочью на полторы недели до стипендии, такого не выдать.

Омоновцы подошли почти одновременно — один с полиэтиленовым пакетом, набитом пирожками и ватрушками, а второй с самодельной пешней — приваренным к стальной трубе топору, только не с боку, а строго параллельно трубе. Достижение современной науки. Так сказать наука — производству. Мечта любого дворника.

— Ух ты, — вполне искренне восхитилась Марина, глядя на пешню, — я тоже хочу такую.

Сержант почувствовал нечто похожее на ревность.

— Да, Паша, — стараясь, чтобы голос был спокойным, без издевок, сказал он — хорошую замену нашел ты калашникову.

— Нормально, — не принял его тона омоновец, — если встретится орк, хоть говядиной себя чувствовать не буду.

— Дай-ка сюда, — попросила Марина.

— Зачем тебе, — Павел смерил взглядом худенькую девушку. Потом вспомнил, как она с ним обошлась, и нехотя протянул.

— Хорошая штука, — похвалила находку омоновца Марина. Она встала, не отпуская одеяла, несколько раз махнула пешней. Со стороны могло показаться, что идет снимка очередного голливудского боевика. Не могла такая хрупкая девушка с легкостью крутить железку весом не меньше десяти килограмм.

Володя вдруг напрягся. Внутренний голос подсказал ему приближение опасности. Марина внезапно повернулась к нему и, крикнув: — поберегись! — нанесла прямой удар в грудь. Не получи Володя от покойных орков дара предвидения и быстрой реакции вкупе с немалой силой, лежать бы ему с пробитой грудью и рассеченным позвоночником — настолько был резок выпад.

Он еще успел оценить ситуацию и отбить пешню не влево, как было удобно, а вправо. Иначе бы пострадали омоновцы.

Удар обухом секиры по трубе пешни выбил ее из рук Марины. Следующий удар кулаком отправил следом и ее саму. Девушку Володя бить не собирался — понятно, что она дурачилась. Но тело, получив боевые рефлексy, работало самостоятельно, без подключения головного мозга. Ему удалось лишь немного смягчить удар.

Омоновцы, разинув рты, следили за поединком.

— Эй, вы чего, — опомнился старший, — прекратите немедленно! Паша, бери под прицел студента.

Но Володя, уже опустив секиру, подошел к девчонке. Он протянул ей руку, видя, что с ней ничего не стало.

— Все в порядке, мальчики, — улыбнулась она, грациозно поднявшись с помощью Володи, — я просто проверяла реакцию мужчины.

Сержант, готовый прыгнуть к Володе, чтобы согнуть его в бараний рог, недоуменно остановился. Когда до него дошел смысл слов девушки, он попятился. Связываться с сумасшедшей он не собирался.

— Да не бойтесь вы, — снова засмеялась она, — на вас я бросаться не стану. Вас я просто убью. А вот студента уже не смогу, как не буду пытаться.

— Давайте есть пирожки, — вздохнул сержант. Мир рушился на глазах и рушился явно

не в его пользу.

Примерно через час, когда они съели все пирожки и ватрушки, вновь появился вездесущий Безматерных. До этого они бездарно проиграли сражение с медиками. Пришедший осмотреть Марину врач, сначала опешивший от дружной атаки «наследников орков и Ко» (как с некоторым юмором стал называть их компанию Володя), категорически отказался ее отпускать, ссылаясь на необходимость обследования. Трое мужчин и девушка оказались привязанными к больничной палате и начали скучать от ничегонеделания и ненужного трепа. Общих тем у омовцев, студента и медсестры оказалось не так уж много.

Появление подполковника было встречено с облегчением. Даже Володя, который ожидал от него чего угодно, вплоть до возвращения в прежнюю палату и даже в камеру КПЗ на всякий случай, был рад. Что угодно, лишь бы выйти отсюда.

Безматерных оказался на удивление весел и благожелателен.

— Заскучали? — спросил он, — отдых окончен. Ребята, свободны, — обратился он к омовцам, — За сегодняшнее дежурство получите благодарность. Остальное узнаете на оперативке. Давайте, жмите, — велел он, увидев, что его подчиненные не очень-то спешат к выходу, — увидитесь еще, не в другой город отправляю.

— Орлы, — без особого осуждения произнес Безматерных им вслед, — не оторвешь от вас.

— Это комплимент? — капризно спросила Марина, опасно оперевшись на пешню. Ее она оставила себе. Паша даже не пытался отбить свое не долго послужившее оружие, понимая, что силу применять бесполезно, его скрутят в бараний рог, будь его начальник здесь или нет, а выпрашивать было унижительно.

— Не надо на меня сердиться, — улыбнулся Безматерных самой мягкой, какую мог найти в своем арсенале, улыбкой, — я не собираюсь давить на вас или похохмить. Жизнь слишком изменилось, вы думаете, мне так просто делать распоряжения своим людям?

Он прошелся по палате.

— Сообщаю вам закрытую информацию, которая, впрочем, не так уж и закрыта, все равно пройдет по телевизору где-нибудь завтра, а то и сегодня вечером. Так вот, за вчера и сегодняшнее утро — до девяти ноль-ноль — по России убито около полутора тысяч человек. И только десяток орков, как вы их называете, Владимир. Из них по одному убили вы двое. Понимаете?

— Мы герои? — Ответила вопросом на вопрос Марина. Глаза ее заблестели, рука сама собой подняла пешню в сокрушительном замахе. Не хватало только победного крика.

«Наверное, так выглядели амазонки», — предположил Володя. В девушке было нечто смертоносное и в то же время прекрасное. Воин древности с радостью принимал бы смерть от такой девы.

У Безматерных промелькнула такая же мысль. Как бы незаметно он сместился за Володю. Парень более благоразумен, а у взбаломощенной девицы хватит ума помахать своей мотыгой перед его носом.

— Герои, — подтвердил он, правда, без особого восторга, — благодаря вам разрешено организовать особый отряд, вооруженный холодным оружием. Благо что, ученые как-то вычислили, что орки всерьез и надолго. Вас в отряд не возьмут, — успокоил он Володю, принявшего охотничью стойку. Студент не собирался не служить ни в армии, ни в милиции,

пусть даже в таком интересном отряде, — но при отряде будет добровольная дружина. Вот в нее, я думаю, вы войдете. Не беспокойтесь, особо мучить вас не будут. Главное — научиться самообороне, а при необходимости — прийти на помощь ближним.

Нам тоже не дадут особо развернуться, — пояснил он после недолгой паузы. — Вряд ли мне позволят набрать больше десяти человек. С орками станут драться специально обученные подразделения министерства обороны и внутренних дел. А мы займемся только самообороной. Все понятно?

Володя кивнул головой. Немного помедлив, сказала свое «да» и Марина.

— В таком случае, не смею задерживать, — весело сказал подполковник, — я решил вас отпустить. Пара бойцов, способных на равных драться с врагом, очень нужна городу. Не время валяться в больнице. Ну и от лица службы спасибо за убитых врагов. Думаю, что город найдет возможность отблагодарить материально.

— Благодарствуйте, — откликнулся Володя и, не дожидаясь девушки, ринулся к двери. Он ожидал, что кроме бочки меда, Безматерных преподнесет и ложку дегтя. К сожалению, опасение подтвердилось. Подполковник, видя удирающего студента, поспешил закончить свою речь:

— Послушайте еще пару слов, — Володя притормозил, всем своим видом показывая желание побыстрее скрыться, — вы оба испытали непонятное воздействие со стороны убитых пришельцев. Для безопасности окружающих, да и вашей тоже, вы должны каждый день проходить медосмотр.

— Не буду, — заявила Марина. — Не имеете права.

— Не имею, — согласился Безматерных, — но скоро у меня появятся такие права. В зонах действий пришельцев, скорее всего, чрезвычайное положение будет ужесточено. Пока речь идет только об ограничении передвижения ночью, но готовится указ президента о расширении полномочий силовых структур. Подождите, — остановил он возмущенную парочку, готовую изложить ему все, что они думают и об орденосной полиции и ее конкретном представителе, находящимся около них.

— Вы же сами не знаете, что с вами может произойти. Так? — Голос его стал жестче. — Обследование необходимо для вас самих. А чтобы оно было не столь трудным, вы, Марина, будете обследоваться по месту работы, а Владимир — в медпункте института. Ничего серьезного — давление, пульс, еще пара мелочей. На большее все равно наша медицина не способна. За обследование вы получите талоны на диетпитание.

— Да? — Заинтересовано спросила Марина. Она явно собиралась поторговаться с ментом, выдавив из него максимум.

Володя изображать купца не собирался.

— Это все? — Хмуро спросил он. Его и так кормили бесплатно.

— Все, — успокаивающе сказал Безматерных. Будь перед ним обычный парнишка, он уже наорал бы на него, поставил на место. А то и на пару суток в КПЗ затолкал. Но перед ним стоял человек, убивший двух орков, а значит — спасший десятки жизней. К тому же раздражать его опасно — студент мог в бешенстве отправить вслед за орками и замначальника ГОВД. Кто знает, что у него с мозгами стало. Внешне нормальный человек, а как тюкнет своим топором. — Больше ничего от тебя не потребуется. Кроме, конечно, участия в дружине. Надеюсь, ты не откажешься? Не так уж и много я прошу.

— Надеюсь, — проворчал Володя.

— Тогда я пошел, — неожиданно сказал Безматерных и вышел из палаты. Володя, который сам рвался к выходу, вынужден был задержаться. Не спускаться же ему по лестнице в компании с ментом. Тот может найти еще какой-нибудь хомут. Уходить из дружины он не собирался. Студенческая жизнь окончательно стала казаться ему скучной и пресной, возвращаться к ней ему не хотелось. Лишь бы только не превратиться в орка. Знать бы — может за лучшее пойти на мост и броситься в реку, как он намеревался сделать всего лишь двое суток (как все изменилось!) назад.

Но и становиться подчиненным подполковника, к чему явно все шло, он не желал. Поэтому и брыкался при предложении Безматерных поработать на государство, в то же время опасаясь, что тот махнет на него рукой, набрав других людей. И останется Володя один со своими друзьями и проблемами в это нелегкое время.

Понукаемый такими мыслями, он направился к дверям. Подполковник еще не старая галоша, наверняка спустился на несколько пролетов вниз.

— Володя, — раздался нежный настойчивый голос. Марина напомнила о своем существовании. — Ты уходишь?

Володя в нерешительности остановился. Марина ему нравилась. Когда была спокойной. А вообще, несмотря на порывы сердца, он предпочел бы оказаться от нее на определенном расстоянии... наверное.

— Мне надо в общежитие, — выдавил он из себя. — Ребята ждут.

— Если надо — иди, — вдруг легко согласилась она тому, что он ускользает.

Довольный разрешением и легким прощанием Володя поспешил выйти. А то как передумает. Он обязательно будет о ней вспоминать и жалеть о невозможности встречи.

Если бы наивный, простодушный третьекурсник оглянулся, то увидел бы не мягкую обворожительную улыбку, а почти волчий оскал, свидетельствующий о том, что добыча обнаружена и вот-вот будет схвачена. Отпускать студента Марина не собиралась. Он вполне подходил на роль ее избранника.

Общага встретила Володю радостным гулом. Все уже знали об утреннем подвиге студента третьего курса истфака. Орки сумели убить только несколько человек, до того, как Володя вступил в бой. Больше за день в городе никто не пострадал, и народ знал почему.

Его самого порадовали невероятным сообщением. Ректор, не потерявший головы во всеобщей панике, решил махнуть рукой на указания свыше и приказал начать занятия. Студенты и преподаватели должны со следующего дня, как обычно, явиться в институт. Максим Николаевич посчитал, что привычный ритм лекций и семинаров лучше всего будет способствовать прекращению бардака хотя бы в их учреждении. Много лет работавший в сфере образования, он знал, насколько опасными становятся бездельничающие студенты.

В прежние времена Володя только скривился бы от такого известия. Срывались халявные каникулы. Но теперь, когда вокруг неразбериха и развал, льется кровь, осколок прежней жизни откровенно радовал. И не только его. Подавляющее большинство приняло на ура известие о занятиях.

Веселье не было омрачено даже сообщением Володи о своей новой способности глушить электроприборы, останавливать все механизмы, созданные человеком. Пусть жизнь будет немного неудобной, зато рядом с ними есть некто, способный справиться с орком и защитить население общежития.

Поначалу Володя хотел промолчать о своих новых достоинствах. Всякие аномальные хитрецы и уродцы плохо вписывались в студенческие ряды. Даже могучая сила, вселившаяся

в него, не помогла бы спастись от шуток, а порой и издевательств, если бы его приняли плохо.

Но новые способности все равно проявятся. И он решил выдать все сразу, а не вымучивать в час по чайной ложке.

— Ничего, — сказал практичный телелюбитель Колька после его рассказа, — надо прикинуть, какое у тебя поле глушения и нельзя ли как заэкранироваться.

Поскольку мужская часть общежития жила кучно, в одном крыле второго этажа, и оказалась крайне заинтересованной в блокировании способностей Володи, затягивать с экспериментом не стали. Во все стороны — соседние комнаты, на первый и третий этажи побежали студенты со всякой всячиной — зажигалками, часами, а Мишка прихватил димкин газовый пистолет. Путем экспериментального испытания было обнаружено, что на две комнаты влево и вправо ничего не работает. Зато вверх не было электричества только этажом выше.

— Перекрытие хорошее, — глубокомысленно сказал какой-то знаток.

— Ладно, мужики, завтра чего-нибудь придумаем, — стал выпроваживать набежавших студентов Дима, — а пока дайте отдохнуть чуваку, еле на ногах держится.

Большая часть правильно поняла намек и испарилась. Но нескольких пришлось выставлять. Кольку Дима просто оторвал от пола и вынес в коридор под его истошный крики: «Орки в общежитии».

Сразу же прибежала вахтерша, не имеющая чувства юмора и готовая поверить любому воплю. Дима ловко увернулся, прикрывшись Колькой от ее взора, и тому досталась вся порция ругани и угроз сообщить коменданту о безобразном поведении. Нападать на старшего дружины и его ставшего знаменитым соседа женщина не решилась. К кому потом обратишься за помощью.

— Живой? — Облегченно спросил Дима, закрываясь на ключ.

— Цел! — Гордо ответил Володя, заваливаясь на родную кровать.

— Ты только спать не вздумай, — предупредил его Миша.

Володя намек понял:

— Есть причина?

— Есть, — кивнул Миша, доставая из тумбочки бутылку водки. — Помнишь, омовцев, которых не посек орк вчера. Ну, ты его еще убил. Да не омовца, что вы на меня так смотрите, а орка.

— Васильева и его бойцов? Как не вспомнить, — вздохнул Володя, припомнив ощущения боли, после смерти орка. Шутливое настроение, возникшее после оговорки Мишки, сразу пропало.

— Ребята заходили, хотели тебя повидать, да не получилось. Оставили подарок.

— Но завтра же учеба... — Вспомнил Володя и задумался.

— Да плевать, — успокоил его Миша, — мы ж немного выпьем. К утру будем как огурчики.

— Кругом бардак, а мы учимся, — Дима взболтнул бутылку. — Представляешь, Володь. У нас в институте вообще полный порядок. Даже кормят нормально. Ну и хватит об этом. — Он поставил бутылку на стол, сделав приглашающий жест. — Мишка так хотел еще вчера ее оприходовать, но я не разрешил.

— Не так уж я и хотел, — слегка обиделся Миша, — над тобой прикалывался, а ты и поверил.

— Все, все, — поставил на стол Володя кружки, из которых за неимением рюмок и стаканов потреблялись горячительные напитки, — хватит бодаться.

Первую выпили за успешный вчерашний бой. Вторую — за схватку Володи сегодня утром. После этого приятели отправились покурить, а Володя в приятном легком алкогольном опьянении развалился на кровати.

«А ведь не так уж и не прав этот мент, — вспомнил он Безматерных, — когда собирается создать отряд ОМОНа. Только зачем нам быть при них. А если создать свою организацию. С орками все равно воевать придется».

Он обдумывал свою идею, и она нравилась ему все больше. Существовали же всякие толкиенисты, игравшие в средневековье. Или вон на Западе Ватерлоо повторяют, а у нас — Бородино. Ну, там, конечно, игрушки, баловство все это. А они могут создать настоящую организацию секироносцев. Звучит как-то не ахти, — поморщился Володя, — но название придумаем. Главное — должны быть люди, которым в случае нападения орков, а то и просто хулиганов можно полностью доверить.

Вернувшиеся курильщики втянули его в свой спор.

— Слушай, Володь, — как всегда горячась, обратился к нему Мишка, — а если на тебя сбросить бомбу, она взорвется или нет?

Володя чуть не икнул.

— Типун тебе на язык, — сурово осудил он предложение товарища. — Взорвется или не взорвется, от меня все равно мокрое место останется.

— Нет, а все-таки?

— Откуда я знаю.

— Приходившие сюда омовцы говорили, что у них граната не взорвалась, — припомнил Дима. — Один из них кинул ее в орка.

— И как? — Заинтересовался Володя.

— Да никак. Запал, говорят, пробит, а не взорвалась. Потом вставили другой запал и выдернули чеку вдаль от всех орков. Рванула.

— Так, — наморщил лоб Миша. Значит, если около тебя упадет бомба, по закону подобия она не должна взорваться. А вот другой вопрос...

— Стоимость одного вопроса — один стакан, — прервал его Володя.

— Ага, — поддержал его Дима. — Задаешь вопрос, пьем только мы с Володькой.

— Чуваки со мной комнате живут, на букву М, — то ли возмутился, то ли восхитился Миша. — Новые русские. Из воздуха деньги делают. Все молчу, — заметив движение с стороны Димы, быстро сказал он, — наливайте.

Опрокинув кружку, Володя осторожно поделился с товарищами идеей о дружинном братстве. Оба приятеля отнеслись к его предложению со скепсисом.

— Думаешь, найдешь столько верных товарищей? — Усомнился Миша, — подожди, соберется нас хотя бы десяток, начнутся пьянки, дележка заработанного, словом, колготня разная. Народ будет кататься на тебе. Или ты людей не знаешь. Это только у Дюма да фантазеры (так он называл фантастов) умудряются пачками находить друзей до гроба.

— Ты знаешь, сколько осталось у нас дружинников в общаге после нашей встречи с орком на патрулировании? То-то. Было тридцать семь, осталось тринадцать с нами, да и то половина колеблется и готова слинять. Халявы не получилось и пацаны бегут. Никто не хочет рисковать своей шкурой. Ты сам-то не боишься?

— Или тебя прихватят власти. Мент, который здесь крутится, так тебя прижмет, сам не

поймешь, как окажешься в его лапах, — продолжил Миша не совсем в тему.

— У вас, господа, старый взгляд на жизнь, — усмехнулся Володя. — Не забывайте, у нас под носом куча орков. Защищаться от них надо? Надо. Поэтому хотим мы или не хотим, а дружина должна быть. А сам я ничего не боюсь. Не переглядывайтесь, это, видимо следствие удара орка. Я какой-то совсем уж спокойный стал, как будто всю жизнь махал секирой.

— Кто поспорить, от орков надо защищаться, — согласился Дима.

— Достали вы меня своими деловыми разговорами. — Встрял в разговор Миша. — Предлагаю, кто еще раз заговорит об орках и оружии — кулаком в лоб, что б шишка была на память. Будет день — будет драка, а пока поговорим о приятном.

— Идет, — рухнул на кровать Володя, вольготно забросив ноги на ее спинку. — А все-таки, сколько интересного нам, мужики, предстоит!

Пусть друзья с ним не согласились. Сами поймут — без единства им не вытянуть, а может и не выжить. Конца войны с орками не предвидится. А бежать отсюда он не собирался. Учителем ему не быть!

Пока достаточно дружины, а затем... Короткого разговора с ними ему хватило для того, чтобы окончательно убедиться в правоте своей мысли. У них будет свой союз борьбы с орками и выживания в новом мире!

Больше книг на сайте - Knigoed.net